

THE
MAGAZINE

SHARK MEAT

THE
MAGAZINE

Зиккурат - Юрий Максимов

Максимов Юрий Валерьевич

2479 год. Контакт человечества с внеземными «братьями по разуму» состоялся. Однако миролюбивые гуманоиды-сангхиты не просто намерены завязать с людьми дружеские отношения – они просят помощи. Потому что сангхиты веками пребывают в рабстве у загадочной могущественной расы, обладающей даром телепатического воздействия на чужой разум.

- [Пролог](#)
- [Первая часть. Пробуждение](#)
- [Вторая часть. Тот, кто верит](#)

Пролог

Это была не первая попытка мятежа. Древность знала немало смельчаков, подобных тем, кто посетил царский чертог в то летнее утро.

Первым пришел глава воинов Набу-наид, вторым – казначей Со, третьим – глава послов Ибу, а четвертым был сам царь.

Всех слуг отослали прочь и заперли все входы. Лишь после этого царь сошел с трона и обратился к гостям:

– Друзья мои! Нас здесь четверо, и все мы свободны. Не так уж часто на долю одного поколения выпадает столько бесконтактных. Грех не воспользоваться против тысячелетнего ига, терзающего наш народ. Что скажете?

– Это не первая попытка мятежа, государь, – с поклоном ответил Со, он был старше их всех. – Те, кто восставал прежде, были сильнее, умнее и бесстрашнее нас. Но все, чего они добились, – безвременная смерть. Разве можем мы ожидать успеха в деле, на котором споткнулись великие? Разве станет кто-либо из нас давать в долг тому, кто заведомо не сможет вернуть? Разве кто-нибудь снарядит путешествие, которое заведомо не окупит себя?

Царь молчал, и поэтому заговорил глава воинов. Он был самым младшим из всех, и лишь месяц прошел с его свадьбы.

– Даже если мы обречены на поражение, это не значит, что не нужно бороться, – сказал он. – Выйдя на бой и сложив головы в битве, мы явим доблесть и силу духа нашего народа – явим не только врагу, но и потомкам. Разве не славный пример древних героев дал силы каждому из нас устоять во время Сна? Пока хоть кто-то сопротивляется, порабощение нельзя признать полным. Но если мы не осмелимся даже попробовать – вот это будет подлинное поражение.

– А что думаешь ты? – спросил царь третьего заговорщика, главу послов, который был скромнейшим из них.

– Я думаю то же, что думает мой государь, я желаю того же, чего желает мой государь, и я выполню все, что прикажет мой государь.

После этого царь махнул рукой, повелевая им сесть, и, когда они устроились на скамеечках, вернулся к трону.

– Я услышал благоразумный, смелый и достойный ответы. То, что сказали вы, успел обдумать и я. Ты осторожен, Со, и твои доводы убедительны. Да, разумный человек обычно не дает в долг тому, кто заведомо не сможет вернуть. Но если в долг попросит твой сын или брат? Если от этого будет зависеть их жизнь? И они заведомо не смогут вернуть? Неужели откажешь?

- Сыну и брату не откажу, - ответил распорядитель казны. - Если надо будет, и последнее отдам.

- А разве твой сын и твой брат не порабощены врагом? Разве отцы и матери, жены, братья и сестры каждого из нас не влачат жалкое и презренное полубытие, ежедневно и еженощно питая собою этих чудовищ?

Никто не ответил ему, и царь продолжил:

- Ты решителен, Набу-наид. Мужество и величие древних героев звучит в твоих словах. Но все же я не стал бы созывать вас, если бы не рассчитывал на успех моего плана. Наши предшественники были лучше нас, однако они пытались победить, используя знания, полученные от врагов. И терпели поражение. Понятно, что враги никогда не дадут нам знание о том, как их свергнуть.

Заговорщики безмолвно взирали на государя снизу вверх.

- Но теперь стали известны важные сведения с того края, где раньше мы их не искали. Глава наблюдателей Кудур-мабук сообщил мне, что на Дальнем ДOME власть анаким намного слабее, чем у нас, и большинство живущих там - свободны. Значит, они знают нечто, что может спасти нас. Нам нужно лишь прилететь к ним и выведать этот секрет.

Царь дал гостям время, чтобы усвоить высказанную мысль. В чертогах стало тихо, как никогда. Выждав один уш, государь возобновил речь:

- Все уже готово. Дальнелет ждет нас. Ни на кого из контактеров положиться нельзя, поэтому управлять им должны мы. В последние годы я немало времени провел, познавая навыки управления дальнелетом. Четыре - тот минимум членов команды, которого будет достаточно. Я изучил язык обитателей Дальнего Дома. Вы знаете, что времени у нас мало. Враг не может читать мои мысли, но как только я вам их поведал, он знает о них. План следует воплощать немедленно. Я помню твой ответ, Ибу. Это слова верного человека. Как ваш царь я могу приказывать вам. Но предпочитаю спросить как свободный свободных: вы со мною?

- Да! - воскликнул Набу-наид.

- Да! - повторил Ибу.

- Бросить семью... бросить все... - проговорил, нахмурившись, Со, словно взвешивая, и затем кивнул: - Да, государь! Мы с тобою!

- Так поспешим! - Царь сошел с трона, и трое гостей его поднялись.

Но тут со стороны запертого входа что-то щелкнуло, змейки трещинок побежали по каменной плите, а мгновением спустя она развалилась и с грохотом обрушилась на пол обломками. Взору открылся проем, посреди которого темнела высокая фигура в расшитом узорами черном саване - Главный Контактёр Ишме-асаг. Когда пыль осела, он величественно вошел в царские чертоги.

- Как смеешь ты врываться сюда, Ишме-асаг? - крикнул царь.

Уста главы контактеров изогнулись в безжизненной усмешке, а из них раздался голос врага:

- Здесь нет Ишме-асага, а для меня ты - никто. - Вошедший неторопливо оглядел застигнутых врасплох заговорщиков. - Жалкие смертные. Как же вы забавны. Это ведь не первая попытка мятежа. Так ничему и не учитесь. Только что все твои дальнелеты разрушены, царь, руками твоих же подданных. Вы проиграли, даже не начав игры. Ничтожества.

Пока враг говорил устами Ишме-асага, в проеме за его спиной показалась вторая фигура. В руках у нее торчал ствол, он вздрогнул, и в тот же миг глава контактеров умолк, превратившись в живую статую. Стрелок ступил в чертоги. Ибу, Со и Набу-наид, не сговариваясь, встали плечом к плечу, загоразивая царя.

Вошедший низко поклонился и бросил к ногам заговорщиков парализатор. Стрелком оказался глава наблюдателей Кудур-мабук.

- Государь, еще не поздно воплотить задуманное, - сообщил он.

- Без дальнелетов? - Царь покачал головой. - Не один год уйдет, пока мы построим новый! А они и его сломают... Нам не переиграть их. Свободных слишком мало.

Набу-наид подобрал парализатор и направил его ствол на Кудур-мабука, держа в поле зрения и

оцепеневшего Ишме-асага.

– Государь, есть другой путь, – молвил глава наблюдателей, все так же не поднимая взора. – Вас мало здесь, но на Дальнем Доме свободны почти все. Если захотят прилететь к нам они, враг будет бессилён помешать. Не обязательно лететь к ним, мы можем позвать их сюда.

– Но у них нет дальнелетов, – возразил глава воинов.

– Можно сообщить им в письме, как его построить. Люди с Дальнего Дома очень способны.

– А вдруг они не захотят лететь к нам? – Царь стал задумчив.

– Риск есть. Однако я уверен, их это заинтересует. Я много лет наблюдал за ними.

– Но как передать им послание? Ведь обычный способ для нас закрыт. – Царь кивнул на оцепеневшего главу контактеров, в чьих глазах пылала бессильная ярость.

– Есть возможность, – заговорил глава послов. – Через дваров. Я могу попросить Сарга.

– Стойте! – крикнул казначей. – Это ловушка! Он же контактер! Он может делать и говорить лишь то, что позволит живущий в нем враг! Нельзя ему верить!

Установилась тишина. Царь обвел всех взглядом и спросил:

– Что скажешь, Кудур-мабук?

Глава наблюдателей ответил не сразу, и голос его был полон волнения, когда он заговорил:

– Да, я порабощен. Но, клянусь, все, что я сказал, – это мои мысли. Как и вы, государь, я много лет шел к этому дню. Я с вами. Я готов отдать жизнь ради вашего дела! Не понимаю, почему мне сейчас позволяют говорить. Может быть, меня используют. Может быть, они уверены, что нам все равно не удастся отправить письмо...

– Как можно выиграть, если они видят все наши ходы? – воскликнул Со. – Государь, мы обречены!

– И все же мы попытаемся! – Царь откинул плащ и направился к выходу.

За ним последовали остальные. Набу-наид, поравнявшись с Кудур-мабуком, остановился, и они обнялись.

– Следи за мной, друг, – попросил глава наблюдателей. – Если я поведу себя как-то не так – стреляй.

Выйдя через разбитые ворота в коридор, государь замер, и остальные поняли причину, когда догнали его.

С обеих сторон коридор был заполнен толпой, в которой плечом к плечу стояли знать и слуги. Глядя пустыми глазами, они синхронно двигали губами, произнося:

– Это последняя возможность для вас! Остановитесь сейчас и будете прощены. Остановитесь, иначе всех вас ждет суровая кара...

Первая часть. Пробуждение

Когда капитан Муса сердится, он выглядит спокойным. И чем сильнее рассержен, тем спокойнее выглядит. Таким спокойным, как сейчас, я его, пожалуй, не видел за все время полета.

– Ты не участвуешь в контакте, – чеканная капитанская речь жгла, как раскаленный металл. – Когда прибудем на Аган, останешься в каюте. Ни одного сангхита не увидишь. Я скорее руку себе отрублю, чем допущу это. А по возвращении на Землю твоя выходка не останется без последствий.

Сжав кулаки, Муса склонил голову и глухо добавил:

– Все, Софронов. Можешь идти.

Я молча повернулся и вышел в безжизненно-серый коридор. На душе было легко и пусто.

Конечно, капитана можно понять. Мужик-то он, в общем, не злой. Искренне хотел со мной поладить, как и с остальными. Но вот не сложилось. То письма его к жене и детям при последней трансляции не пройдут, то задвижка в душевой сломается, и всякий раз – я крайний. А теперь еще это... До сих пор не пойму, как оно вышло. Даже Зеберг не смог объяснить.

А Муса и слушать не стал. Сказал, как отрезал. И круто отрезал. Слишком круто. Хотя потери-то не такие уж страшные. Ну к чему сангхитам истории об извращениях императоров Рима или иудейских восстаниях? Если бы еще не арабский блок, капитан и сам бы так сказал.

И все же на исходе XXV века можно бы и научиться стоять выше этнических разделений.

Но разве растолкуешь это арабу?

Я свернул в коридор второго жилого. Мимо просеменил на тонких ножках служебный А-723 – безучастный, как и эти серые стены. Вмазать бы ему по пластиковой башке для остротки, да ладно уж...

Спустя пару минут я остановился возле двери Тези Ябубу и вежливо кашлянул. Люк отъехал в сторону, на свет выглянуло смуглое лицо «ответственного за безопасность».

– Хау, чийе!^[1] – Он улыбнулся и жестом пригласил меня внутрь.

– Хау, мисун!^[2] – ответил я и, наклонившись, вошел.

Тези Ябубу звал меня «большим братом». Такая лакотская вежливость. Я старше его на два года и в полтора раза шире. Так что оставалось называть его «маленьким братом», если я правильно усвоил перевод. Тези Ябубу принадлежал к племени лакота и был выдвинут Соединенными Штатами. Хотя президентом и большей частью конгрессменов там уже триста лет являются навахо и чероки, Тези Ябубу удалось пробиться для участия в проекте «Контакт» и тем повысить статус своего племени.

А вот мне, пожалуй, наоборот, понизить...

Пройдя до «гостевого» одеяла на полу, я привычно уселся на него, а Тези Ябубу тем временем нажал кнопку чайника и начал расставлять пиалы. Обычные бледно-голубые пиалы совершенно не сочетались с обстановкой в каюте индейца.

Над обстановкой он в свое время потрудился как следует. Свет здесь приглушен вполновину. Стены и потолок темно-коричневого цвета. С помощью тонированной бумаги Тези Ябубу закруглил углы, а лазерным резаком превратил стол из прямоугольного в овальный. Стульев нет – на голом полу лишь пара одеял и спальник. Шкаф не используется – нужные вещи висят по стенам в расшитых бисером мешочках. Там же и «священная картина» с изображением «дедов». Кажется, будто и впрямь из серого коридора звездолета шагнул в настоящее типи, или как там у них национальная изба называется...

– Ну что, Вася, разнос тебе Муса сделал?

– Разнос – не то слово. Меня отстранили от программы.

Индеец удивленно вскинул брови.

– Как это?

– А вот так! В контакте не то что участвовать – даже присутствовать не буду. Сангхита увижу разве что в записях призапа. Сиди в лаборатории и обгладывай косточки, которые бросят другие...

– Сурово.

– Да уж. Я, конечно, сплеховал, но и капитан явно перегнул палку. Исчезла-то всего одна пятисотая информации... Ну что там – I век, какие-то религиозные тексты, частично литература... и раздел по истории арабов. Вот Муса и взялся. Тут уж не повезло, так не повезло.

– Странно, что не удалось восстановить.

– Если уж Зеберг не смог... он, кстати, тоже удивлялся.

С шумом выдыхая пар, чайник щелкнул – готово. Прежде чем взять его, индеец благоговейно посмотрел на вышитых бисером «дедов».

К слову сказать, Тези Ябубу очень религиозный человек, над чем нередко за глаза подшучивают остальные. Сунь живет как аскет, но если речь заходит о Боге, не упускает случая пошутить. Бонго и Муса – явные атеисты. Зеберг именует себя агностиком, что в его исполнении означает: обо всем болтать, все пробовать, ничему не верить.

Что до меня, то я крещеный, быть может, единственный на «Арксе», но особо верующим себя тоже не назову. Я признаю, что Бог есть, но о большем предпочитаю не думать. Мой старший братец начал вот вникать, теперь прозябает где-то в глухом северном монастыре на далекой Земле. В мои двадцать семь это рановато.

Послышалось журчание горячей струи, каюту заполнил аромат жасмина. Тези Ябубу с мягкой улыбкой развернулся ко мне и подал дымящуюся пиалу. Сам, прихватив вторую, присел напротив.

– Спасибо... – Я подул на чай. – В общем, контакт вы будете устанавливать без меня.

Нахмурившись, Тези Ябубу провел рукой по длинным черным волосам, с обоих краев заплетенным в косички.

– Мне кажется, Муса переменит решение, – осторожно произнес индеец. – Сгоряча он так сказал.

– Хорошо бы. Но капитан не похож на человека, который любит отказываться от своих слов. Так что, считай, теперь на «Арксе» появилась резервация. В ней обитаю я.

– Не думаю, большой брат, что это корректное сравнение. – Тези Ябубу сделал долгий глоток и продолжил: – Мы с тобой будем общаться, ты сможешь заниматься работой.

Забыл самое главное сказать: Тези Ябубу – мой друг. С индейцами вообще-то не так легко сдружиться из-за их веками вымученного этноцентризма, но член нашего экипажа в этом плане особенный. Очень любит вашичу, как они называют неиндейцев, даже проработал около года на добровольных началах в белой резервации в Айове. А на «Арксе» почему-то самые теплые чувства стал испытывать ко мне, хотя я ничего специально для этого не делал. Даже называет меня «большим братом», повторяя: «Все – мои родственники».

Я покачал пиалой, наблюдая, как коричневые волны пытаются дотянуться до краев фарфоровых стенок, и с отрешенным видом изрек:

– Ну да. На Агане таинственного и неожиданного будет немало. На всех хватит. Кажется, это вы называете Вакан Танка[3]?

– Нет, Вася, это... другое. Как бы тебе объяснить? Человек значим через свою ответственность в мире, а То – важно намного больше. Через Него, по сравнению с Ним я вижу себя бесконечно малым. Через ощущение величия того, что меня окружает видимо, я слегка и робко ощущаю еще большее величие Невидимого, радуюсь и наслаждаюсь общностью с Ним...

Мне это слегка напомнило проповеди братца, но из вежливости я промолчал. Мне таких людей все равно не понять. Я хочу взять от жизни то, что причитается. Я не трогаю Бога, а Он пусть не трогает меня. По-моему, все справедливо. Я свободен. Иду куда хочу.

Хорошо у Тези Ябубу в каюте. Уютно. Чай вот, правда, остыл. Мысли, словно перекатываясь по фарфоровому ободку, снова и снова исподволь возвращались к моему печальному положению. До прибытия осталось всего три дня. Слишком мало, чтобы что-то исправить...

– Может, оно и к лучшему, что ты останешься здесь, – неожиданно сказал мой друг. – Несколько ночей назад я постился и курил Трубку. У меня было видение. Деды показали мне...

– Что?

Тези Ябубу нахмурился, но продолжил:

– Нас ждет на Агане что-то плохое.

* * *

Шершавый ствол покачивался, отзываясь на прыжки. Ветки прогибались, шурша листвою. Плотные влажные листья нехотя гладили тело, оставляя на коже липкие капли семенного сока. Ничего, речные воды потом все смоют. Энмеркар взобрался еще выше. Край стены уже близок. Еще чуть-чуть... Он скользнул по стволу и встал на выступ ветки, тянувшейся к желтой стене. Отмахнувшись от листьев, с опаской глянул вниз. Не хотелось бы попасться на глаза смотрителю сада, когда до цели рукой подать.

Редкие прорехи в листве не давали обзора, но, видимо, ярус по-прежнему безлюден. Внизу, у

корней чернели следы сандалий от первых неудачных попыток залезть на дерево. Вздыхнув, мальчик начал пробираться по ветке, передвигая одну ногу за другой и боязливо придерживаясь за ствол. С новым шагом ветка все больше прогибалась. Внутри что-то замерло и покалывало после каждого движения. Наконец рука, неуверенно касаясь черствой коры, вытянулась до предела. Глядя вверх, Энмеркар отпустил ствол и сделал еще шаг. Ветка затрещала. Нутро сжалось в комок. Он прыгнул, на лету ухватился за край и вкатился на крышу.

Пару ушей Энмеркар неподвижно лежал, вжимаясь липкой от семенного сока спиной в прохладные камни шестого яруса. Золотистые изгибы неба создавали причудливый рисунок вверху. Ветер ласково овеивал тело. Застывший комок внутри разжался, сердце захлестнула волна торжества. Снова удалось! Он приподнялся и глянул через край. До земляного пола пятого яруса не меньше семи его ростов.

Восхитившись своей удачей, мальчик перевел взгляд на кроны сада четвертого яруса, за ними зеленой полоской виднелся сад третьего яруса, а дальше открывалась размеченная по квадратам «пешеходка». Чуть дальше из нее вырастала соседняя башня, справа высилась вторая, третья... Между ними мелькнула полоска летателя с еле различимыми фигурками...

Отдышавшись, Энмеркар встал на четвереньки и пополз по каменным плитам. Здесь, как и положено на шестом ярусе, пусто и голо, никаких деревьев. Из центра торчит большой, выложенный желтыми плитками, куб. К нему-то и направлялся Энмеркар, пыхтя и улыбаясь в предвкушении. Только бы отец не заметил! Подобравшись к стене, он скорчился и начал ощупывать стену, снизу вверх. Едва руки поднялись на ладонь выше головы, нагретый солнцем камень исчез. Энмеркар ухватился за невидимый край и, спружинив ногами, перелетел сквозь стену.

Приземлился неудачно – пятая точка со всего размаху шлепнулась о платформу отцовского летателя. Но оно того стоило – отца удалось застать врасплох. Тот копался в хранильнике, перекладывая сухие листья, вроде тех, что контактеры используют для Напитка Перехода. Обернувшись, отец с изумлением взглянул на сына, а затем рассмеялся.

– Энмеркар, сколько раз я тебе говорил не лазить сюда по деревьям? – спросил он, захлопнув дверцу хранильника.

Мальчик улыбнулся в ответ, радостно впившись взглядом в глаза отца. Потом встал с металлической платформы и сошел на теплую циновку. Больше всего на свете он любил смотреть в отцовские глаза. Ни у кого из взрослых в городе больше не было таких глаз. Разве что у дяди Со. Но дядю Со он видел только раз, очень давно. Энмеркар помнил о нем еще меньше, чем о матери. Память смутно сохранила материнское лицо, запомнилось, что у нее были обычные глаза. Как у всех взрослых. А у папы – необычные. Живые, добрые, настоящие... Даже переливы небесной пелены могли со временем наскучить, но не папины глаза.

– И какой же повод ты выдумал на сей раз? – добродушно поинтересовался отец, не дождавшись ответа.

Энмеркар неторопливо прошелся по кабинету, потирая ушибленное место.

– Сколько осталось до их прилета? – спросил он, трогая пальцем деревянный Круг Мужества на стене.

– Три захода Уту. – Отец сел рядом с воздушной плитой.

– Вот именно! – воскликнул Энмеркар. – Ты ведь обещал! Помнишь?

– Конечно, помню, – ответил отец и бросил жестяной кубик.

Энмеркар поймал на лету.

– Это правда их музыка? – спросил он, разглядывая подарок.

– Правда. Кое-что из нее. Однако, зная твердость сердца сына своего, я по-прежнему теряюсь в догадках, почему нельзя было потерпеть с этим до захода Уту?

– Мне скучно, – признался Энмеркар. – Магану теперь не хочет играть со мной.

– Поссорились?

– Нет. Он слышал Песню. Еще вчера. Поэтому он ни с кем не разговаривает. И в Дом Табличек

сегодня не пришел. Я отыскал его, но он убежал. Он пьет бессонное снадобье, чтобы не заснуть и не увидеть Сон.

Прислонившись к стенке, отец нахмурился, и глаза его стали до странного похожи на задумчиво-переливчатое небо. Набрав побольше воздуха, Энмеркар осмелился перейти к тому, ради чего на самом деле спешил сюда:

- Папа... я подумал... может, если сказать Магану про то, что они принесут нам, то ему будет легче...

Отец вздохнул и покачал головой.

- На то он и секрет, Энмеркар, что его нельзя никому раскрывать. Но ты, как друг, должен поддержать Магану любым иным способом. Ему сейчас тяжело. Побудь с ним эти дни. Разговори его. Все, чем полнится сердце, пусть тебе оно скажет. Может быть, твоему другу удастся продержаться...

Энмеркар замолчал, глядя, как темнеют соседние башни, зловеще неподвижные на фоне утекающего вдаль неба.

- Можно я хотя бы дам ему послушать их музыку?

- Да, - кивнул отец. - Это можно.

Последующие три дня для меня стали временем самобичевания и отверженности. Что бы там ни говорил Тези Ябубу, а ощущал я себя как настоящий вашичу в резервации.

Я никуда не ходил, кроме нужника и виртокамеры. Не ел вместе со всеми - приказ Мусы распространялся и на это. Еду приносили друзья - Тези Ябубу или Сунь, навещавшие «блудного сына». Они подолгу засиживались у меня, потом уходили, уступая место апатии. Я валялся на койке под монотонное мурлыканье музыки. Или уходил гулять в виртал, по столицам мира, или еще кое-куда. Не раз садился корпеть над диссертацией, но работа не шла. Лучше удавалось писать письма Анне - остроносенькой блондинке из центра предполетной подготовки. Я не женат, и подружки у меня давно не было, после возвращения с Меркурия и отдохнуть толком не успел. Анна сразу запала в душу, но слишком мимолетны оказались наши встречи, чтобы вылиться в серьезное увлечение. Тем не менее в полете мне было приятно вспоминать о ней, воспоминания согревали сердце. Конечно, за те два года, что нас не будет на Земле, она, вероятно, успеет найти себе кого-нибудь, но... может, и нет. Как знать? Чем больше я о ней думал, тем сильнее казалось, что я влюблен. И немудрено, ведь на корабле ни одной женщины, лишь воспоминания о них да дразнящие виртуальные образы.

В целях самоукорения я настроил персоналку постоянно повторять:

- Васька - дурак! Васька - позор человечества! Васька - новый Герострат!

Кстати, забыл сказать: Васька - это не от «Василий», а от «Вассиан». Так уж меня родители называли.

Как-то раз я нашел на полу каюты странный приборчик. Вроде электроблокнота, но более узкий. Хозяин находки вел какой-то отсчет. По нарастающей шли числа, и напротив каждого стояло поясняющее слово. С удивлением обнаружил возле двух последних - 1012 и 1013, свое имя. Более ранние числа иногда сопровождались именами других членов экипажа. Я показал находку Тези Ябубу и тот узнал в ней вещицу Суня. Сунь был несказанно рад и одновременно смущен. От моего шутливого предположения насчет имен в книжке - уж не ставит ли он тайные опыты на коллегах - он смутился еще больше, принялся извиняться со всей китайской церемонностью, но вразумительного ответа так и не дал.

Что ж, каждого из нас обязали завести себе какое-нибудь хобби на время полета. Должно быть, наш бортинженер выбрал нечто более оригинальное, чем бисероплетение Тези Ябубу, рифмоплетство Зеберга, музыкальные опыты Мусы или мои научно-исторические потуги. Как бы то ни было, этот эпизод несколько разогнал скуку и позволил отвлечься, тренируясь в построении гипотез о загадочном списке Суня.

Вечером третьего дня свершилось: мы вышли на орбиту Агана. Скуке настал конец. Тези Ябубу и Сунь взахлеб рассказывали о первых результатах сканирования. Атмосфера почти идентична

земной – разве что CO₂ поменьше. Аган всего на пару сотен километров превосходит Землю в диаметре. Сила притяжения почти равна. Один огромный океан, один материк и множество архипелагов. Космическая съемка показала при увеличении четыре относительно крупных города – все на континенте. Зеберг выслал мне по внутренней сети снимки. Очень любезно с его стороны. Я действительно был тронут. Не ожидал.

То, что Уту похожа на Солнце, известно было давно, и я не сильно удивился сходству Агана с Землей. Сутки меньше на три часа, год длиннее на сорок с лишним дней, но это не мешало вполне пригодному для человеческого обитания климату. Целый институт, проектировавший наши универсальные скафандры, работал, выходит, впустую. Что же за существа здесь живут? Напрашивалась мысль, что они, по аналогии, должны быть похожи на нас. Впрочем, судя по снимкам из космоса, города сангнхитов мало похожи на человеческие.

Две другие планеты – скальная глыба у самой звезды и гигантский газовый шар, чертивший своей орбитой пределы системы, не предусматривали возможностей для обитания живых существ. Тем не менее, разбираясь с малопонятными, но от того еще более интригующими сведениями о диаметре каждой из них, расстоянии от светила, периодах вращения и обращения, составе атмосферы, давлении и температуре на поверхности, и тому подобном, мне удалось существенно скрасить заточение.

На четвертый день, спустя час после обеда, голос Мусы в динамиках объявил о начале посадки. Я лег на койку. Из стены вылезла крышка и опустилась надо мной. Створки саркофага сомкнулись. Теперь оставалось только ждать.

Корпус завибрировал. Донесся гул. Нарастающее ощущение тяжести, словно тебя распластывает, как тесто под мозолистыми руками доброй хозяйки. В этот момент все остальные члены команды, кроме Суня, находятся в точно таком же положении и испытывают то же самое. Интересно, о чем они думают?

Наверное, о сангнхитах. Забавно будет, если Суню не удастся благополучно посадить «Аркс» и нас размажет по гостеприимной поверхности Агана. Что тогда? С Земли вышлют вторую экспедицию. Слишком уж лакомым кажется этот контакт, чтобы от него отказываться из-за наших шести смертей. Или нет?

Занятные, наверное, эти сангнхиты. Веками человечество бредило: одни ли мы во вселенной? Сотни невероятных проектов, тысячи безуспешных попыток... Наконец успокоились: одни. И не успели успокоиться, как на тебе: ПОСЛАНИЕ ОТ ВНЕЗЕМНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. Больше похожее на записку для уборщицы. Это послание я запомнил дословно, благо, слов было не так уж много:

«Уважаемые правители планеты Земля!

Будьте добры, пришлите к нам представителей для контакта к 2479 году по вашему летоисчислению.

Заранее благодарны.

Раса сангнхитов, галактика Млечного Пути, звезда HD 70642 (Уту), вторая планета (Аган)».

К посланию прилагалась техинформация и чертежи сверхсветового двигателя. Составлено, разумеется, на первом земном. Примечательно, что на наших картах уже была звезда, в незапамятные времена названная Уту. И примерно за год до «послания» звезда погасла. Любопытное совпадение.

На призыв откликнулись главы правительств России, Китайской империи, Франкогермании, Объединенной Африки, Союза Арабских Коммунистических Республик и Соединенных Штатов Америки.

В принципе это было не опаснее путешествий средневековых купцов, отправлявшихся на свой страх и риск в неведомые земли, населенные столь же неведомыми обитателями. Неудачи и гибель одних вовсе не останавливали новых. Так и здесь: независимо от того, чем закончится наша экспедиция, маршрут «Земля – Аган» обречен рано или поздно стать торным. В свое

время пройдут по нему и торговые, и туристические, и военные корабли... Но и от нас зависело многое. Все отобранные в экспедицию – опытные космонавты. Муса и Сунь – и вовсе офицеры. У меня за спиной не один полет и я единственный, кто пережил катастрофу на Меркурии-4. Как бы ни выглядели внешне обитатели Агана, внутренне они мне казались надменными. И стиль послания, и даже само название их говорили об этом. Нельзя произнести «сангхит» быстро, по ходу с остальной речью, перед этим словом язык невольно должен остановиться, словно почтительный простолудин перед знатным вельможей, и затем произнести, тщательно выговаривая каждый звук. Впрочем, в нашей речи мы обычно упрощали до «сангхиты» или даже «санхиты».

Меня вдавило сильнее. Корпус затрясло. Закопошились недобрые предчувствия. Помолиться, что ли? Я покачал головой, отгоняя странные мысли. Интересно, сколько мы пробудем на Агане? Может, Муса после первого контакта переменит решение? Разве перед лицом великого не покажется мелочью мой нелепый проступок? Во всяком случае, когда через четыре часа после контакта сработает позывной и они вернутся на корабль, я пройду в кают-компанию вместе со всеми, чтобы просмотреть увиденное ими – с записей призапов. Этого меня никто лишить не вправе.

Гудение прекратилось. Тяжесть отпустила. Долгожданный щелчок и время гробового заточения окончилось. Я сел и прислушался к себе. Мы – на чужой обитаемой планете. Впервые в истории. Что я чувствую в этот момент?

Ничего.

Хотя нет, что-то ноет внутри, словно ветер гуляет в душе. Занятно. Может, Тези Ябубу и прав. Может, и впрямь лучше остаться. Почему-то мне и самому вдруг расхотелось покидать «Аркс». Пискнул входной сигнал, и люк отъехал в сторону. Потянуло знакомым запахом одеколона, и я не удивился, увидев рыжую шевелюру, насмешливые глаза, длинное лицо – Зеберг.

– Собирайся, Вася. Ты участвуешь в контакте вместе со всеми.

– Да ладно тебе!

– Как знаешь. Но советую не дожидаться, пока придет Муса. Он не в духе. Именно из-за тебя. Сангхиты передали, что на встрече должны присутствовать все члены экипажа. Муса решил не рисковать.

И правильно сделал! Ах, Муса, ах, алмаз моего сердца! Мне не надо было десять раз повторять. Я наспех напялил парадный костюм, прикрепил к груди призап, сунул в карман рацию и выскочил из каюты. Вдвоем с долговязым Зебергом мы бойко затопали по коридору. Очень удачно, что вызволять меня послали именно программиста. Можно кое-как войти в курс дела:

– Что показало сканирование?

– Довольно много занятного. Все требует дальнейшего изучения. Неожидаемое и вполне ясное одно: компьютер определил сангхитов как людей. По крайней мере биологически.

– Людей? Может, гуманоидов, похожих на людей?

– Тогда они столь похожи, что наша сверхмощная железяка не способна отличить. А я в таком случае не вижу особой разницы.

– Люди... – У меня невольно засосало под ложечкой. – Может, именно они в древности заселили Землю? Впрочем, не исключено, что эти «люди» – лишь биоты, воссозданные настоящими обитателями Агана, чтобы нам легче общаться? По типу того, как они писали на первом земном? Или, быть может, сангхиты – полиморфные организмы, способные принимать любую форму, в зависимости от надобности?

– У тебя подвижное воображение, Вася. – Вечный спорщик Зеберг осклабился. – Живи мы лет пятьсот назад, ты не преминул бы еще сообразить, что эволюция на разных мирах протекает по одному сценарию...

Свернув возле оранжереи, мы перешли в первый рабочий.

– Не вижу связи. В отличие от этого наукообразного бреда мои гипотезы вполне приемлемы.

– Ну да, конечно.

– А сам ты как объясняешь?

- Никак. Я хоть и пишу на досуге стишки, но в работе, Вася, привык иметь дело с фактами, достаточными для того, чтобы делать выводы. Пока что их недостаточно.

- Ну а предварительные гипотезы?

- Извини, Вася, - усмехнулся немец, сворачивая влево. - Пока что моя муза спит. - Мы миновали темнеющие за стеклом фигуры боевых роботов. - Что ж, почти пришли. Спроси у Тези Ябубу - может, ему духи что-нибудь нашептали?

Разумеется, наткнувшись на яростный взор Мусы, я никого спрашивать не стал, а тихонько отошел в сторону. Ко мне шагнул Тези Ябубу и одобряюще улыбнулся. Сунь обернулся и кивнул. Бонго пренебрежительно скосил глазами. Все, кроме меня, вылизаны и подтянуты. Все, включая меня, на нервах, стоят перед скучной металлической стеной.

Какой он на ощупь, чужой мир? Предвкушение холодными волнами захлестывало нутро, разбиваясь на тысячи брызг об утесы непонятной тревоги, охватившей нас. Вспомнилось, как я впервые увидел море и ступил в его соленую воду. Ощущения точно такие же. Металлическую стену прорезала полоса света - створки шлюза начали раскрываться.

Самое первое - воздух. Терпкий, влажный и почему-то немного острый. Диковинные травы и неведомые создания чудились в нем. Полоса света расширилась до размера ладони. Запах стал сильнее. Взгляды жадно устремились сквозь узкий проем. Видно было пока немного: ровная поверхность, покрытая тонким узором, в отдалении - три человеческие фигуры. Одеты во что-то неприглядное, вроде тренировочных костюмов. Больше ничего разглядеть не получалось.

Нервное молчание стянуло лица.

Наконец шлюз открылся. Бесшумно заработал эскалатор. Первыми на убегающие вниз ступени встали Муса и Зеберг, затем Бонго и Сунь, последними - мы с Тези Ябубу.

Снаружи оказалось теплее, чем в утробе звездолета, но жары не было. Стоя на эскалаторе, мы оставались неподвижны, лишь длинные черные волосы Тези Ябубу в легкой струе воздуха колыхались как морские водоросли. Узорчатая поверхность приближалась. Интересно, из чего она сделана? Огромный металлический потолок - брюхо «Аркаса» над нами - начал уходить назад, раскрывая небо. Небо Агана...

У меня аж дух захватило. От края до края раскинулась перламутровая пелена с тончайшими переливами то в глубокую синеву, то в тяжелый фиолет. Прожилки пелены горели золотом, сокрытое от глаз светило высвечивало их, словно перья феникса. По интенсивности горения «перьев» казалось, будто пелена скрывает не одно, а два светила, хотя я понимал, что это всего лишь оптический эффект.

Странное чувство будил вид местного неба: словно смотришь в зеркало и видишь в отражении чужое лицо. Но это не пугало, а завораживало. Я посмотрел на фигурки сангхитов. Мы теперь в их власти. На их территории. Они могут сделать с нами все, что хотят. Щупальца страха шевельнулись в глубине. Промелькнули причудливые грезы: полуголые дикари приносят нас в жертву своим богам, существа в белых халатах разрезают нас скальпелями и готовят к жутким экспериментам... Нахмурившись, я отогнал глупые мысли.

Встречали нас довольно скромно. Ни огромной ликующей толпы, ни великого войска от края до края... Усмехнувшись, я перевел взгляд дальше. На узорчатой поверхности лежали две широкие металлические платформы, словно постаменты для еще несозданных памятников. Уж не для наших ли? За ними шла рыхлая земля. Вдали виднелись желто-зеленые пирамидки с размытыми контурами.

Эскалатор выплюнул нас на поверхность. Сердца застучали сильнее. Наконец мы приблизились достаточно для того, чтобы стали различимы...

Они!

Сангхиты!

Глаза у них очень крупные, глубокого карего цвета, почти черные. Уши тоже больше человеческих. Смуглая кожа отливает синевой, волосы обриты, а из растительности на лицах только ресницы.

Вот и все, что отличает их от нас. В остальном – обычные люди. Ни хвостов, ни клешней, ни щупалец, ни трех голов, ни глаз на стебельках... Люди как люди. Черты лиц и пропорции тел правильные. Не сказать чтобы красавцы, но и не уроды. Ничего особенного. Кроме разве что еще одного: взгляда.

У среднего и правого сангхитов было невероятно тяжелое выражение неподвижных глаз, словно смотришь в пропасть, дно которой сокрыл непроницаемый мрак. Взгляд осьминога и то человечнее. Но зато у третьего, что стоял слева, взгляд самый что ни на есть человеческий: живой, подвижный, осмысленный. Окна дома, а не распахнутый зев бездны.

Они были одновременно и похожи, и отличны от нас, и чем больше я смотрел, тем сильнее казалось, что глаз не улавливает всех оттенков того и другого.

Шею каждого обтягивал шнур с большим серебряным кольцом, на щиколотках и запястьях красовались металлические обручи. Обладателем «человеческого» взгляда был худой, мужественного вида сангхит с энергичными чертами сухощавого лица. Я заметил, что у него, в отличие от других, кольца нет – пустой шнурок. Следующий – самый высокий и старший, лицо имел надменное, с поджатыми губами и лбом, перерезанным вертикальной морщиной. Правый же оказался невысок, коренаст, с толстой шеей и круглым, невыразительным лицом.

Тот, что стоял посередине, заговорил, и мы почему-то не удивились, услышав речь на первом земном. Гораздо удивительнее показался сам голос: глубокий, объемный и как бы двойной, словно говорили одновременно два человека с разными, гармонично сочетающимися, тембрами. Очень красивый и завораживающий голос:

– От имени Ут-Напишти Сто Пятьдесят Второго, повелителя планеты Аган, мы рады приветствовать торговую делегацию Дальнего Дома. – Речь сангхита текла плавно, как река, лишь слабый, еле приметный акцент придавал ее течению своеобразный колорит. – Перед вами Главный Контактер Кудур-мабук. По правую руку от меня Глава воинов Набу-наид. По левую руку от меня Глава торговцев Иддин-даган. Мы облечены властью вести с вами торги.

Вот и первая неожиданность. Как торговую делегацию мы себя не рассматривали. Конечно, на «Арксе» лежало много всякого добра, но все задумывалось как дары, а наша основная цель – первый контакт, не более. Впрочем, почему бы дары не сделать товаром?

Откашлявшись, Муса аль-Ас торжественно объявил:

– От имени жителей Земли мы приветствуем народ сангхитов и славного Ут-Напишти Сто Пятьдесят Второго. С радостью примем участие в торгах. Переговоры с нашей стороны будет вести Вассиан Софронов. Другие члены экипажа поучаствуют в культурной программе.

Вот так: обухом по голове, как говорили древние. Под пристальными взорами сангхитов ребята невольно расступились, раскрывая меня. Я не успел еще отойти от первого шока, как тут же был шокирован сугубо: Муса церемонно развернулся в мою сторону и низко поклонился. У меня аж колени подогнулись. Вот те на! Да что же здесь происходит?

– Переговоры с нашей стороны будет вести Глава торговцев Иддин-даган, – мерно объявил завораживающий голос Главного Контактера.

И тут, едва оправившись от потрясения, неожиданно для себя я четко произнес:

– Я буду разговаривать с Набу-наидом.

Ребята удивленно оглянулись. Помедлив, Кудур-мабук кивнул:

– Как тебе угодно.

Я с опаской взглянул на Главу воинов. Он тоже внимательно смотрел на меня, но ни удивления, ни недовольства не показывал.

– Ты отправишься с Набу-наидом, – продолжал Кудур-мабук. – Остальных я прошу идти за мной.

Кивнув, уж не поклон ли это? – Главный Контактер показал нам спину. То же сделали его спутники. Сангхиты направились к платформам. Переглянувшись, мы пошли следом. Со спины можно было пытливо рассмотреть облачения аборигенов. Они выглядели как облегающая сплошная одежда из играющей тенями золотистой ткани, которая, впрочем, больше напоминала жидкий металл вроде ртути. Я посмотрел под ноги. Узорчатая поверхность

состояла из плотно пригнанных друг к другу маленьких плиточек, белых и черных. Черные, слагаясь в линии, составляли непонятный асимметричный узор.

У платформ сангхиты разделились: Иддин-даган и Кудур-мабук взошли на правую, а Набу-наид – на левую. Муса, Бонго, Зеберг, Сунь и Тези Ябубу направились вправо, к Главному Контактёру. Я невольно замешкался: что-то в сердце кольнуло, будто смутная тревога... Всего один миг я всматривался в удаляющиеся спины друзей. Ни один из них не оглянулся.

Спокойный взгляд одинокого, как и я, Главы воинов заставил меня пойти дальше. Несколько шагов – и я ступил на гладкую металлическую поверхность, где сразу отошел в другой конец, подальше от сангхита. Наш постамент оторвался от плоскости и взмыл вверх. Ни нахлынувшей тяжести, ни свежести воздушного потока я при этом не ощутил. Другая платформа – с двумя сангхитами и пятью землянами – уже была в воздухе.

За секунду до того, как платформы разлетелись, я вспомнил о друге и взглянул в глаза Тези Ябубу. Они были полны ужаса. И тут нашу платформу дернуло и понесло в другую сторону. С недоумением провожал я взглядом полоску с человеческими фигурками, стремительно уменьшавшуюся на фоне загадочного неба Агана. Чего мог испугаться наш ответственный за безопасность? Какие-то чудные все нынче. Муса не похож на себя, Тези Ябубу сам не свой...

А я? Вроде оставался собой, но и в моей душе ощущалось что-то необычное с того момента, как раскрылись створки люка. Что ж, рано или поздно все тайное станет явным. А пока сангхитская платформа с остальным экипажем «Аркса» превратилась в точку и растворилась в играющем переливами небе, которое то и дело притягивало к себе взгляд, мутной тенью отражаясь в душе. Оно не было низким, как земное при сильной облачности, но из-за отсутствия любого просвета казалось, что оно не настоящее, а лишь завеса, которой сокрыто подлинное небо от живущих внизу. Интенсивность горения золотых изгибов по-прежнему внушала мысль о двух солнцах с той стороны.

Мы уже поднялись высоко, когда я обернулся и посмотрел на «Аркс». Неожиданно комок асимметричных линий сложился в единое целое, оказавшись огромным и подробным изображением Северного полушария Земли. Наш звездолет покоился как раз в районе казахских степей. На секунду меня захлестнула ностальгия... А еще страх.

Все последние дни естество мое стремилось к контакту, как набегающая волна к берегу, и вот, обрушившись на твердь реальности, подобно той же волне, душа моя трусливо откатывалась, стремясь назад, в привычную пучину корабельной жизни. Я ведь вовсе не собирался вести переговоры в одиночку; участвовать должны были все, говорить – Бонго, а возглавлять – капитан...

Почему Муса так поступил?

Ладно, теперь ничего не поправишь. Для поддержания духа осталось лишь старое испытанное средство: представить, что все уже позади, а то, что я вижу, – не более чем воспоминание. Воспоминание о давнем сне.

Глядя вперед, я с интересом ждал появления сангхитского города – а мы направлялись именно туда. Вот показалась массивная каменная стена с монументальными воротами. На стене через равные промежутки красовались скульптуры, рассмотреть которые с такого расстояния было не под силу. За стенами открывалось бескрайнее пространство, поделенное на квадраты, выложенные из гигантских плит.

На значительном удалении друг от друга высились мощные ступенчатые пирамиды. Они состояли из семи ступеней или ярусов. На каждом ярусе были разбиты сады из низких, кривых деревьев. Располагаясь в шахматном порядке, пирамиды тянулись почти до горизонта. Где-то слева блеснул синий изгиб, перерезающий город – река или канал.

Мы снизились и сбавили скорость. Сангхит стоял на противоположном конце платформы, лицом по направлению движения, спиной ко мне. Я вглядывался вниз, стараясь уловить и осмыслить как можно больше. Кое-что сразу бросилось в глаза.

Для города в земном представлении здесь было слишком мало жителей. Мы летели изрядно, но сангхитов я заметил от силы десятка полтора, да пару раз вдали промелькнули такие же

платформы, как наша. Никаких следов колесной техники. Из строений только огромные пирамиды, меньше всего похожие на жилые дома – все стены были без окон. Что же там? Фабрики? Храмы? Хранилища? И где тогда живут сангнхиты? Под землей? Или на этой поверхности стоит множество зданий, сокрытых от взора голограммой?

В Москве я видел небоскребы в два, а то и в три раза выше здешних пирамид, однако заключенный в их необычных пропорциях магнетизм производил впечатление куда большей мощи и величия, порождая внутри почти благоговение. И хотя по отдельности вблизи было ясно видно, что они устроены одинаково, издали казалось, будто все пирамиды разные.

Что ж. Все эти образы, тайны и диковинки добросовестно переносил на поверхность мини-диска закрепленный на груди призап. Еще четыре часа – и сигнал с «Аркаса» вырвет меня из гипнотического омута сангнхитской реальности. Родные земные машины, многократно обруганные Зебергом, обработают полученную информацию и сорвут налет таинственности со многих загадок. Наверняка здесь все намного проще, чем выглядит.

Пролетая мимо очередной пирамиды, я не выдержал и ткнул пальцем:

– Что это?

– Дом Поднятия Головы. А правее – Дом Табличек. – Тон Главы воинов был не очень любезен. При ответе он даже не повернулся ко мне.

Я замолчал.

У следующей пирамиды платформа зависла, прямо над квадратной крышей верхнего яруса, и начала плавно снижаться.

– Надеюсь, Вассиан, – заговорил сангнхит, – ты будешь снисходителен: мой кабинет не вполне готов.

– Ничего страшного.

Я поискал, чего бы можно еще добавить, но ничего лучше не придумал.

Под нами росла каменная плита крыши. Летучий постамент опускался, сбавляя скорость. За мгновение до посадки я рефлекторно собрался, готовясь к столкновению. Но его не последовало: платформа прошла сквозь камень и, не останавливаясь, продолжила спуск. Меня охватила жуть при виде того, как шероховатая поверхность поглощает мои ноги. Но, погружаясь, я ничего не чувствовал. Сангнхит оставался невозмутим. Еще мгновение – и я ушел в пыльную плиту по грудь. Перед глазами мелькнули желтые песчинки, а затем неуловимый барьер прокатился по глазам и здешнее безумное небо снова встретилось с моим взглядом. В тот же момент мы приземлились. Набу-наид сошел с платформы на покрытый циновками пол. Я наскоро осмотрелся.

Мы стояли в просторной квадратной беседке. Стенки ее возвышались от силы на метр от пола, за ними пестрел пейзаж сангнхитского города, а над головой раскинулась небесная высь. Выходит, моя гипотеза о голограммах была недалеко от истины.

Напротив меня, прямо в воздухе, висела металлическая плита с желтым шаром. Слева от нее белела заурядная табуретка, такую и на Земле можно встретить. Еще левее к голой стене крепилось сплошное деревянное колесо. По тесаным камням вился растительный орнамент – виноградная лоза. Хотя, присмотревшись, я понял – это что-то другое. Вдоль правой стены стоял длинный металлический шкаф ярко-синего цвета со множеством дверок, вроде камеры хранения на вокзале. Больше я ничего не заметил.

Повернувшись, Набу-наид указал на табурет:

– Прошу садиться.

Подойдя, я осторожно сел. Да, обычная табуретка. Сангнхит тем временем копался в шкафу, повернувшись ко мне спиной. Я пытливо осмотрел парящую передо мной квадратную плиту. Под ней совершенно ничего не было, и она не касалась стены. Неужто эти ребята открыли антигравитацию?

На плите лежал золотой шар размером с кулак, и со странной игрой переливов, будто внутри него что-то происходило. Вокруг шара были разбросаны смятые фигурки из фольги.

Глядя на них, я решил:

- Набу-наид... можно задать вопрос?

Хозяин развернулся, держа в руках трехногую табуретку, и довольно приподнял брови.

- Я вижу, ты деловой человек. Мы полагали, что после долгого перелета тебе захочется отдохнуть. Но раз ты желаешь приступить к торгам немедленно, то я...

- Нет, - мои губы изобразили улыбку, - я только хотел спросить...

- Спросить? То есть получить информацию? Но обмен информацией и есть предмет торга. Разве не за этим вы прилетели? - Набу-наид вытащил из шкафа четвертую ножку и принялся вкручивать ее в пустой конец, не сводя с меня испытующего взгляда.

- Да, за этим. Но для начала я хотел бы удостовериться... Вроде того, как при покупке ягод продавец дает попробовать парочку. Бесплатно. Чтобы покупатель мог оценить качество товара. - Еще одна попытка улыбнуться. На самом деле мне здесь было крайне неловко. Как на экзамене, к которому толком не подготовился.

- У вас так делают? Занятно, - закончив с табуреткой, сангхит поставил ее по ту сторону висящей в воздухе плиты и непринужденно сел. - Ну что ж, задавай свою пару вопросов. - Кончики четко очерченных губ сангхита приветливо приподнялись.

За первым вопросом мне в карман лезть не пришлось:

- Почему вы так похожи на людей?

- Потому что мы люди. - Широким жестом он смахнул завитушки из фольги на пол и облокотился о подвешенный «стол».

Что ж, компьютеры и на этот раз не ошиблись. Я немного помолчал - вдруг Набу-наид добавит чего-нибудь. Но уточнения не последовало и я продолжил:

- Нашу планету в древности колонизировали вы?

Улыбка сангхита проступила ярче:

- Это была бы большая честь для нас. Нет, Земля - наша древняя родина.

- Как же вы оказались здесь?

Глава воинов с улыбкой наклонил голову, загородив одну из пирамид, торчавших на фоне:

- Уже третий вопрос, не так ли, господин Софронов?

«Да, здесь все серьезно», - подумал я и достал рацию.

- Могу ли я поговорить с начальством?

- Пожалуйста. - Набу-наид дипломатично встал и отошел к шкафу.

Я поднес рацию к уху и нажал кнопку. Послышался смех на фоне, а затем звук, похожий на звон бокалов. Через секунду Муса раздраженно спросил:

- Ну что там, Софронов?

- Капитан, торги состоят в обмене информацией. Могу ли я начинать?

- Ты еще не начал? А для чего тебя туда послали, Софронов, как не для торгов?! Занимайся делом и не отвлекай меня по пустякам!

- Капитан, правильно ли я понял, что должен действовать по своему усмотрению?

- Да, - рявкнул Муса, и за миг до отключения я успел услышать бульканье заливаемой в горло жидкости. Что они там делают? Если то, что я думаю, то это совсем не похоже на Мусу. И куда подевалось его хваленое спокойствие? Ну да ладно. Темневшие вдали сангхитские пирамиды с крамольным упрямством вавилонской башни цеплялись за беспокойное небо. Сам пейзаж навевал тягостную решимость работать. Работать одному.

Я повернулся к Набу-наиду:

- Давай приступим к торгам. Какие сведения вы хотите получить?

- У нас не совсем равное положение. Мы издавна наблюдаем за вами и много узнали самостоятельно. Даже успели выучить ваш язык, готовясь к встрече. Вы же обратили внимание на нас совсем недавно и не знаете почти ничего. Мне кажется более честным, если ты будешь получать интересующую информацию до тех пор, пока ее не станет достаточно для того, чтобы мы выдвинули свои пожелания. Нужно понять, насколько ценная информация вас интересует. Поэтому мне будет легче, если начнешь ты.

- Ну что ж... - На секунду я засомневался, но любопытство пересилило. - Ты сказал, что вы с

Земли. Но как и почему вы оказались тут?

- Мы бежали. Наш народ теснила другая цивилизация. Очень давно. По-вашему четыре с половиной тысячи лет назад. Наши предки разработали проект переселения, чтобы спастись от гибели на Земле. Проект занял много времени и сил, но в итоге нам удалось заселить две планеты земного типа, а затем еще три. Те же, кто остался, потерпели поражение. Наша земная культура погибла и исчезла почти бесследно. Выжившие смешались с дикими народами и быстро потеряли себя.

- Четыре тысячи лет назад на Земле была цивилизация, способная к межзвездным перелетам? Это уж как-то слишком...

- Почему? - Набу-наид с интересом прищурился. - Вспомни свою историю. В вашем XVII веке вы еще ездили на лошадях и пользовались почтовыми голубями. А всего через триста лет вышли в космос и общались по электронным системам связи. Наша цивилизация развивалась более тысячи лет. Почему ты думаешь, что мы не могли за тысячу лет добиться того, на что вам понадобилось три столетия?

- Ну да... Наверное, такое возможно, если подумать. Просто как-то непривычно. Странно, что мы не находили следов вашей культуры.

- Находили. Но не осмыслили должным образом.

Я подумал, тщательно подбирая слова для следующего вопроса:

- А где именно на Земле обитали ваши предки?

- К сожалению, эта информация не подлежит продаже.

- Что ж... А можешь ты сказать о той, другой цивилизации, которая изгнала вас? Что с ней стало?

- О ней вам тоже известно, но меньше. Теперь уже сложно сказать, кто кого победил, и были ли вообще в той войне победители. Мы сохранили свой уровень, но потеряли Землю; они потеряли уровень, но остались на Земле.

- Что значит потеряли уровень?

- Цивилизации развиваются не совсем сходно. Есть альтернативные пути. Когда мы заметили ваше оружие массового уничтожения, нас коснулось удивление. Мы прошли мимо этого. Мы имели иные войны.

- Какие? - С каждым вопросом мне вспоминался счетчик таксиста, переводящий километры в рубли. Не окажется ли следующий вопрос последним? И смогу ли я расплатиться?

- Если одна цивилизация хотела нанести удар по другой, она делала это чужими руками. Руками малоразвитых, но многочисленных народов. У вас есть похожее понятие, сейчас вспомню... Вспомнил: варвары. Любое оружие бесполезно, когда враг, словно вирус, поражает изнутри, распространяясь под видом рабов, путешественников, наложниц, дешевой рабочей силы, - а затем, узнав слабые места системы, наносит удар. Сторона-агрессор продумывала тактику нападения, снаряжала варваров и руководила их действиями. Захваченные территории оставались в руках дикарей. Разумеется, в течение двух поколений технологии утрачивались, уровень ниспадал до полуварварства. Дальний Дом тогда был совсем другим. Процветали великие цивилизации, исчезнувшие под ударами войны. О многих из них вы даже не подозреваете. Нам одним удалось вырваться из губительного вихря, пожравшего старый мир. Семьдесят пять веков мы бороздили космос в поисках подходящих планет, в великих трудах заселяя их и изменяя под себя.

Я невольно глянул на распростертую над нами переливчатую высь, с которой некогда спустились беженцы с далекой и юной Земли. Было в ней что-то вместе и умиротворенно-созерцательное, и мятежно-стремительное. С восторгом я покачал головой:

- Выйти в космос... Заселить планеты... Просто изумительно, как ваша техника смогла достичь такого уровня!

- Наши ученые много трудились. К тому же нам помогли анаким.

- Анаким? Другая цивилизация старой Земли?

- Нет. Другие разумные существа, живущие во вселенной.

Я аж подпрыгнул:

- Во вселенной есть еще разумные существа?
- Да, и очень много.
- Они... тоже как люди?
- Нет, совсем другие.
- Расскажи о них.
- Такая информация стоит дорого. Если ты возьмешь ее, ваших средств не хватит на сведения о технических достижениях.

Счетчик определился.

Я на секунду призадумался, но искушение стать «первооткрывателем» других внеземных цивилизаций было слишком велико.

- Расплачиваться мы будем из того, что у нас есть с собой?

Набу-наид кивнул.

- Прекрасно! Все, что мы привезли, предназначено для вас. Конечно, кроме самого «Аркаса» и того, без чего он не сможет вернуться на Землю.

Набу-наид покачал головой:

- Нет, это нас не интересует.
- Что ж... - Я почти решился, как вдруг тяжелой плитой навалило чувство ответственности. Здесь ведь не до эмоций. Что потом скажут на Земле? Лучше перестраховаться. - Наверное, я еще раз позвоню.
- Сколько будет угодно. - Набу-наид встал и отошел к шкафу, производя там какие-то манипуляции.

Я достал рацию и на секунду замер в нерешительности. А затем все-таки нажал ту же кнопку и поднес трубку к уху. Послышались ритмичные женские стоны. Тяжело дыша, Муса бросил:

- Ну что тебе там надо, мать твою?

Еще никогда Муса не позволял себе так ни с кем разговаривать. Даже со мною. Но дело есть дело, тут не до щепетильности:

- Капитан, сангнхитам помогает другая космическая цивилизация. Анаким. Я могу узнать либо об анаким, либо о научных достижениях сангнхитов. Что мне выбрать?
- Занимайся этим сам! Я же сказал... вечером доложишь!

И отключился.

Да что там такое у них творится? И как он позволяет себе разговаривать со мной? Ладно, потом разберемся. Пусть мир сгорит, но работу надо исполнять добросовестно. Я убрал рацию и с решимостью посмотрел на вернувшегося за «стол» сангнхита:

- Рассказывай, Набу-наид! Какие они, эти анаким?
- Другие. Они существуют как бы в ином измерении, но одновременно могут проникать и наше, и действовать в нем. С тех пор как мы вошли в контакт, некоторые из нас научились проникать в их измерение. Они показали нам многое и научили многому. Разумеется, не даром.
- Эти... анаким давно существуют?
- Они говорят, что появились раньше, чем возникла наша вселенная.
- Откуда же сами тогда взялись?
- Точно не известно. Можно лишь сказать, что они появились по воле Того-О-Ком-Не-Говорят.
- Кто это?

Глаза Набу-наида сощурились, выдавая улыбку:

- Тот-О-Ком-Не-Говорят это Тот, о Ком не говорят.

Понятно. Сангнхитская религия. Я продолжил:

- Ты сказал, анаким возникли до нашей вселенной. Они бессмертны?

Этот вопрос, видно, сильно озадачил собеседника.

- Нет, - наконец признался он и задумчиво добавил: - Они могут умереть. В определенном смысле они уже мертвы, хотя сохраняют разум и способность действовать. Мы знаем, что кроме них в их измерении есть и другие, такие же, как они, но живые. Анаким не любят

говорить о них, но нам удалось установить, что когда-то между теми и другими произошла война. Анаким потерпели поражение и были изгнаны или погибли – для них это равнозначные понятия. – Сангнхит понизил голос: – Нам бы хотелось войти в контакт и с живыми. Мы полагаем, что они могли бы помочь нам намного больше, чем анаким и притом... не за столь великую цену. Но анаким все равно никогда этого не допустят.

Послышался нарастающий бурлящий шум, а потом щелчок. Набу-наид встрепнулся:

– Одну минуту! Позволь угостить тебя.

Он встал и снова показал мне спину, колдуя у шкафа. Послышалось журчание. Повеяло чем-то прелым.

– Вот! – С сияющим лицом Глава воинов протянул бело-голубую пиалу с бурым, дымящимся варевом. – Ваш любимый напиток: сухие листья в кипятке. Тщай.

Я машинально принял нагретую пиалу. Обреченно наблюдая, как из мутно-темной жидкости выплывают разбухшие черные листья и еще что-то подозрительное, я впервые в жизни ощутил сильнейшее желание перекрестить это или сотворить какую-нибудь молитву, как мой братец, оставшийся в глухом северном монастыре на бесконечно далекой Земле.

Но ничего такого я не сделал. Еще несколько мгновений я размышлял, под каким бы предлогом отказаться от сангнхитского хлебосольства, но горящий затаенной надеждой взгляд Набу-наида не оставлял ни малейшей возможности. Надо бы сначала взять пробы, отправить на «Аркс», проанализировать... Эх, была не была! Глубокий вздох, глоток...

В ту же секунду горло извергло эту гадость обратно в кружку. Я закашлялся. Привкус лежалой земли и червей мгновенно пропитал гортань.

– Что-то не так? – встревожился Набу-наид.

– Слишком горячий, – ответил я, судорожно отставляя пиалу на сангнхитский стол.

– Какая нужна температура? Я мигом охлаждаю. – Глава воинов потянулся к столу.

– Нет-нет! – Я быстро накрыл клубящийся паром круг ладонью. – Он должен остыть сам. Это принципиально.

– Что ж, пусть остывает. Давай вернемся к разговору. Что тебя еще интересует?

Наш разговор касался очень важных вещей, но в этот исторический момент мне было тяжело сосредоточиться на чем-либо, кроме гнилого вкуса дряни у меня во рту. Надо будет обязательно прополоскаться чем-нибудь на «Арксе». Чтобы хоть как-то поддержать беседу, я ляпнул первое, что пришло в голову:

– А эти... анаким... делятся на полы?

– «Не мужчины они, и не жены они...» Нет. В древности нашим предкам они являлись под видом женщин или мужчин, но то лишь образы.

– Как же они размножаются?

– Никак. У них нет такой реальности. Их ровно столько, сколько было с самого начала. Впрочем, это и так довольно много.

– У них есть тело или же они – чисто ментальные существа?

После вопроса я начал глубоко дышать ртом, надеясь хоть немного выветрить мерзкий привкус.

– По сравнению с нами они бестелесны, но есть то, по сравнению с чем они телесны. При контактах они могут явиться в образе человека или фантастического создания, но это всегда образы, порождаемые нашим разумом. Они могут свободно перемещаться из одной точки пространства в другую, и физические условия нашего мира им не помеха. Тем не менее они как-то подчинены пространству и времени. Известно, что анаким не может находиться одновременно в нескольких точках пространства. Они не способны изменить прошлое. Три тысячи лет подряд анаким морочили нам голову, заявляя, что знают будущее, но нашим ученым удалось установить, что они лишь умеют строить прогнозы, достаточно высокая точность которых объясняется тем, что анаким прилагают непосредственные усилия для того, чтобы события развивались по их сценарию. Но это им не всегда удается.

– То есть они вам лгали? – удивился я.

- Они часто лгут, - пожал плечами Набу-наид. - Обычное дело. Но с ними можно поладить. Иногда из этого выходит толк.

- Странно, мне казалось, что раз они такие иные, то...

- Должны быть вне человеческих категорий морали? Наши предки тоже разделяли это прискорбное заблуждение. Только благодаря трудам выдающихся исследователей Нового времени мы смогли понять, что те морально-нравственные установки, которые обманчиво кажутся порождением нашего психического комплекса и общественных отношений, для любого разумного существа в обоих измерениях такая же реальность, как пространство и время, и более постоянны, чем физические константы вселенной.

Я опять невольно вскинул взгляд - перламутровый свод над головой никак не оставлял в покое. Чем реже я смотрел вверх, тем сильнее казалось, что небесная пелена скрывает не просто два светила, но два огромных пламенных ока, пристальный взгляд которых будил непонятное щемящее чувство, словно я забыл что-то важное и никак не могу вспомнить. Конечно, все это нервы, но избавиться от странного ощущения можно было, лишь задрав голову, ответив на призывный огненный взгляд, и в очередной раз убедившись, что это не более, чем игра воображения, вызванная необычным оптическим эффектом.

- Любопытно, - проговорил я, отрываясь от созерцания. - Анаким как-нибудь отличаются друг от друга?

- Да. Среди них есть более сильные и более слабые. Есть начальствующие, есть подчиненные. У них есть имена. Некоторые из анаким относятся к нам дружелюбно, некоторые враждебно, но подавляющее большинство - безразлично, и все они берут за свои услуги плату. Многие из наших считают, что цена не так уж высока, но... есть мнение, что они забирают гораздо больше, чем дают.

Набу-наид нахмурился. Я тоже. Что-то беспокоило меня в его словах. Блуждая взглядом по металлической поверхности «стола», я наткнулся на бело-голубую пиалу с черной жидкостью и содрогнулся.

- Ты сказал, что некоторые из них враждебны. В чем это выражается?

- Враждебно настроенный анаким - мы называем их галла, охотники на людей - может напасть на сангхита. Редко подобное приводит к смерти, чаще к болезни. Может и еще как-нибудь навредить.

- Зачем они это делают?

Мой собеседник пожал плечами:

- Иногда человек этого анаким чем-нибудь прогневал. Но чаще всего они нападают без какой-либо определенной причины.

- И как вы с этим справляетесь?

- Для таких случаев у нас есть особые отряды контактеров-исправщиков. Они выезжают к пострадавшему и на месте вызывают своих анаким, с которыми имеют контакт. Те за определенную плату сами разбираются со смутьяном.

Рядом с ухом пикнуло. Я обернулся. Ничего. Звук повторился. Ах, да! Позывной с «Аркаса»! Неужели прошло целых четыре часа? Пикнуло в третий раз. Что ж, порядок есть порядок.

- Я должен вернуться на корабль, - сообщил я Набу-наиду. - Надеюсь, мы сможем продолжить завтра?

- Разумеется. - Сангхит поднялся. - Прошу на борт. Кстати, ты забыл выпить тщай.

- И правда, - согласился я, глядя на подернувшуюся пленкой бурду в кружке. - Но теперь уж он остыл. Как-нибудь в другой раз.

Я покинул табуретку и прошел вслед за сангхитом, поднявшись на металлическую платформу.

На шестом ярусе Дома Молчания как обычно пусто. Энмеркар сидит, свесив ноги со стены. Пальцы бесцельно перекатывают жестяной кубик. Взгляд устремлен в небо. Сегодня должны прилететь люди с Далекого Дома. Почти год он мечтал об этом дне. Всю последнюю неделю

изнывал от нетерпения, то и дело поглядывая в перламутровую высь – а ну как они прилетят раньше?

Теперь Энмеркар ждал в шестьдесят раз сильнее, но ожидание преобразилось и стало другим. Усталым. Взрослым. Раньше сердце распирало от ликующего предвкушения, как накануне дня рождения. Теперь же он глядел вверх и пропускал сквозь себя время с завистливой жадностью голодающего. Любопытство перегорело и растворилось в душном чаду мрачных событий, ворвавшихся в жизнь за минувшие три дня.

Вновь и вновь возвращался он мысленно к этим событиям, смутно надеясь, что от просмотра в той или иной очередности можно обнаружить хоть какой-то просвет. Как во время зимы, когда переливчатая пелена ненадолго расступается, приоткрывая восхищенным взорам настоящее, высокое и великое небо...

...С большим трудом удалось разыскать в тот день Магану. Друг надежно спрятался в саду второго яруса Дома Основания Неба, забравшись на старое, изогнутое дерево. Снизу загорелое тело почти не было видно – его выдали браслеты. Он хмуро смотрел в сплетение листвы перед собою и не отвечал на расспросы. Тогда Энмеркар сам забрался на дерево и примостился на соседней ветке.

– Отец дал мне их музыку. – Он показал Магану отливающий холодом кубик на ладони. – Хочешь послушаем?

Магану в первый раз за день обернулся к нему и посмотрел долгим, тягучим взглядом.

– Ну давай. – Голос его был сухим и резким, наверное, от долгого молчания.

Энмеркар радостно сдавил кубик и из него полились яркие, сочные звуки, сплетаясь в диковинную мелодию. Она была до крайности необычной и вместе с тем неожиданно близкой и понятной. Новым оказалось сильное до изумления чувство неудержимой свободы, которая хлестала через край в каждом переливе музыки чужого мира. Впитывая в себя пугающе свободную и прекрасную, как полет птицы, мелодию, Энмеркар от души позавидовал тому счастливчику, который посмел ее написать.

Едва погасла последняя торжественная нота, мальчик восторженно воскликнул, но Магану покачал головой. Свободы он не услышал, ему музыка показалась слишком спонтанной. Друг еще не закончил говорить, как кубик разразился второй мелодией.

Вот она оказалась настолько иной, что превзошла самые смелые ожидания. Сперва они с Магану даже сомневались, музыка ли это. Очень уж напоминало скрип трущихся друг о друга каменных плит в каменоломне. Но ритмичность и скачки тонов убедили – все-таки музыка. Здесь уже Энмеркар не почувствовал свободы. Нечто неистово-гнетущее и одновременно источавшее странную угрозу.

Магану сказал, что первая мелодия ему понравилась больше. Энмеркар радостно кивнул. Друг снова разговаривает с ним! На предложение сходить к реке искупаться Магану согласился и прыгнул вниз.

В тот раз их встретили почти пустые берега, если не считать трех смотрительниц рыб. С красивыми и улыбчивыми смотрительницами ребята всегда ладили – двоюродная сестра Энмеркара, Нинли, была одной из них.

Друзья накупались вволю. Плавали наперегонки до другого берега и назад. Нырjali, разглядывая жизнь разноцветных рыб. Смеялись, обдавая друг друга тучами сверкающих брызг. Но чуткое сердце Энмеркара каждый миг отзывалось на тоску и скорбь, которую тщетно пытался скрыть Магану. Таким унылым друг еще никогда не был с тех пор, как его отец попал в немилость к царю и над всей семьей сгустилась угроза позора. Но тогда, к счастью, все обошлось. Как бы Энмеркар хотел, чтобы и в этот раз беда миновала!

Наконец они вылезли из воды и распластались на теплых береговых плитах. То тут, то там из щелей выбивались высокие пучки бледного тростника, колышущиеся под робким дыханием южного ветра. Прятаться от серьезного разговора было бы нечестно, и Энмеркар спросил прямо:

– Сколько у тебя осталось бессонного снадобья?

- На день, наверное... - ответил, чуть помедлив, Магану.
- Хочешь, я еще попрошу у отца?
- Попроси. Но он не даст. Как не дали мои родители. Взрослые. Они не понимают. Говорят: бессмысленно бежать от неизбежного. Они... - Магану не докончил и закусил губу, сосредоточенно глядя в проплывающее над ними небо.
- Мой отец даст, - уверенно сказал Энмеркар, с тревогой вглядываясь в глаза друга.
- Хорошо бы. Хотя... - На секунду лицо Магану исказилось, словно от боли: - Все равно ведь только на два-три дня... А потом... Потом придется заснуть. И я... Знаешь, я соглашусь... Сразу...

- Что?! - вскричал Энмеркар, не веря услышанному. - Разве ты забыл, как мы поклялись отказаться, когда придет наш час?

- Я не забыл! - Лицо Магану снова скривилось и стало совсем белым. - Но теперь все иначе. Легко было говорить тогда ... Всего один из шестидесяти тысяч может выдержать и отказаться. Я не из тех, Энмеркар. Я чувствую. И теперь я хочу лишь, чтобы это поскорее прошло. Неизбежное...

Слова друга обожгли Энмеркара. Повернувшись на бок, он глядел на него и качал головой. Если бы можно было сказать секрет! У Магану появилась бы надежда... Энмеркар вздохнул:

- Но ты ведь убегаешь от Сна...

Магану перевернулся на живот и уставился в змеившуюся трещинками поверхность плиты.

- Убегаю. Хочется еще чуть-чуть продлить все это... То, что уже не вернешь...

Вязкой горечью повисли между ними эти слова и внутри Энмеркара что-то болезненно сжалось. Как в тот миг, когда качающаяся ветка предательски затрещала под ногами.

- Одно хорошо: в Дом Табличек могу не ходить и никто меня не заставит. - Магану попытался улыбнуться той же вымученной улыбкой, какую Энмеркар совсем недавно видел у отца.

Какое-то время они не разговаривали. Молча вдыхали сырой запах реки. Энмеркар поднялся и сел, поеживаясь, чтобы стряхнуть со спины налипшие песчинки. Водная кромка лениво колыхалась по краю нижней плиты, вылизывая потемневшую от влаги полосу. Было видно, как рыбы-дети осторожно подплывают к краю, с любопытством глядя на них.

На другом берегу две смотрительницы рыб, тихо разговаривая, бросали зерна на воду. Отливающие бронзой платья ниспадали до щиколоток, где блестели от капель воды. Третья смотрительница уже куда-то ушла. Нинли что-то сегодня не было, лишь ее подруги.

Энмеркару стало тягостно при воспоминании о сестре. Каким хорошим другом она была! Как здорово они играли в дваров! Как прятались в садах и раскрывали друг другу свои тайны... А теперь все ушло, и никогда больше этого не будет, как срезанный финик не вернется на опустевшую ветвь.

Камешек просвистел в воздухе и с бульканьем ударил по водной глади, распугивая рыб-детей.

- Почему они пришли так рано? - крикнул Магану, так что смотрительницы оглянулись на них с того берега. - Почему? Другие до пятнадцати и даже семнадцати не слышат Песню! Эх, если б я не пошел тогда в Дом Поднятия Головы! Если бы...

Магану тоже теперь сидел. Он тер глаза и со злостью смотрел на воду. Энмеркар молчал. Он не находил, что сказать. Конечно, друг и сам прекрасно знает, что говорит глупые, жалкие слова. Даже если бы он не пошел вчера в Дом Поднятия Головы, призыв настиг бы его в другом месте.

От призыва не уйдешь. Не обманешь, не выпросишь, не поторгуешься, не поменяешься ни с кем своим местом и сроком. Все - от сына раба, слепнущего в каменоломне, до изнеженного сына царя одинаково бессильны перед призывом. И перед испытанием, которое он возвещает и которое не несет добра.

- Может быть... - пробормотал Магану, - после этого будет... почти как раньше?..

Энмеркар чувствовал страх друга и потому не стал напоминать, что еще два захода Уту назад тот смеялся над Мелуххе и другими трусами-мальчишками из Дома Табличек, кто вел такие речи. Магану и сам помнил. Однако чувствовалось, что он ждет от друга ответа, каких-то слов

поддержки, наверное... Но язык Энмеркара не мог повернуться на поддержку чудовищных, жалких глупостей, против которых продолжало, как и прежде, восставать все его существо. А спорить сейчас было бы слишком жестоко...

- Я не знаю, что на это сказать... - признался Энмеркар.

- Если не знаешь, что сказать - ничего и не говори, - раздраженно посоветовал Магану, уткнувшись лбом в согнутые коленки.

Энмеркар улегся на спину, глядя в расprostертую переливчатую высь. Девушки-смотрительницы запели древнюю песню:

Скорбь, как воды речные,
устремляется долу,
как трава полевая,
вырастает тоска,
посреди океана,
на широком просторе
скорбь подобно одежде
покрывает живых;
прогоняет китов
в глубину океана,
в ней пылает огонь,
поражающий рыб...
Над больным человеком
в его сумрачном доме
протянула она
неуклонную сеть...

Магану резко встал, отряхиваясь от песчинок.

- Мне здесь наскучило, - сказал он. - Пойдем отсюда...

...И они ушли. Потом долго гуляли и расстались уже под вечер. Затем встретились на второй день, и на третий... Энмеркар передал от отца много бессонного снадобья, но Магану день ото дня становился все бледнее, все тоньше, все медлительнее в движениях и тяжелее в мыслях. То равнодушная замкнутость, то приступы ярости попеременно охватывали его. С ним становилось все труднее. Магану все меньше слушал и все больше говорил, а говоря, все чаще повторялся. В словах друга не было мысли, лишь страх и отчаяние. Энмеркар не знал, что отвечать на это, и потому просто пытался, как мог, поделиться с другом своей надеждой, своей верой, своей дружеской любовью.

Увы, на деле выходило обратное: Магану гораздо успешнее делился с ним своим унынием, заражая безысходной тоскою, отравляя сердце мутной, вязкой скорбью. Все плотнее сгущаясь, она вытесняла надежду, помрачала веру, притупляла любовь. Энмеркар смотрел на друга и все отчетливее понимал, что тот, парализованный ужасом, даже не станет бороться. Скоро он неминуемо заснет долгим, беспокойным сном, а когда наступит пробуждение, откроет уже чужие глаза, как Нинли, и Энмеркар навсегда потеряет друга, как год назад потерял сестру...

Но неожиданно светлым оказался вчерашний вечер. Они сидели на краю шестого яруса Дома Молчания, весело болтая ногами над пропастью, любясь багровеющей у горизонта небесной пеленой, уплетая ячменные лепешки и со смехом, наперебой, вспоминали все их проказы и приключения, начиная с первого дня знакомства. Было легко и радостно. Энмеркар восторженно ловил и впитывал каждый миг этого вечера, предчувствуя, что эти ласковые прикосновения теплого восточного ветра, озорной прищур глаз друга, величественный рисунок предзакатного неба и рассыпчато-сладкий вкус лепешек, тающих на языке, он запомнит на всю жизнь. И возвращалась надежда, и зажигалась вера, и оживала любовь... Оставался всего один день до их прилета, который обязательно должен спасти Магану. Ведь только небывалое может

избавить от неизбежного...

А сегодня в полдень Энмеркар нашел Магану уже спящим. В саду Дома Основания Неба, под старым, изогнутым деревом, на котором они два дня назад слушали музыку чужого мира. Энмеркар опустился на колени рядом с телом друга и попытался разбудить его. Кто-то, наверное, родители Магану, нашел его раньше: под него подложили шерстяное покрывало, а вторым, тонким, укрыли сверху. Обычай не одобрял переноса Спящего с того места, где он уснул. Энмеркар тряс и дергал Магану, толкал и пихал, щипал и зажимал нос. Тщетно. Как и тогда, с Нинли... Энмеркар не выдержал и теплые капли потекли по его щекам.

Он вскинул голову, шмыгнул носом и рывком вытер слезы. Глаза его сузились. Тихо, но четко, он произнес, глядя в воздух перед собой:

– Я вам отомщу. Не знаю как, но я добьюсь того, чтобы вы больше никогда никого не смели ловить вашими песнями и снами. Я разорву контакт. – Он знал, что его слышат, и чувствовал на себе холодные незримые взгляды. – Я сделаю это. Клянусь!

А затем пришлось спуститься с башни, оставляя за спиной спящего друга. Внизу Энмеркар столкнулся с заплаканной Нинли. Оказывается, она вместе с другими смотрительницами рыб должна участвовать в сегодняшней встрече людей с Дальнего Дома. Вот дуреха-то! Что же плакать, радоваться надо! Такая честь! Он коснулся ее руки, желая утешить, но Нинли, отшатнувшись, убежала. Энмеркар покачал головой. Видно, после пережитого во Сне она слегка тронулась умом. Впрочем, женщины часто плачут тогда, когда надо смеяться...

Сам Энмеркар пошел в другую сторону, к краю города, к самой последней башне.

И вот теперь он снова сидит на шестом ярусе Дома Молчания, свесив со стены ноги, вертя между пальцами бесполезный жестяной кубик и безучастно глядя в небо. Мощная городская стена темнеет перед ним, а за ней тянется грубая желтая степь. А там, совсем на горизонте, – волнистая кромка настоящего леса, побывать в котором они всегда мечтали с Магану. Как и на далеком, неведомом море...

Сколько раз они фантазировали об этом, сидя на этом самом месте! Как и вчера... Теперь он один. Лишь глупый кубик в руке. От нечего делать Энмеркар принялся чертить острым металлическим углом по твердой поверхности плиты. Черточки перемежались точками, слагаясь в знаки. Всего одно слово успел он начертить на неподатливом камне: «Пробуждение...», как вдруг слух уловил непривычный гул сверху.

Выронив кубик, Энмеркар задрал голову, на миг позабыв все несчастья. На небе появилась черная точка.

Пока мы летели обратно, я размышлял о поведении капитана. Насколько мне известно, Муса принципиальный трезвенник и примерный семьянин. Может, я неправильно истолковал те звуки, что услышал на фоне? И его оскорбительное обращение... Совсем не вязалось с тем Мусой, которого я знал, а что ни говори, за десять месяцев в малом коллективе человека можно узнать неплохо. И Тези Ябубу чего-то боялся с утра... Очень странно...

Вспомнилось, как в полете мы не раз шутили насчет того, что, мол, как бы не оказался контакт «слишком глубоким». А сейчас все указывает, что нечто подобное и произошло, но отчего-то совсем не смешно, а, напротив, тягостно и тревожно...

Я постарался отвлечься и подумать о деле. Занятно, что Набу-наид без запинки отвечает на любой вопрос. Не может же он знать все... Хотя ведь он сказал, что готовился несколько лет. В отличие от меня. Уж я-то вряд ли смогу ответить на все вопросы. У нас для этого натаскивали Бонго. Почему Муса не отправил его? Многие вопросы, заданные мной, явно не самые удачные. А самое дурацкое – что я начал торги, не выяснив, чем мы будем расплачиваться. Ну что ж, как говорится, кто сам без греха, пусть первым бросит в меня камень...

На фоне столь глобальных трудностей не выглядела такой уж большой неудачей невостребованность моей специальности ксенолингвиста. Небольшой опыт знакомства с сангхитами подсказывал: прояви я интерес к их языку, они и его захотят не иначе как продать. По частям... Раса торгашей! За весь день я узнал три имени. Составить по ним

представления о сангххиле (так мы условно обозначали местный язык) столь же невозможно, как по трем мазкам восстановить картину. Скрытные, каналы! И не дураки, совсем не дураки...

Знание языка – ключ к пониманию психологии и способности мыслить. Сангххиты настолько не хотят давать нам ключа к себе, что предпочли сами выучить наш язык. И сами переводят. Но любой перевод – интерпретация, при которой всегда утрачивается часть смысла, разнообразные оттенки, способствующие более глубокому пониманию... Интересно, какая часть смысла ускользнула от меня в прошедшем разговоре?

Чем больше я думал о своих успехах, тем меньше они мне нравились.

Одно, без сомнения, удачно: выбор для переговоров Набу-наида. Я был весьма признателен тому озарению, что подтолкнуло меня. Вести разговор с иными сангххитами было бы неуютнее. Этот их взгляд...

Когда мы опускались к «Арксу», я увидел отлетающую платформу – ребята вернулись раньше меня и брели по «Атлантическому океану», каждый на приличном отдалении от другого, разделенные и отчужденные, как сангххитские пирамиды. Муса шел пошатываясь, и ладони ветра теребили его впервые растрепанные черные с проседью волосы.

К тому времени как опустилась наша платформа и я простился с Набу-наидом, ребята уже скрылись в стальном нутре звездолета. В одиночестве шел я по мозаичной поверхности, рассматривая корпус корабля, постепенно закрывающий здешнее небо.

Эскалатор занес меня в утробу «Аркаса». Какое же здесь все родное! Свернув налево, я направился к повороту в первый рабочий, но вдруг, повинувшись внезапному импульсу, задержался у огромного – от пола до потолка – стекла. Из темноты выступали очертания боевой машины «Искателя». Угловатая, приплюснутая «голова» робота с черными, безжизненными диодами и датчиками покоилась на широких «плечах».

Что-то заставило меня всмотреться в погасшие «глаза», провести взглядом по бронированной панели, изрезанной скрытыми выходами для смертоносных орудий. Справа флуоресцировала прямоугольная табличка с номером С-403. Дальше из тьмы выступали контуры соседнего «Искателя», затем еще одного... Если что-то вдруг пойдет не так, они помогут. Это меня несколько успокоило.

Посетив душевую и омыв наконец уста от иноземной скверны, как сказал бы мой братец, я отправился в кают-компанию. Овальная комната оказалась пуста. Сидя в одиночестве за большим круглым столом, я извлек из призапа диск. Пальцы нервно поигрывали маленьким блестящим сокровищем. Нетерпелось послушать мнения о моих успехах и, конечно, посмотреть, как эти четыре часа провели они.

Взгляд лениво скользил по стенам кают-компании, знакомясь с новым оформлением. Программа-декоратор продолжает начатую месяц назад религиозную тематику. Инь-яни и свастики, которые я видел здесь до своего «заточения», уступили место ненавязчивым изображениям крестов и полустертым очертаниям византийских икон. Невольно вспомнился брат...

Люк открылся, впуская никогда не унывающего Суня с взъерошенными короткими волосами, влажными после душа.

– Ну и как, Вася, ты распорядился временем? – спросил он, усаживаясь напротив.

– Торговал.

– Молодец! – заметил Сунь. – Когда человек трудолюбив, то и земля не ленится. Под «землею» я имел в виду нас, бездельников.

– Надеюсь, сейчас посмотрим. – Я гордо показал диск и для верности поиграл его тусклым солнечным зайчиком у Суня по глазам. – Но про бездельников ты уж хватил через край. Я тебя еще не успел поблагодарить за мягкую посадку, произведенную с филигранной точностью – на здешней карте Земли мы сели в том же месте, с которого стартовали.

Бортинженер засмеялся.

– В самом деле? Просто случайность, Вася. Всем занималась автоматика, я лишь нажимал на

кнопки.

– Да ладно! И сейчас, неужто вы ничего не сделали за четыре часа?

– За других говорить не стану, а я вот не только ничего доброго не сотворил, но и сделанное прежде уничтожил. – Хотя мой друг и продолжал улыбаться, улыбка на последних словах поблекла, утратив искренность и на мгновение превратившись в вежливую маску.

– Что ты имеешь в виду? – Я непонимающе прищурился.

– Если я скажу тебе, Вася, боюсь, ты будешь смеяться надо мной.

Продолжать дальнейшие расспросы бессмысленно. Несмотря на искреннюю улыбчивость и добродушие, бортинженер был жестким, настойчивым и последовательным, когда дело касалось того, чего ему нужно добиться. И если Сунь не желает отвечать, можно быть уверенным, что ответа я так и не получу.

Вспомнив о чем-то и перестав улыбаться, он достал из кармана найденный мною приборчик и нажал несколько кнопок.

Во мне всколыхнулся давешний интерес:

– Что это?

– Уже ничего. – Сунь приветливо изогнул брови и показал прибор. Экранчик был пуст.

В дверном проеме возникла черная туша Бонго.

– Много тебе оставалось? – поинтересовался корабельный врач, занимая место рядом с Сунем.

– 187.

– Сочувствую, – сухо обронил негр.

– Ничего. Начну по-новой.

Вошел Тези Ябубу с каменным лицом и мокрыми волосами. Молча сел рядом со мной.

– Наши новые... друзья на тебя как-то странно пялились, ты не заметил? – продолжал Бонго.

– Заметил, – кивнул китаец. – Они определенно испытывают ко мне особый интерес. Не могу понять, в чем здесь дело, и меня это беспокоит.

– Может, просмотр записи Софронова что-нибудь прояснит...

Я невольно нахмурился, глядя на них. Что-то не то происходило с друзьями. Будто оборвалась какая-то струна в душе и каждый на свой лад пытается это скрыть или исправить... А ведь подобные странности начались еще при посадке!

Течение мыслей оборвал Зеберг:

– Ну что, болтать собрались, горе-пилигримы?

Пройдя в кают-компанию, он усадил свои метр девяносто между мною и Бонго, источая аромат одеколона. И у него волосы были влажными. Все они были после душа, принять который почему-то для каждого оказалось важнее общего собрания.

Должно быть, там же сейчас и капитан – лишь его кресло пустовало.

На Мусу, пунктуального до тошноты, это было непохоже. Не будучи ни в коей мере христианином, он тем не менее любил повторять, когда кто-то опаздывал, средневековую историю о монахах, которые, отлучаясь из монастыря, пообещали игумену вернуться к определенному сроку. На обратном пути они попали в руки грабителей, которые отрубили им головы. Но монахи встали и, взяв головы в руки, пришли к означенному сроку в монастырь, где и пали замертво, тем не менее исполнив обещание. Чего-то в том же духе от нас ожидал и Муса. Но, видимо, не от себя.

– На улице дождь пошел, – мечтательно сообщил немец. – Благодать! Вот бы сейчас выйти...

Зеберг, несмотря на суровый вид и грубоватые манеры, натура романтическая. Будучи программистом и роботехником, сын щедрой саксонской земли люто ненавидел все, что связано с роботами и компьютерами. Зато увлекался поэзией. К собственному творчеству он, впрочем, относился строго и за время полета представил на наш суд не более четырех коротких стихов, по общему мнению, вполне удачных. Думаю, мусоросборник в каюте Зеберга увидел намного больше его произведений.

С его поэтической тягой к красоте Зебергу иногда удавалось увидеть неожиданную грань момента. Вот и его последнее замечание не могло оставить равнодушным. Я враз ощутил тоску

по летнему легкому дождю. Вот бы и впрямь выйти, подставив лицо каплям, вдохнуть полной грудью свежий воздух... Хотя бы на «крыльцо»...

- Не спеши, Зеберг, - улыбнулся Сунь. - Когда идет дождь, прежде всего начинают гнить балки, которые высовываются из-под крыши.

- Балки? Это я с вами тут гнию и прею...

Зеберг глубоко вздохнул, подперев голову рукой и утопив пальцы в рыжих вихрах.

- Как там сканеры? - поинтересовался Бонго.

- Работу закончили, - мрачно изрек программист. - Но данные надо еще долго обрабатывать. Очередь такая, что до Земли бы успеть.

Земля... так странно звучит. Всю дорогу, вплоть до сегодняшнего утра было ощущение, что она рядом. А сейчас, после контакта, она кажется чем-то невероятно далеким и эфемерным... Земля вспоминается как давний, полузабытый сон. То, что здесь и сейчас, - гораздо реальнее. Капитан появился почти бесшумно и неуверенной походкой прошел к своему креслу. Опустившись, не проронил ни слова и сидел, глядя на матовую поверхность стола. Такого Мусу я еще никогда не видел.

- Начнем, капитан? - с необычной вежливостью спросил Зеберг. - Софронов покажет нам запись.

Не поднимая взора, Муса еле заметно кивнул. Мне ничего не оставалось, как вставить диск в прорезь стола. Ожил четырехсторонний голографический экран под потолком. Замелькали образы сегодняшнего утра: тонкая полоса света, эскалатор, перламутровые небеса, мозаичный рисунок под ногами... Нажав кнопку, я прокрутил запись до начала разговора с Набу-наидом. Все жадно уставились на экраны. Даже в глазах капитана мелькнул отблеск интереса. Мне и самому было необходимо взглянуть на прошедшее «со стороны». Наверняка в первопроходческом пылу я не заметил что-то важное.

Спустя три часа экран наконец погас. Я облегченно вздохнул, Сунь потянулся, Зеберг зевнул, Бонго почесал редкую шевелюру, успевшую высохнуть во время просмотра.

- Ну, кто что думает? - не выдержал я.

- Про анаким - сплошная болтовня, - сказал Зеберг. - Если это единственное, что они нам продают, так пусть предоставят нормальные доказательства. А чесать языком мы тоже горазды.

Я сделал пометку: «Доказательства существования анаким».

- Не думаю, что это выдумка, - сказал Бонго, облакачиваясь на стол. - Но одной информации о них, даже подкрепленной доказательствами, недостаточно. Если это единственное, что они нам продают, пусть дадут сам контакт с анаким, а не просто сведения о них. Из рассказа Набу-наида следует, что в прошлом анаким посещали Землю, ради сангхитов. Могут ли они посетить ее еще раз - ради нас?

Я записал вопрос.

- Глава воинов трижды упомянул о цене сотрудничества с анаким, - заметил Тези Ябубу. - И каждый раз подчеркивал, что она, по его мнению, слишком высока. Прежде чем желать контакта с анаким, надо узнать, какую плату они берут.

Верно. И как я сам не сообразил? Рука прочертила: «Спросить о цене помощи анаким».

- Да что вы заикнулись на этих сказках? - возмутился Зеберг. - По словам Набу-наида, сангхиты заселили пять планет вместе с Аганом. Вот что надо выяснить! Какие планеты? Везде ли сангхиты одни и те же? Эти к нам относятся неплохо, но другие могут представлять угрозу. Как они вместе ладят? Независимые ли колонии, или управляются из одного центра?

Я едва успевал строчить.

- Не мешало бы определить, кто такие сангхиты, - заметил Сунь. - Набу-наид сказал, что мы знаем об их древней земной цивилизации.

- Это шумеры, - подал голос Бонго.

- Почему ты так думаешь?

- Набу-наид сказал, что прошло четыре с половиной тысячи лет, как они покинули Землю. А

затем обмолвился о семидесяти пяти веках. Если сопоставить числа, получается век в шестьдесят лет. Только у шумеров с их шестидесятичной системой были такие временные отрезки. Мы унаследовали от них час из шестидесяти минут и минуту из шестидесяти секунд, но век шестидесятилетие был только у них. Кроме того, шумеры прославились успехами в астрономии. Регулярно наблюдали за планетами, луной и звездами. Под нападения варваров подходят набеги кутиев и, позднее, эламитов. А эти башни – типичные зиккураты. Еще тебе стоит посмотреть, Вася, по базе услышанные нами имена сангхитов. Я думаю, это поможет.

Еще одна пометка: «Проверить имена сангхитов».

– Далее. Мы видели у сангхитов несколько предметов, сделанных явно по земному образцу, – продолжил негр. – Не знаю как вы, а я уверен, что все взято с «Аркса». К тому же они заранее знали наши имена и должности на корабле.

– Они просканировали «Аркс» еще на подлете! – догадался Зеберг.

– Точно, – кивнул Бонго. – Но тогда вопрос: если они взяли из наших баз данных все приглянувшееся, то что же они потребуют взамен? Откровенно говоря, Вассиан, я бы на твоём месте, прежде чем начать торги, выяснил бы, что от нас хотят взамен.

Этот вопрос и меня беспокоил еще с момента расставания с Набу-наидом. Но тогда я не знал, что сангхиты уже взяли то, что мы им везли. Я бросил вопросительный взгляд на Мусу. Тот все так же сидел, безучастно уставившись на поверхность стола перед собою.

– Занятно, что Набу-наид без запинки отвечает на любой вопрос, – заметил Бонго.

– Он ведь сказал, что готовился несколько лет, – пожав плечами, напомнил я.

– Не может же он знать все... – усомнился Зеберг.

– А ему и не требуется, – раздался напряженный голос Тези Ябубу. – Сангхит знает все ответы, потому что управляет разговором. Разговор идет по их сценарию.

Такие слова заставили призадуматься. Первым откликнулся Бонго:

– Я не вижу этого, – сказал негр, откидываясь на спинку стула, – но ты, Вася, можешь завтра прямо задать такой вопрос.

Сунь нахмурился:

– Думаю, Васе нужно быть осторожнее. Лучше пройти десять шагов по дороге, чем сделать один на краю пропасти. Болтая здесь, мы идем по дороге. Но любое слово на переговорах – шаг над пропастью. Не надо шутить такими вещами. Тут один просчет в малом может привести к потерям в большом.

Бонго ухмыльнулся. Поколебавшись, я сделал пометку. Так мое выступление закончилось. Затем Зеберг ввел шифр и мы принялись смотреть первые результаты сканирования. Компьютер показал устройство одной из пирамид. Внутри она была изрезана сотнями помещений и коридоров. Первые три этажа занимали большие однообразные помещения, возможно, хранилища. На четвертом размещались просторные комнаты с высокими потолками, одной стеной выходившие в коридор. На следующем ярусе находилась комната с бассейном и ряд жилых апартаментов. На самом верхнем и самом маленьком ярусе была большая зала. У конца ее под прямым углом друг к другу стояли две гигантские стелы, между которыми располагался подиум с треугольным столом-плитой.

– Не здесь ли вы сегодня побывали? – как бы невзначай спросил я.

Муса вздрогнул. Тези Ябубу и Бонго отвели взгляды.

– Наши диски не жди увидеть, – усмехнулся китаец. – Мы разломали их на обратном пути.

– Вы что, всерьез ломали? – Зеберг приподнял брови. – Я лично сделал это как поэтически красивый жест. А вообще-то призап автоматически копирует сигнал на «Аркс».

Побледневший Муса вскочил и выбежал в коридор.

– Капитан, сотрите и мой! – крикнул вдогонку улыбающийся Сунь.

– Ну вы и клоуны, – недоверчиво покачал головой Зеберг. – Если Муса и сотрет дубликаты, информация останется в базе, зашифрованная сотнями кодов. Вот вам типичный пример компьютерной подлости.

Улыбка сползла с лица Суня. Бонго закрыл глаза рукой и произнес что-то смачное на суахили.

Каменное лицо Тези Ябубу потемнело.

– Да что вы там такое делали? – не выдержал я.

– Не надо говорить капитану, – сказал Бонго, проигнорировав меня.

Зеберг и Сунь молча кивнули. Мой вопрос так и повис в воздухе, вернувшись ко мне смесью раздражения и неловкости.

Из динамиков полились звуки органной токкаты, лучшего произведения Мусы, единогласно избранного нами в качестве сигнала к ужину. Все оживились. Сунь повторил свою любимую присказку о том, что «кубок в руках лучше десяти тысяч дел». Голографические экраны исчезли, стол преобразовался в обеденный. Беззвучно вкатились и засновали между нами тонконогие роботы-слуги – А-723 и А-725. Расставляя горячие контейнеры, бесстрастными голосами они желали каждому приятного аппетита на родном языке. А-724, видимо, понес порцию Мусе.

От предложенного чая я с содроганием отказался, предпочтя искусственный сок в квадратной пластиковой банке. Не считая пары натянутых реплик, ужин прошел в молчании. Наконец опустел последний пищевой контейнер, и роботы вновь пришли, чтобы убрать посуду.

Громко откашлявшись, Зеберг заявил:

– Вы как хотите, а я пойду посплю на воздухе. Возьму спальник и расположусь на обшивке. Я слишком долго здесь парился, чтобы отказать себе в таком удовольствии.

– Я пойду с тобой, – согласился Сунь.

– И я, – подал голос Тези Ябубу.

Бонго колебался:

– Инструкция четко предписывает ночевать на «Арксе».

– А мы и будем ночевать на «Арксе», – улыбнулся Сунь. – Строго в соответствии с буквой закона.

– Все равно надо спросить капитана.

– Пойдем спросим, – отозвался Тези Ябубу и вышел в коридор.

Переглянувшись, мы последовали за ним. Пройдя немного вперед, свернули. Неровный грохот десяти ботинок разносился по жилому отсеку. Слева из серой стены выступали по очереди люки кают Тези Ябубу, Бонго и Суня. Нам повстречался А-724 с нераспакованным пищевым контейнером. Зеберг на ходу отвесил затрепину по узкой пластиковой голове, служебный робот огрызнулся по-немецки и убежал.

Отшагав длинный коридор второго жилого, мы еще раз повернули влево, перейдя в командный отсек. Что-то полузабытое шевельнулось во мне. Страх перед капитанским гневом. Я мысленно усмехнулся. С трудом верилось, что всего три дня назад я брел по этому коридору, переживая из-за утери несчастных данных. Теперь та жизнь казалась далеким, призрачным сном...

Занятно. И Земля казалась старым сном, и время полета до посадки казалось сном, затем, наверное, покажется сном и этот проход по коридору... Жизнь как непрерывная цепь вырастающих друг из друга снов. Когда же я проснусь по-настоящему? И что увижу, раскрыв глаза?

Не хватало времени поразмыслить об этом как следует, хотя в душе я чувствовал, что вопросы эти вовсе не риторические. На миг меня даже охватило ощущение, будто разгадка сама давно стоит у дверей моего сердца и стучит... Но предаваться метафизическим исканиям было некогда: все, центр командного отсека – пришли.

Ребята столпились перед люком. Кто-то уже дал сигнал и металлическая створка плавно отошла в сторону. В капитанских покоях стояла непроглядная темень.

– Что там? – раздался глухой голос из темноты.

– Капитан! – Зеберг нерешительно почесал подбородок. – Мы хотим переночевать на обшивке корабля. Можно?

– Идите.

Зеберг, Тези Ябубу и Бонго сразу ушли, расходясь по каютам за спальниками. У открытого

люка остались лишь мы с Сунем.

– Капитан, а вы не хотите к нам присоединиться? – вежливо спросил бортинженер.

В ответ тишина. Пожав плечами, Сунь тоже повернулся и зашагал по коридору. Выждав, когда он скроется, я окликнул:

– Капитан!

– Ну?

– Вы... не желаете поговорить? О том, что сегодня произошло?

После тягостной, мнительной паузы я услышал:

– Здесь что-то затевается, Софронов... Тебе надо быть очень осторожным. Много сетей вокруг...

– Что вы имеете в виду, капитан? – Я тревожно подался вперед, коснувшись ладонями краев раскрытого люка.

– Не могу сказать сейчас... – Слова прозвучали сдавленно, будто сквозь стиснутые от боли зубы. – Потом поговорим. Я должен подумать...

Речь капитана прервалась. Я стоял неподвижно, наклонившись пылающим лицом в крошечный мрак каюты. Сквозь нас текли секунды, сливаясь в минуты. Лишь прерывистое хриплое дыхание доносилось из густой черноты.

– А помнишь, я сказал, что отрублю себе руку, если ты будешь участвовать в контакте?

Непонятный шорох послышался в глубине. Я напрягся.

– Вы тогда погорячились, – осторожно ответил я, по-прежнему не в силах ничего разглядеть перед собой.

– Прости, что я не сдержал слова... Прости, что допустил...

– Вам не за что извиняться. Я глубоко признателен за ваше высокое доверие...

– Я здесь ни при чем! – Он сорвался на крик. – Неужели ты не понимаешь? Будь моя воля, мы бы уже летели к Земле. Вот только... воли моей больше нет... Нами поиграли и бросили. В любой миг могут снова взять и «поиграть»... Мы здесь... как муравьи в коробке... Внутри можешь ползать свободно, а попробуй вылезти наружу – щелчок, и обратно... Муравьи...

Я открыл рот, чтобы возразить, но что-то удержало меня. Напряжение, созданное обстановкой, побуждало ловить каждое слово собеседника, будто вот-вот из его уст может выскользнуть что-то важное.

– Знаешь, мне впервые в жизни искренне жаль, что Бога нет, – сказал капитан. – Сейчас бы пригодилась Его помощь...

Тут стало ясно: Муса очень плох. Хуже, чем можно предположить по всем намекам ребят. Ум его не мог оправиться от какого-то сильного потрясения.

– А что мешает вам допустить, что Он есть? – бережно поинтересовался я, скорбно сведя брови.

– Мой разум, – глубокий вздох. – Только существование материального мира может быть осмыслено и доказано. Религия есть не более чем продукт социально-классовых отношений и человеческой психики. А психика моя погаснет вместе со мной в момент смерти. Лишь густая, крошечная чернота ожидает меня. А потом – ничто...

– Не стоит предаваться столь мрачным мыслям, капитан...

Сухой смех в темной каюте.

– Ты думаешь, я сбрендил? Напрасно! Ладно, Софронов. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, капитан.

Я отошел. Люк с тихим шорохом закрылся, становясь одновременно заслоном от капитанского уныния и могильной плитой для надежды впервые по-человечески поговорить. На душе стало пасмурно и тоскливо, как-будто случилось что-то непоправимое.

Зайдя к себе в каюту, я сел за компьютер. Лишь бы отвлечься от тоскливого чувства, навеянного разговором с Мусой. Первым делом проверил свою новую догадку о хобби Суня.

Для этого нужно число, увиденное вчера на счетчике, прибавить к числу, которое доставало ему до цели... Получилась круглая сумма: 1200. Теперь осталось ввести в строку поиска полученный результат вместе с фразой про «добрые дела»... щелчок... Вчитываясь в найденные

поисковиком тексты, я все больше хмурился. Хобби Суня перестало быть секретом, и открылся смысл упоминания моего имени в последние дни. Не могу сказать, что меня это порадовало. Затем настал черед проверить имена сангнхитов. Результатом я оказался несколько озадачен, хотя, похоже, именно это и имел в виду Бонго. Несмотря на снобизм, уроженец африканских саванн и профессор Кенийского университета был невероятно умным мужиком с поразительной эрудицией.

Кто-то окликнул через открытое отверстие люка:

– Вася, ты идешь? Тебя ждут.

В проеме стоял Сунь со спальником на плече.

– А почему меня ждут? – удивился я.

– Все-таки мы на чужой планете, – напомнил бортинженер. – Лучше нам быть вместе, выходя наружу.

Замечание я счел резонным, взял спальник и покинул каюту. Мы с Сунем бодро затопали по пустому коридору. Очень удачно, что торопить меня послали именно бортинженера. Можно сразу поставить все точки над «i»:

– Ты даос, не так ли?

Он не смог скрыть удивления.

– Это тебе Бонго сказал?

– Нет. Твоя электронная книжка. 1200 добродетельных поступков, которые нужно совершить даосскому аскету на пути к бессмертию. И один дурной сводит их на нет.

– Ты очень проницателен, Вася, – заметил Сунь и вежливо улыбнулся. – Но я вижу, что ты смотришь на меня другими глазами. Что изменилось?

Мы перешли в первый рабочий.

– Видишь ли... Твой список дел. Два последних раза – мое имя... Это твои посещения, верно?

– Да.

Я вздохнул:

– Конечно, люди не обязаны быть такими, какими мы их себе представляем. Но все же грустно, когда понимаешь, что человек относится к тебе хуже, чем ты думал раньше.

– Я глубоко опечален тем, что огорчил тебя, друг, – было видно, что его заделли мои слова. – Я хотел бы узнать, чем именно разочаровал тебя, чтобы иметь возможность исправиться... – мы свернули налево, в коридор шлюзового отсека, – ...если это, конечно, не мои убеждения...

– Мне без разницы, во что ты веришь. Просто... я думал, ты навещал меня потому, что мы друзья, и потому, что хотел поддержать меня...

Сунь импульсивно схватил мой рукав. Мы резко остановились у темного стекла с мутными очертаниями боевых машин. Подняв голову, китаец пытливо заглянул мне в глаза:

– Что заставляет тебя теперь думать иначе?

– Теперь я знаю, что ты ходил не ради меня или нашей дружбы, а ради того, чтобы прочертить еще одну строчку в своем читальнике. И не надо говорить, что одно другому не мешает! Мешает! Или одно, или другое! Нормальные отношения между людьми не могут быть средством для достижения посторонних выгод кого-то одного! – Сунь растерянно хлопал глазами. – Конечно, это мелочь. Я понимаю. Разумеется, ты не должен отвечать за то, что я себе навоображал. Тебе нечего исправлять. Но впредь не подходи ко мне для того, чтобы пополнить список! Желаю успехов на пути к бессмертию!

Я развернулся и пошел дальше, оставив Суня одного. Ничего. Может, я несколько переборщил, но это пойдет ему на пользу.

За поворотом я увидел остальных. Тези Ябубу сидел на скатанном в рулон спальнике. Бонго стоял и молча кивал, слушая, как что-то рассказывает Зеберг, увлеченно размахивая руками. Следом за мной подошел Сунь, и Зеберг повел нас в технический закуток.

Здесь была обычная металлическая лестница, по которой пришлось долго топтать пешком, пытая друг другу вслед. Спальник идущего передо мной Зеберга то и дело хлестал меня концом по лицу, но я терпел, дабы не испортить торжественности момента. Наконец, мы вышли на

обшивку, в ночную свежесть.

И тут небо Агана поразило нас второй раз. Мы застыли, задрав головы. Наверное, что-то подобное испытали вedomые Моисеем израильтяне, видя, как на их глазах разверзается морская бездна, обнажая дно.

- Что же это такое... - пробормотал Зеберг. - Так не может быть! Большая Медведица... Телец... Близнецы... Кассиопея... Орион... Сириус... Невозможно! Вы видите?

- Да, - выдавил я из себя.

- Это так, - подтвердил Бонго.

Если дневное небо было интригующе чужим, то ночное выглядело пугающе родным, как если, придя на незнакомый фильм, вдруг увидишь вместо лица актера свое собственное.

- Земных созвездий не может быть в небе другой планеты! - закричал Зеберг.

Мы долго молчали, вглядываясь в белые россыпи созвездий. Наконец немец взволнованно сказал:

- Я схожу вниз и наложу изображение на земные карты звездного неба. Это не может быть Земля!

Последние слова отдались эхом от стен люка, в котором исчез потрясенный скептик. А мы все стояли, не в силах оторвать взгляда от раскинувшегося звездного покрывала.

Ночь крепчала. Воздух свежел. Поползли скорпионы холода. На мгновение каждого из нас, как и Зеберга, коснулась жуткая мысль, что сангхиты каким-то таинственным образом переправили нас в прошлое, и мы оказались на древней Земле...

- Это не Земля, - произнес наконец Бонго, садясь на спальник. - Луны нет.

Не сговариваясь, мы разбрелись по обшивке, подыскивая каждый себе место - так, чтобы не слишком далеко и не слишком близко было к остальным. Из темноты едва выступала статная фигура с длинными волосами. Индеец стоял лицом к мерцающим вдали огням сангхитского города. Я подошел и тихо заговорил:

- Тези Ябубу! Что сегодня произошло у вас с сангхитами?

- Я не хочу об этом говорить, большой брат, - ответил он.

- Но мне нужно знать! Я ведь не просто спрашиваю. Я же один веду переговоры с этими тварями. Я должен знать, что здесь творится. Кхо-ла', о'-ма-ки-я йо! [\[4\]](#)

Тези Ябубу скользнул по мне тусклым взглядом и отвернулся.

- Мы делали то, что не хотели. Вернее, мы делали то, что хотели, но мы не хотели того, что хотели, и не могли противостоять тому, что хотели. Когда мы делали, это было приятно, когда это кончилось, стало очень неприятно. Каждый перенес по-своему. Муса - тяжелее всех.

- Я разговаривал с ним. Он подавлен и чего-то боится. Похоже, капитан на грани... помутнения рассудка.

- Не думаю. Муса сильный человек. Он сможет прийти в себя.

- Что же случилось? Сангхиты заставляли вас делать что-то против воли?

Тези Ябубу сел на спальник, по-прежнему не глядя на меня.

- Нет. Не так. Мы делали все вроде как по своей воле, но с нашей волей что-то стало. Я не знаю, что это. Может, сангхиты здесь ни при чем. Может, просто какая-то болезнь. Временное помешательство. Скоро мы поймем. Но сейчас я хочу спать. Прости, мне тяжело говорить. Лишь пустота и тьма внутри. Надеюсь, завтра наступит день, когда моя плоть станет пищей волков. Потом еще, Вася.

И Тези Ябубу, положив у изголовья обруч с плетеной паутинкой, разукрашенной висячими перышками, завалился на бок, ловить сны. Пожелав и ему доброй ночи, я вернулся к своему спальнику и, нагнувшись, раскрыл. Послышался гул шагов по металлическим ступенькам.

- Это не Земля! - выкрикнул Зеберг, едва голова показалась над люком. - Положение многих звезд совпадает, но не всех! Должно быть, неизвестный оптический эффект!

- Не говори ерунды, - произнес один из спальников голосом Бонго. - Ни совпадения, ни эффекты такие невозможны.

- А что же это, по-твоему? - запальчиво крикнул Зеберг, уже выбравшись наружу.

- Друзья, может, оставим дебаты на потом? – попросил другой спальник голосом Суня. – Думы – днем, ночью – сны. А ночи здесь короткие. Все равно ведь ничего сейчас не решим...

Зеберг что-то буркнул, а потом уgomонился. Все умолкли и улеглись. Залез в спальник и я, оставив открытым верх и глядя в пугающий ночной небосвод. Кто-то слева захрапел.

Что же сегодня с ними произошло? Может, сангхиты, как и Набу-наид со своим «тщам», хотели устроить что-нибудь «земное», а вышла такая же гадость, но в куда большем размере?

Скорее всего, да. Но ведь я же от этого «тщая» не впал в уныние. Хотя, с другой стороны, я так и не стал пить... Ладно, утро вечера мудренее. Кажется, я собирался все как следует обдумать перед сном, но спать хочется неимоверно. В теплом, шуршащем спальнике я перевернулся на живот и закрыл глаза.

Я начал куда-то проваливаться, успевая заметить всплывающие передо мной массивные фигуры «искателей» за стеклом, перламутровое небо Агана, скрывающее чей-то огненный взгляд, белую пиалу с мутным, дымящимся варевом, шнур без кольца, обтягивающий шею Набу-наида, уходящие за горизонт пирамиды, исписанный пометками электроблокнот, «считальник» Суня, морские волны, накатывающие на песчаный берег, и улыбку Анны...

День выдался еще мрачнее, чем мог ожидать Энмеркар, найдя Магану спящим. Встреча с Нинли тоже оставила неприятный осадок. Было, правда, одно яркое впечатление, несколько развеявшее эту тяжесть: прибытие пришельцев с Далекого Дома. Он наблюдал его, сидя на шестом ярусе Дома Молчания, свесив со стены ноги и стиснув взмокшими от волнения пальцами жестяной кубик.

Еще не успел грохочущий темно-синий корабль опуститься на Гостевой Круг, как в ту сторону пронеслись два летателя с тремя фигурами, сверкнуло золото торжественных облачений.

Дальше долго ничего нельзя было разглядеть, с какой бы стороны ни встать. Но Энмеркар не терял надежды хотя бы издали увидеть пришельцев, когда их повезут в город. Наконец вдалеке в воздух поднялись два летателя и понеслись обратно. На одном стояло много людей, на другом – мало. Летатели разделились, расходясь в стороны. На мгновение Энмеркар забеспокоился, что обе группы могут пролететь далеко от него. Но это было бы слишком жестоко. Поэтому мальчик воспринял как должное то, что один из летателей – как раз тот самый, где много пассажиров, – неся прямо на Дом Молчания.

В широко раскрытых глазах мальчика стремительно росла тень. Дух перехватило. И вот летатель с группой пришельцев пронесся рядом с башней, на высоте пятого яруса, так что несколько мгновений все были видны как на ладони.

Летатель вел сам Главный Контактер. Он заметил Энмеркара и успел полоснуть по нему ледяным взглядом. Энмеркар всегда очень боялся глаз Главного Контактера. В них, словно в двух вместилищах ночи, сгущалась пульсирующая тьма, готовая высосать душу из любого, к кому бы ни был обращен этот тяжелый взгляд. Энмеркар помнил, что в тот день, когда их дом посетил Главный Контактер, исчезла мама. Энмеркар не любил Главного Контактера.

Но сегодня даже фигура, перед которой с низким поклоном расступались и горделивые чиновники, и надменные воины, не могла смутить внимание мальчика. Этого события он ждал почти год, и от него зависело спасение друга.

Вид пришельцев поразил его. Он понимал, что чужаки с Далекого Дома будут иными, но даже в страшном сне Энмеркар не ожидал увидеть такого уродства и столь сильного их отличия от нормального человеческого облика. Маленькие глазенки были вклеены в большую голову, которая сверху обросла длинной шерстью, у одного из пришельцев та доходила до размера конской гривы. Из шерсти едва выглядывали такие же маленькие, словно обрезанные, ушки. У двух из них лица ужасно сморщены, как кожа на сушеных финиках. Завернуты они все в помятые серые тряпки, вроде тех, которыми пользуются рабы при уборке коридоров.

Но главное: они были разноцветные! Самый высокий, с шерстью цвета огня, блестел неестественно белой, как травка канкал, кожей. Рядом с ним, напротив, стоял совершенно черный человек. Кожа третьего отливала желтизной, у четвертого была коричневой и лишь у

пятого походила на человеческую, но зато густая, закрученная шерсть его головы была двух цветов: черного и белого. Он как раз проводил по ней рукой. Блеснул золотом перстень на пальце.

– Чудовища! – с восхищением вымолвил Энмеркар вслед удаляющемуся летателю. Кто, в конце концов, сказал, что они должны выглядеть как люди?

С приподнятым настроением Энмеркар вернулся в сад второго яруса Дома Основания Неба, где рассказал спящему Магану о пришельцах. Он призвал друга держаться и сказал, что до избавления осталось уже немного, может быть, даже несколько часов. К сожалению, Магану никак не отреагировал на новости, но Энмеркар не сомневался, что хотя бы часть его слов проникла сквозь дурмящие цепи Сна к борющемуся сознанию друга. Укутав Магану лучше, он сошел вниз и направился к Мелуххе. Когда половина пути осталась за спиной, Энмеркар заметил, что небо темнеет – признак скорого дождя, и забеспокоился, не намокнет ли Магану. Но, утешив себя мыслью, что друг лежит под мощной кроной, сам припустил бегом. Хотелось достичь ворот нужной башни до того, как первые капли упадут на плиты, выбивая вверх облачка пыли.

Мелуххе – сын темничего, тощий и болезненный зануда. Энмеркар водил с ним знакомство, но друзьями они не были: слишком уж многим отличались.

Во-первых, сын темничего считал, что Сон приносит большие выгоды, без которых сложно придется во взрослой жизни. Энмеркар искренне не понимал, как можно без содрогания ждать, когда на тебя набросится и плотной паутиной налипнет замкнутый, безысходный мир залятой воды и фигурок из теста, асфальтовых статуй при входе и тошнотворного смога курильниц, кровавых внутренностей животных и бессмысленного толкания босиком на холодном полу в потемках перед контактными стенами; ждать, как стянутся сети интриг и противоборств, торгов, обмана, лисьей лжи и лести, заискивания и вечного, неистребимого страха – вот и все, что останется на жизнь. Но нет. Его отец не такой, и он-то сам тоже никогда таким не станет.

Во-вторых, Мелуххе учился лучше всех, и оттого в общении держался несколько высокомерно, хотя семья его была гораздо менее знатная, чем у Энмеркара или Магану.

В-третьих, Мелуххе был домоседом. Пожалуй, последнее Энмеркара потрясло больше всего: ну как можно предпочесть пыльное удушье подземелья водам реки, колебанию ветра, переливам неба или шелесту тысяч листьев в садах? Сам Энмеркар спускался домой, лишь чтобы поесть или поспать. Ему казалось, что каменные плиты постепенно забирают жизнь из человека, если среди них долго находиться. В этом подозрении убеждал и сам сын темничего – когда он однажды целый месяц не покидал своего жилища, то появился потом в Доме Табличек особенно слабым и бледным.

Но все же за Мелуххе водилась одна полезная особенность: он не отказывался помогать с уроками, чем Энмеркар нередко пользовался. Делать это сын темничего мог и даром, но Энмеркар всегда старался честно расплатиться. В качестве платы Мелуххе брал необычные истории и рассказы о всем, что сложно заметить такому любителю подземного обиталища, как он. Магану часто шутил, что Мелуххе не выходит на улицу, чтобы доставить удовольствие отцу, разыгрывая из себя заключенного – как известно, старику за всю жизнь не довелось даже на час посадить кого-нибудь в Дом Заключения.

Эти мысли и воспоминания вяло крутились в голове Энмеркара, пока он спускался в жилые ярусы под башней Дома Поднятия Головы. Высокий и длинный коридор показался огромной каменной змеей, разинувшей квадратную пасть, словно приглашая последовать в ее утробу. Было безлюдно – только одинокий тощий раб-чистильщик вдалеке монотонно скреб метлой по полу.

Энмеркар вздохнул и пошел вперед, окунувшись в запахи влажной пыли и шишечек кипариса, не одно столетие курящихся почти в каждом доме. По обе стороны коридор был испещрен дверьми. Шестьдесят шагов спустя добавился запах мокрой глины и пота – тут работали гончары. Вместе с запахами доносился однообразный скрежет, иногда негромкие голоса...

Пройдя еще с шестьдесят шагов, он поравнялся с рабом. Раб повернул к нему широкое, изуродованное шрамом лицом и, опустив метлу, склонился в глубоком поклоне.

Мальчик прошел дальше и вскоре метла снова заскребла позади. Но почти сразу же ее заглушил стук ткацких станков, пульсирующий через двери. Сквозь слаженный гул еле различалось заунывное пение ткачих.

Еще шестьдесят шагов спустя он подошел к двери дома Мелуххе. С неодобрением покосившись на стоявшие по обоим косякам асфальтовые фигурки, Энмеркар постучался. Цвет двери потемнел, и он прошел сквозь нее.

Прихожую семьи Мелуххе Энмеркар видел уже не раз, но вот самого хозяина – высокого мужчину с тонким ртом – встретил впервые и от неожиданности вздрогнул. Отец Мелуххе почтительно поклонился в пояс и сказал слова приветствия. Энмеркар ответил предписанным кивком и с уважением произнес имя темничего, правда, сбился посередине – он не знал имен его личных бога и богини. Самгар-нево улыбнулся и проводил «знатного гостя» в комнатушку сына.

К появлению Энмеркара Мелуххе отнесся без интереса. Причина его тоже не удивила. С равнодушным видом он ознакомился с уроком, заданным сегодня в Доме Табличек. Но вот историю, которой расплачивался «знатный гость», выслушал с открытым ртом и горящими глазами – такими, каких Энмеркар никогда прежде не замечал у Мелуххе. Он с волнением перебивал, спрашивал, не мог поверить в фантастические описания пришельцев, сомневался, недоверчиво смеялся, но переспросить ему было не у кого и все равно приходилось верить Энмеркару. Тот же щедро приукрашал выдуманными деталями то небольшое, что успел разглядеть за несколько мгновений.

Мелуххе сдабривал рассказ и собственными дополнениями вроде: «Желтолицый! Прямо как в древних сказаниях о Ся!», или: «Шерсть на голове, как у дваров... А внизу головы шерсти нет?» Он даже не утерпел и похвастался тем, что его отец тоже выучил язык пришельцев, хотя и не участвует во встрече.

Когда рассказ окончился, сын темничего с восторгом и уважением протянул:

– Теперь понятно, в честь чего назначили Гарзу!

Энмеркар дернулся, словно его наотмашь ударили по лицу. Он почувствовал, как его зливый холодок стягивает внутренности.

– Гарза? – выдавил он страшное слово. – Будет Гарза? Когда?

– Завтра вечером, – равнодушно ответил Мелуххе, продолжавший переваривать историю о пришельцах.

А Энмеркару стало не до них. Гарза! Опустевшие коридоры. Печальные глаза отца. Длинные ряды прислужников в синем. Главный Контактер в пурпуре. Тревожная тайна, творящаяся восемью ярусами выше. Куда имеют доступ только прошедшие Сон... Гарза! А он-то думал, что страшнее, чем происшествие с Магану, ничего быть не может. Как же он забыл о Гарзе! По сравнению с нею Сон все равно что порыв сильного ветра против бушующего урагана. Гарза! Энмеркар невольно сжался. Кто-то должен будет пойти в этот раз...

Я открыл глаза и увидел над собой человеческую фигуру. Вздрогнул. Потом узнал – Набу-наид.

– Новый день наступил. Надо продолжать торги, – сказал он, показывая лежащую на обшивке «Аркаса» платформу.

Меч утра уже покинул ножны мрака. Перламутровое небо наливалось фиолетовым оттенком, а вдали, где светлела рассветная зорька, было нежно-сиреневым. Все остальные спали.

– Давно меня ждешь? – спросил я, протирая глаза.

– Около часа.

Я расстегнул спальник и поднялся, отряхивая смятый костюм.

– Мне бы умыться.

Сангхит достал из-за спины золотой шар и протянул мне. Я с недоверием принял его и вдруг ощутил ласковое прикосновение струй воды, обволакивающих ладони. Ни одна капля не упала

вниз: обернувшись несколько раз вокруг, вода вновь сокрылась в шаре. Поразмыслив, я прислонил шар ко лбу и таким же необычным образом умыл лицо. Затем вернул потяжелевший шар Набу-наиду и кивнул:

– Пойдем.

Едва мы взошли на платформу, она взмыла в небо, оставляя внизу темную спину «Аркаса» с разбросанными в беспорядке комочками спальников. Совесть напомнила мне вчерашний разговор с Сунем. Зря я с ним так. Ну, пишет он в книжку добрые дела, и ладно. У каждого свои причуды. Главное, человек неплохой. Надо бы потом извиниться...

Как только мы набрали скорость, Набу-наид спросил:

– Что ты сегодня хочешь узнать?

За первым вопросом мне в карман лезть не пришлось:

– Почему в небе Агана видны те же созвездия, что и на Земле?

– Мы так сделали. В память о нашей древней родине. Вы, кажется, называете это ностальгией, да?

– В каком смысле... «сделали»? – оторопел я.

– Ну как... Убрали лишние звезды – и все. Получились созвездия, немножко похожие на земные. Мелочь, а все-таки приятно. Для наших предков это было важно.

– У вас есть оружие, которое может уничтожать звезды? В любой точке вселенной?

– Да ну, какое там оружие, – махнул рукой Набу-наид. – Скорее звездный пылесос, если я правильно употребляю слово. И, конечно, действует не в любой точке вселенной – лишь в пределах метагалактики. Когда наши предки разработали его, другие планеты еще не были заселены. Сейчас, наверное, чисто теоретически это и могло бы стать оружием, но в той же мере, как ваша атомная бомба – средством от тараканов.

– Вы уничтожаете звезды просто так, для красоты? А вам не кажется, что это может быть небезопасно для общего порядка галактики?

Набу-наид пожал плечами:

– Безусловно, в бесчисленных скоплениях звезд некоторый порядок присутствует. Как и в бесчисленных песчинках на берегу моря. Но если убрать сотни две песчинок, порядок не пострадает. То же и со звездами. Они лишь безжизненные сгустки материи. Убрали мы штук пятьсот – и что изменилось? Зато в небо приятно посмотреть. У вас тоже на картах была лишняя звезда с таким же именем, как наша – и мы ее убрали, во избежание путаницы. Разве не удобно? Если звезды гаснут, значит, это кому-то надо.

Я замолчал, глядя вниз. Мы уже летели над городом. Сегодня на улицах оживленнее. Сотни фигурок прогуливались между пирамидами. Впрочем, если присмотреться, то они не совсем гуляли. Цепочка сангхитов в темно-синих балахонах, с блестящими палочками в руках, переходила от одной пирамиды к другой. Несколько других, в серебристых костюмах, несли в руках золотые шары в том же направлении. Чуть поодаль стояли двое сангхитов, большой и маленький. Большой размахивал руками и что-то говорил – должно быть, отчитывал ребенка. Один из несущих шары упал и задержался. Идущий следом подобрал его шар и пошел дальше, оставив без внимания извивающееся тело товарища.

Оживленно было и в небе: то и дело по воздуху проплывали или проносились летающие платформы. Одна из них пролетела совсем рядом с нами и в ее единственном пассажире я неожиданно различил женщину. Первая женщина-сангхит, увиденная мною, и вообще первая женщина, увиденная за последние 10 месяцев. Крупный нос, большой рот с тонкими губами, маленький подбородок и огромные черные глаза. Лишь на миг мелькнуло передо мной ее явно немолодое лицо, но этого оказалось довольно, чтобы уловить тот же властный, мрачный и надменный вид, что и на лице Главного Контакттера.

Показав рукой на удаляющуюся платформу, я спросил:

– Технологии анаким?

Набу-наид с недоумением посмотрел на меня.

– Платформа. Я имею в виду, что вы покупаете и используете знания их цивилизации?

- У них нет цивилизации и не может быть никаких технологий по той причине, что анаким не способны творить. В этом смысле я отвечаю на твой вопрос «нет». Но я отвечаю на него «да» в том смысле, что мы получаем от них знания об устройстве мира, которые сами бы открыли через тысячелетия кропотливых исследований.

Мне вдруг стало не по себе. Стремясь избавиться от беспокойного чувства, я перешел к следующему вопросу:

- Ты упомянул, что вы заселили пять планет. Что это за планеты? Везде ли сангхиты одни и те же?

- Видишь ли, мы, на Агане, решили установить с вами контакт. Это наша личная инициатива. Мы даже не успели еще известить остальных. Мы не можем без согласия других колоний говорить о них. Мы все живем сами по себе, хотя поддерживаем торговые отношения. Что касается второго вопроса, я могу на него ответить в общих чертах. Наше древнее государство включало множество народов, разных по виду и характеру. Отправились в космос не все. Лишь представители длинного народа – мы, маленького народа, красивого народа и широкого народа. Широкий народ погиб при неудачной попытке колонизации. Остальные три народа живут в своих колониях на разных планетах. Подробнее я пока не могу ответить, но ты волен задать любой другой вопрос.

Очень подмывало меня узнать, что же произошло вчера у сангхитов и остального экипажа. Однако, понимая, что вечером все будут просматривать запись моего призапа и увидят это, я решил не гневить друзей и ради их спокойствия остаться в неведении. Поэтому спросил другое:

- Вы взяли с нашего корабля и из баз данных все, что там было, не так ли?

- Почти все.

- Тебе не кажется, что это не совсем честно?

- Нет. Разве вы не стали сканировать нас и наш город еще до посадки?

Здесь уж я не нашелся что ответить. Впрочем, замечание, что они все-таки не полностью обобрали «Аркс», придало мне спокойствия насчет ответной платы – значит, кое-что у нас осталось. Глянув на утреннее небо Агана, которое еще не отражало странного оптического эффекта и потому утратило свою загадочность, я сверился со списком и продолжил:

- Занятно, что ты без запинки отвечаешь на любой вопрос...

- Ты спрашиваешь простые вещи, – не оборачиваясь, ответил Набу-наид. – Если бы ты спросил то, что я не знаю, я связался бы с начальством, как и ты.

Подлетев к нужной пирамиде, мы зависли над квадратной крышей верхнего яруса и начали плавно снижаться. Вновь, как трясина, засосала нас каменная поверхность, и мы оказались во вчерашней беседке. Табуретки теперь заранее стояли две, а на висящей в воздухе металлической плите недоставало золотого умывального шара.

Изображая пригласительный жест, Набу-наид поинтересовался:

- Хочешь тщай?

- Нет! Не сегодня.

Мы уселись за «стол», на вчерашние места. Я продолжил:

- Ты говорил, что вашим предкам помогли выйти в космос анаким. Значит, несколько тысяч лет назад они посещали Землю. Бывают ли они там сейчас?

- Да. Но у них возникли сложности. Две с половиной тысячи лет назад что-то случилось, и они стали испытывать серьезное противодействие в отношении Земли. Они могут собирать информацию, еще кое-что делать, но все же их возможности там сильно ограничены.

- С чем это связано?

- Неизвестно. Анаким говорить об этом совсем не хотят, а сами мы узнать не можем. Ваши базы данных, к сожалению, не вполне полные, словно повреждены, и не дают однозначного ответа. Существует несколько гипотез. Согласно одной, это как-то связано с живыми. Есть гипотезы, что это связано с вами.

Весьма любопытно! Надо будет взять на заметку. Пока же следовало придерживаться списка:

- Ты говорил, что анаким берут слишком большую цену за сотрудничество. Какую?

Набу-наид испытующе посмотрел на меня, как тогда, в первый раз. И ответил:

- Во-первых, они берут нашу волю.

- Что?

- Волю. Когда сангхит достигает зрелости, к нему приходят анаким. Нередко бывает, что он, оказавшись в пустынном месте, слышит далекую песню. Так становятся кандидатом. Едва кандидат засыпает, во сне анаким являются ему в образе красивых сангхитов и предлагают заключить симбиотический контакт. Если сангхит согласен, он видит, как анаким пожирают его тело, а затем дают новое. Происходит контакт. С этого момента сангхит и явившиеся ему анаким - обычно один-два - начинают жить в симбиозе. Анаким словно поселяется в выбранном сангхите-контактере. Он делает то, что попросит его сангхит, а сангхит выполняет то, что скажет ему анаким.

- А если кандидат не захочет стать контактером?

- Такое часто бывает. Тогда анаким начинают его убеждать. Кандидат испытывает невыносимую боль. Терзается ужасающими видениями. Перестает воспринимать внешний мир. Пытка может продолжаться недели и месяцы, пока кандидат не согласится. Почти все рано или поздно соглашаются. Очень немногие выдерживают до предела, за которым несокрушимость воли вынуждает анаким отступить. Такого сангхита называют бесконтактным. Все остальные - контактеры. Хотя бесконтактные не обладают возможностями контактеров, и их единицы, они высоко ценятся в обществе и как символ нашей независимости традиционно занимают высокие посты.

- Например, Главы воинов?

- Совершенно точно, - с достоинством подтвердил Набу-наид.

- Ты сказал, что воля - это первое, что берут у вас анаким. Что второе?

Сангхит ответил не сразу.

- В древности они просили не так много. Они хотели, чтобы мы отдавали им часть того, чем владеем. Вроде подати. Но сорок веков назад требования ужесточились. И теперь мы регулярно вынуждены отдавать им... кого-то из нас.

Меня мороз продрал по коже. В голове вертелся рой новых вопросов, но язык не поворачивался спросить. Мы молча сидели друг напротив друга с отпрыском великой космической расы, загнавшей себя в безысходное и жуткое рабство. Счетчик остановился. Оставалось последнее:

- Что вы хотите получить от нас?

- Только одно, - взгляд Главы воинов оживился, - научите нас сопротивляться анаким!

- В каком смысле? - Мне стало не по себе.

- Вы можете им сопротивляться. Научите и нас.

Холодок пробежал по спине. Вот они и начались - проблемы с оплатой, которых я так боялся еще в начале разговора.

- Здесь какое-то недоразумение. Мы слышали об анаким от вас. Откуда же нам знать, как им сопротивляться? Если хотите, мы вернемся на Землю и сообщим полученную информацию нашим ученым, может быть, они найдут выход...

Набу-наид смотрел на меня взглядом человека, преданного лучшим другом:

- Так ты не хочешь дать нам это, Вассиан? Почему? Разве я мало тебе рассказал? Спрашивай еще!

- Рассказал ты достаточно. Но я не могу дать то, чего у меня нет.

- Это окончательное решение?

- В том, что касается меня, боюсь, что да.

Глава воинов стал печален.

- Жаль. Очень, очень жаль.

Набу-наид встал, развернулся в пол-оборота и поднес правую руку к уху, заговорив на сангхиле. Проснувшийся профессиональный интерес заставил невольно вслушаться, с ходу

определяя тип языка: агглютинативный. Ох, до того ли сейчас? Пауза. Сангхит холодно посмотрел на меня и сообщил:

- Прошу проследовать на мою платформу. Нужно лететь.

Пришлось подчиниться. Набу-наид пропустил меня вперед. Я ступил на металлическую плиту. Глава воинов поднялся следом и мы взлетели.

- Куда мы направляемся? - поинтересовался я, стараясь сохранить спокойствие в голосе. Сдерживать волнение было все труднее.

- Я должен доставить тебя к Главному Контакттеру. Переговоры будет продолжать он. Моя миссия оказалась безуспешной.

На этот раз мы летели недолго. На крыше одной из соседних пирамид я увидел фигурки нескольких сангхитов, а также землян, почему-то выстроившихся в шеренгу. При виде сотоварищей у меня аж от сердца отлегло. Пусть теперь эту кашу расхлебывает Муса, как и полагается, и наплевать на всякие там переживания. Он меня в это втянул, он пусть и вытаскивает.

Но чем ближе становились фигурки землян, чем различимее делались застывшие лица, тем больше росло предчувствие, что здесь что-то не так...

К тому времени как Энмеркар выбрался из башни Мелуххе, Уту исчезло, все вокруг погрузилось в сумрак и наполнилось неясными, дрожащими тенями. Огни, зажженные на крышах седьмых ярусов, почти не давали света внизу, он рассеивался, теряясь в зарослях висячих садов. Становилось холодно. Дождь уже кончился, но повсюду царила сырость. Небесная пелена над головой начала редеть, проступили звезды. Редкие прохожие не обращали внимания на мальчика. Почти все они были ремесленники, встретила пара рабов. Никто из них не имел права остановить его или сделать замечание.

Энмеркар торопливо шел и почти не смотрел по сторонам. Он часто возвращался на закате, но после захода Уту - всего один раз, отец тогда сильно рассердился. Но теперь, после жуткого известия, услышанного от Мелуххе, это казалось не столь важным. Страхи, ужасы, опасения, холод в груди, слабость в руках - все переплавилось в одну всепоглощающую печаль, тоскливое и ноющее чувство. Как ветер сквозь щели дома, оно проникало в душу, заражая той же опустошенностью, которая наступает, когда гаснет последняя свеча и опускается тьма, когда могильная плита закрывает родное лицо, или бушующее пламя вылизывает дом на глазах обитателей... Картины... Видения... Лица...

Спящий Магану. Восторженный Мелуххе. Заплаканная Нинли. Леденящий взгляд Главного Контакттера. Недовольное лицо учителя. Вымученная улыбка отца. Гарза. Кто-то должен будет пойти в этот раз и черная тень его ухода ляжет на всех оставшихся...

Энмеркар вошел в украшенные изображениями львиноголового орла, змей и драконов ворота и спустился в коридор этой части города, части вельмож. Здесь царило оживление: скорее полные, чем худые мужчины под руку чаще с другом, чем с подругой, прохаживались вдоль по коридору, шумно смеясь и громко разговаривая, церемонно раскланиваясь со встречными - они направлялись либо в гости, либо в места особых увеселений. Дальше по коридору таких мест было изрядно. Но Энмеркара это не интересовало.

Он остановился перед родной дверью дома - ее сложно спутать с другими; не так много в городе найдется входов с чистыми косяками, без статуэток и изображений. Почувствовав угрызения совести, Энмеркар покачал головой и решительно ступил сквозь дверь.

Отец был дома, но совсем не ругал его в этот раз за опоздание. В просторной и светлой трапезной рабы - молчаливые тени - поставили сосуды с вечерней пищей и бесшумно удалились. Вымыв по очереди руки, отец и сын сели за старый массивный стол, друг напротив друга. Черные резные спинки седалищ возвышались над ними. Энмеркар за все годы, что себя помнил, никак не мог привыкнуть к огромной длине древнего, невоздушного стола и размерам самой трапезной: казалось, все здесь с укором указывает, что за ужином должно присутствовать гораздо большее количество людей.

Но они с отцом после ухода матери жили вдвоем. Кроме молчаливого Нарам-суэна гости редко навещали их, так что приходилось мириться и с укором, и с собственным чувством неуютности в огромном, залитом светом помещении за длинным столом дварской работы. Отец ел молча, почти не глядя в сторону сына. Сначала Энмеркар подумал, что тот сердится, но приглядевшись, понял, что он думает о чем-то своем. Наконец отец поднял взгляд и спросил:

– Как Магану?

– Еще спит. Пришельцы отдали это ?

– Пока нет. Идут торги с самым главным из них. Он берет то, что нужно ему от нас. Завтра мы непременно получим то, что нужно нам от них. Может, это успеет помочь твоему другу.

– А что пришельцу нужно от нас?

Отец пожал плечами, отламывая кусок ячменной лепешки.

– Всякая ерунда. Но для него, видимо, это представляет интерес. Возможно, то, что так нужно нам, кажется ерундой для них.

Энмеркар отставил опорожненную кружку из-под броженного молока и настойчиво поймал взгляд отца:

– Я слышал, что завтра назначена Гарза. Это правда?

Отец вздрогнул и встревоженно посмотрел на него, опустив руку с недоеденным куском лепешки. Несколько крошек сорвались и застыли на темной, блестящей поверхности стола. Помолчав, отец ответил:

– Да.

– Кто... избран на этот раз?

Что-то страшное случилось с лицом отца при этих словах. Взгляд вспыхнул, и вдруг исчезли, сгорая, завесы невозмутимости, обнажая то, что скрывалось за ними. Глаза отца, самые любимые глаза в мире... Они стали глазами человека, готового каждую минуту надломиться под придавившим его непосильным грузом. Энмеркар дернулся, пораженный. Внутри что-то подпрыгнуло, сдавило... Жаром, ознобом и дрожью ударило по нутру... «Неужели... отец? Отец?! Нет...» – Он не отрывался от родительского взгляда и с каждым мгновением на него накатывало сильнее: – Нет, это... это...»

Сердце оборвалось, когда понимание пришло к нему. Захотелось кричать, но непослушные губы еле слышно выпустили:

– Я???

Отец не ответил устами. За него ответили глаза.

– Я... – теперь уже утвердительно прошептал Энмеркар и опустил голову, взгляд упал на стол, тарелку с рыбьими костяными хвостами, блюдо с финиками, горку косточек, чашку меда, желтые крошки, белые капли молока на темной полированной поверхности... Почему-то все стало сглаживаться, терять очертания, глаза почувствовали влагу... Энмеркар тряхнул головой.

– Что ж... – сказал он, пытаясь сдержать дрожь в голосе, – по крайней мере я уйду с чистой волей...

Отец, рывком перегнувшись через стол, схватил его за руку и сильно сжал, заставляя поднять голову и встретиться взглядом:

– Этого не будет, слышишь, Энмеркар? – выдохнул он, сжимая руку сына. – Завтра он даст нам то, что прекратит уходы навсегда. И ты, и Магану, и все мы наконец освободимся от кошмара. Ты не пойдешь на Гарзу, сын мой!

– Папа! – Энмеркар почувствовал себя ужасно старым, словно даже старше отца. – А что, если это действует не сразу? Или не на всех? Ты же сам говорил, что не знаешь точно...

Под его взглядом отец сел обратно, не выпуская, однако, руки.

– Даже если так, я все равно тебя не отдам, – твердо пообещал он. – Я найду другой способ.

– Спасибо, папа. – Энмеркар через силу улыбнулся. – Я буду надеяться. Не вини себя, если не получится. Я ведь знаю, что это невозможно.

Отец попытался улыбнуться в ответ. Глаза его прояснились и это немного поддержало Энмеркара.

- Верь и надейся, сын мой, никому не дано заглянуть в глубины судеб... Мир больше и таинственнее, чем мы себе представляем.

* * *

- То, что нас интересует, содержится не в том, что вы привезли на корабле. Оно в самом тебе. Ты хитрый. Хотел спрятаться. Действовать через рабов. - Кудур-мабук кивнул на выстроившийся в шеренгу личный состав «Аркаса». - Но мы вывели тебя к нам через них и показали, что нас не проведешь. Ты видишь, мы через анаким можем сделать что угодно с любым членом вашей команды. Вот, краснолицего, например, сейчас вырвет.

Кудур-мабук указал рукой, я невольно обернулся и увидел, как спокойно-отрешенное лицо Тези Ябубу исказилось спазматическими судорогами и извергло желто-бурую массу прямо на парадный костюм.

- Анаким могут сделать что угодно с любым из вас. Кроме тебя. Они говорят, что не могут к тебе прикоснуться. Как тебе удастся? Все, что вы везете, - не более чем побрякушки. Еще до вашего подлета мы все просмотрели. Немногое, имеющее ценность, забрали. Но ЭТО мы забрать не можем. Это можно только дать. Я понимаю, что это и есть настоящий товар, который вы привезли. Такое мы видим впервые. Мы заплатили тебе хорошую цену, рассказав то, что тебя интересовало. Теперь ты не можешь не продать нам ваш секрет.

- Отчего же? - собрав всю волю, я постарался отстраниться от этой дикой ситуации. Я сейчас торговец и больше ничего. Торгаш. И должен облапошить чужеземца. - Вы ведь отказались продавать сведения о вашем прошлом на Земле и о планетах других сангхитов. Вот и я отказываюсь. К сожалению, эта информация не подлежит продаже.

- Нет, не так. Ведь ты выбрал другое. А мы не можем выбрать другое, потому что нас интересует лишь это. В таких условиях отказ от продажи означает отказ от торгов вообще. Но ты не можешь отказаться от торгов после того, как забрал столько нашей информации. Это будет воровством.

- Еще неизвестно, насколько качествен ваш товар! Ведь вы лгали даже о своих именах! - ввернул я последний козырь. - Думаете, я дурак? Набу-наид, Кудур-мабук, Иддин-даган - имена древневавилонских и шумерских царей. Вы взяли их из базы нашего компьютера. Как знать, и то, что вы тут наболтали, не взято ли из какого-нибудь фантастического рассказа?

Главный Контакттер оскалился:

- А разве ты сам не носишь имя, которому свыше двух тысяч лет? Это наши настоящие имена. Общественные. Есть еще и личные, но... зачем тебе их знать? Узнав их, ты получишь над нами власть. Вы ведь прилетели сюда не за этим, а за научным знанием? Мы дали его вам. Если тебе мало - хорошо, мы дадим больше. Хочешь, мы научим вас структурировать металлы? Или убирать звезды? Хочешь, мы дадим тебе такие сокровища, которых и в помине нет на вашей планете? Материалы, о которых и не подозревает ваша «наука»? Когда ты вернешься к себе, ты будешь богат и знаменит до конца дней своих. Хочешь, останься здесь, ты будешь вторым после царя? Тебе будет ВСЕ позволено. Проси чего хочешь, но продай нам секрет. Как вам удастся отгонять анаким? Как вы это делаете? НАМ НУЖНО ЗНАТЬ!

У меня опустились руки - у них есть ответ на любой вопрос. Они и впрямь управляли разговором с самого начала. Теперь я у них в руках. Мысли рассыпались.

- Зачем вам вообще умение отгонять анаким, раз вы прекрасно с ними уживаетесь? - симпровизировал я, чтобы потянуть время.

- Не столь прекрасно. - Кудур-мабук поморщился. - Конечно, мы получаем от них какую-то пользу. Но... мы зависим от них намного больше, чем хотелось бы. Они могут делать с нами что угодно. Лишь некоторые, как Набу-наид, способны сохранить волю в их присутствии. Но таких единицы. И их тоже могут убить анаким. Они диктуют условия. Хотя мы представляем наши

отношения как партнерство, на деле это – иго, плен. Дар, которым обладаешь ты, мог бы вернуть нам независимость. Мы могли бы строить отношения на равных. Сейчас мы подвластны им. Но твой дар даст нам власть над ними. Они не смогут нам вредить. И вынуждены будут с нами считаться. И уже мы будем диктовать условия.

Дальше блефовать не было смысла. Плохой из меня вышел торгаш. Вот он, просчет в малом с потерями в большом... Пришлось открываться:

– Я ничего не знаю. Я ничем не отличаюсь от остальных землян. Я не знаю, почему анаким так себя ведут по отношению ко мне...

– Ложь! – крикнул Кудур-мабук и лоб его пронзила углубившаяся складка на лбу. – Почему ты не хочешь отдать нам секрет? Ты не понимаешь, чего нам стоило устроить этот контакт! Послушай, Вассиан, а если... если я скажу тебе свое личное имя, ты откроешь секрет?

Тяжело дыша, он пытливо приблизил ко мне лицо и снова я увидел его глаза. Теперь уже не безжизненно-неподвижные. Они светились странным огнем и из темно-карей глубины двух бездонных пропастей проглядывало какое-то настоящее, человеческое чувство... Боль? Мольба? Надежда?

Но мне ничего не оставалось, кроме как сказать правду:

– Нет. Я...

Лицо сангхита вновь стало холодным и далеким. Жестом он приказал замолчать. Потом странно посмотрел на меня и глаза его сузились. Я вдруг понял – сейчас он сделает что-то страшное. Уже делает!

Из шеренги землян выступил Муса. Уверенными шагами направился вперед. Через минуту остановился, замерев на краю. Повернув голову, капитан пронзил меня взглядом. Взгляд-крик. Ужас утопающего. В тот же миг веки Кудур-мабука дрогнули.

Я кинулся к краю, но не успел.

Муса не прыгнул, его именно сбросило.

Внизу чернела нелепо разбросавшая руки маленькая фигурка.

Сзади что-то шлепнулось об пол. Я развернулся и увидел Тези Ябубу, корчащегося в ногах у неподвижно глядевшего на него сангхита. Превозмогая невидимую силу, индеец приподнял трясущуюся от напряжения левую руку и вздернул по направлению к Кудур-мабуку. Лишь на десять сантиметров протянул воин лакота руку к врагу, как с громким треском она переломилась словно ветвь на ветру. В два прыжка я настиг сангхита, но тут же мир у меня завертелся перед глазами и воздух вышел от удара острым кулаком.

– Ты думаешь, тебе ничего не угрожает? – прошептал прямо в ухо ненавистный двойной голос.

– Думаешь, ты в безопасности? Не обольщайся! Анаким не могут тебе навредить. Но мы – можем. Подумай, Вассиан, у тебя еще есть немного времени на раздумья, пока будут умирать один за другим твои рабы. Потом мы примемся за тебя. Наши ученые разберут тебя по частям, допытываясь до твоего секрета.

Сангхитский кулак обрушился на мою шею и я потерял сознание...

В ушах членов экипажа «Аркаса» тем временем зазвучал сигнал тревоги. Случилась беда: один человек погиб, двое ранены. Корабль требовал немедленного возвращения. Когда его не последовало, сработала система безопасности. Шесть боевых машин пробудились от сна. «Искатели» вышли, чтобы найти и спасти выживших...

Ноги ловко пружинили, перепрыгивая с ветки на ветку, забираясь вверх. Шершавый ствол раскачивался, широкие мокрые листья липли к коже, вымазывая семенным соком спину и бока. Край стены уже близок. Еще немножко... Он скользнул по стволу и встал на выступ ветки. С опаской глянул вниз. Никого. Четкие следы у самых корней. Набрав побольше воздуха, медленно начал продвигаться по качающейся ветке. С каждым движением она прогибается все ниже. Внутри словно донельзя натянулась струна. Дыхание стало прерывистым. Наконец, рука отпустила черствую кору, еще один шаг... Ветка угрожающе затрещала.

И с треском переломилась. Сердце дернулось. Струна лопнула. Он полетел вниз. Рот судорожно глотнул воздух. Слева замелькали плиты стены. Ветки и листья хлестали падающее тело. Руки болтались, пытаясь за что-нибудь уцепиться. Листва исчезла, обнажая вспоротый корнями чернозем. Земля набросилась на него и слух взорвался от крика.

А потом крик смолк. Но он еще долго лежал, сжимая дрожащими руками одеяло и уставившись раскрытыми от ужаса глазами в тускло светящийся потолок. Сон. Всего лишь дурной сон. Кошмар. Дрожь понемногу стихает. Дыхание восстанавливается. Утро. Сейчас утро.

Какое-то тяжелое, прогорклое ощущение на душе. Несколько ушев Энмеркар тихо лежал на тростниковом мате, под шерстяным одеялом и, глядя в каменный потолок, силился понять, в чем дело. Наконец вспомнил: Гарза. Что-то рухнуло внутри и разбилось, как кувшин с броженным молоком. Пусть.

Он отбросил одеяло и встал. Натянул серую рубашку-безрукавку. Повязал набедренную повязку с бахромою внизу. Влез в сандалии. Нацепил металлические обручи – на правую руку указывающий его сословие, на левую руку – его положение в нем. Ножные обручи, дающие понять, что он свободный, и является учеником, снимать было не принято. Остановившись у двери, мальчик осмотрел комнату со странно щемящим чувством, будто что-то разыскивая... Ах да: все это в последний раз.

Отца уже не было. Есть в одиночку Энмеркар не хотел и, взяв предложенные старухой-рабыней сладкие финиковые лепешки, выскочил в коридор, а оттуда – на улицу.

Сегодня в городе оживленнее. То и дело в воздухе мелькают летатели. Между башнями множество пешеходов. Энмеркар направился было к Дому Основания Неба, но по пути столкнулся с отцом Магану. Не ответив на поклон и учтивое приветствие мальчика, Глава торговцев набросился на него с криком, размахивая руками. Он запрещал приближаться к сыну. Утверждал, что Энмеркар подначивает Магану сопротивляться и подвергать себя бесполезным страданиям. Что он забил свою голову глупыми выдумками о том, чего не понимает. Глава торговцев еще много чего говорил – Энмеркар не слушал, лишь делал вид, что слушает.

Мальчик терпеливо стоял, склонив голову перед дергающимся от ярости круглолицым мужчиной, и смотрел вдаль. Отряд воинов с парализаторами шел к Дому Поднятия Головы. Несколько служителей в серебристых облачениях несли золотые курильницы. Все готовились к Гарзе... Одного из них «оседлало» и он повалился, извиваясь. Идущий следом служитель подобрал его курильницу и пошел дальше...

Утомившись от криков, Энмеркар еще раз поклонился, поднял голову и, взглянув прямо в глаза Главы торговцев, перебил:

– Сегодня Гарза, достопочтеннейший господин. Избран я. Не примите за дерзость или непочтение к вам, но я хотел бы заполнить свои последние часы чем-нибудь еще, помимо разговора с вами.

Отец Магану захлебнулся на полуслове и замолчал, испуганно глядя на мальчика. Энмеркар выдержал взгляд. Изменившись в лице, толстяк поклонился, а затем грузно, кряхтя, опустился на колени и коснулся лбом плиты:

– Простите меня, достославный господин, – произнес он. – Ваш ничтожный раб не знал, что вы – Избранный. Разумеется, если вы пожелаете посетить моего несчастного сына, это осчастливит отцовское сердце вашего ничтожного раба.

Изумление быстро испарилось: Энмеркар вспомнил, что согласно древнему закону в последний день тот, кто избран для Гарзы, имеет волю творить все, что пожелает. Кроме, конечно, одного: избежать Гарзы. Как много, оказывается, память хранила сведений, которые, казалось, никогда не должны были пригодиться. И сколь многие из них действительно уже никогда не пригодятся...

– Встаньте, – ответил мальчик. – Я не буду использовать свое положение для того, чтобы попать вашу волю. Если вы не хотите, чтобы я приближался к Магану, я не приближусь.

Только, если можно... когда ваш сын проснется, передайте, что у меня не было лучшего друга, чем он.

Еще раз коснувшись лбом плиты, Глава торговцев поднялся с колен и церемонно изъяснил согласие, после чего они, еще раз раскланявшись, разошлись.

Энмеркар брел по городу и на душе его было мутно. То, что знатный взрослый принес извинения, совсем не радовало. Мальчик жалел даже, что сказал о своем избрании. Да, Глава торговцев был страшно зол и наговорил много обидных слов. Но он ругал Энмеркара как отец его друга, который всегда может и выговорить, и, отойдя, потрепать обоих по щекам, улыбнуться и разрешить прокатиться на летателе. А теперь, после того, как он стоял перед ним на коленях, Глава торговцев никогда не будет относиться к Энмеркару как отец его друга. Впрочем, отрадно было узнать, что Магану все же сопротивляется. Вот бы у него получилось! Шагая по плитам, Энмеркар размышлял, как бы воспользоваться негаданно рухнувшей вседозволенностью. Теперь можно что угодно, но почему-то ничего уже не привлекало. Все то недостижимое, что переполняло мечтами еще неделю назад, сейчас выглядело мелким и блеклым, едва ли не постыдным в своей ничтожности. Вволю покататься на летателе? Он уже видел город сверху, и ничего нового не увидит. Отправиться в лес? Но там лишь трава и деревья – это знакомо и по висячим садам. Поговорить с царем? Но что он скажет ему, чего бы тот не знал?

Впереди замаячила сутулая спина Мелуххе и Энмеркар вдруг сообразил, куда по привычке несут его ноги. И сразу же остановился.

– Одно хорошо: в Дом Табличек могу не ходить и никто меня не заставит.

Развернувшись, он побрел в другую сторону, к ласковому журчанию, запаху речной свежести, солнечным бликам, танцующим на водной глади, и тихому шелесту тростника. Туда, где можно успокоиться и подумать...

Оставалось только одно дело, не утратившее значимости: клятва, произнесенная над спящим другом. Энмеркар не знал, как ее выполнить, но, быть может, пригодятся его новые возможности? Надо подумать.

Когда вдаль показались пушистые от зарослей берега, и река сверкнула синим, изогнутым клинком, мальчик заметил, что нынче тутлюдно. Кроме неподвижных силуэтов смотрительниц рыб, полная женщина купала маленького ребенка, а чуть дальше, на другом берегу, юноша и девушка сидели рядом, глядя на воду.

Смотрительницы рыб выглядели необычно: сидели на большом расстоянии одна от другой, не было слышно ни печальных песен, ни разговоров. Энмеркар подошел ближе и неожиданно узнал Нинли. Около уха он стоял, не шелохнувшись, глядя на сутулую спину и склоненную голову, а потом все же окликнул сестру.

Нинли вздрогнула и оглянулась.

– Здравствуй.

– Здравствуй.

Неловкое молчание. Чем-то измученное и словно постаревшее лицо сестры. Чужие глаза. Пусть. Энмеркар побольше набрал воздуха:

– Нинли, я... хотел попросить у тебя прощения, – не меняя позы, она удивленно хлопнула ресницами. – За все, чем я тебя обидел... – Она медленно поднялась, поворачиваясь к нему. – Ты мне очень дорога и... – Платье с бронзовым отливом расправило складки и края, опав, коснулись прибрежной плиты. – Я всегда был счастлив рядом с тобой, – качнулись и вновь застыли золотые сережки с синими капельками лазурита и красными брызгами сердолика.

Они стояли друг против друга.

– Ты самый лучший брат. – Нинли растроганно улыбнулась ему сквозь ту неосязаемую, незримую и неодолимую стену, которая крепко встала между ними после того, как она пробудилась от Сна.

Внезапно она обняла его, Энмеркар дрогнул, и стена между ними исчезла. Сердце потеплело и ответная улыбка сама расцвела на лице.

А потом они долго сидели на берегу у самой кромки воды, жевали душистые, чуть приторные финиковые лепешки, и со смехом вспоминали все их проказы и приключения, начиная с первого дня знакомства. Энмеркар, не снимая сандалий, опустил ноги в речную прохладу. Смешные рыбы-дети осторожно подплыли к неподвижным пальцам ног, а чуть осмелев, начали стучаться в них приплюснутыми головками, то ли пытаясь съесть, то ли желая поиграть. Энмеркар и сам не отказался бы окунуться и поплавать с ними, но Нинли теперь почти взрослая, ей нельзя, а одному купаться как-то неловко.

Да ему и так было хорошо рядом с Нинли. Перламутровое небо над головами плыло, зеленая река под ногами тихо текла, смотрительницы рыб бросали зерна на воду, маленький ребенок на том берегу пытался учиться плавать, но боялся зайти глубже, чем по пояс, а еще дальше, там, где заросли тростника густели, юноша еле заметно положил руку на плечо девушки. Сады на террасах Дома Царского Хранилища еле заметно шевелились от мягкого южного ветра. И рядом Нинли, ее речь, ее смех! Почти все как прежде... Вот если бы только... Если бы не эти глаза, в которых настоящей Нинли осталось так мало... И не этот голос, в котором теперь всегда неотвязно слышался отзвук голоса кого-то чужого...

Чем дальше они разговаривали, тем смурнее становилось на душе, тем сильнее наливался свинцовой тяжестью груз неизбежного... Страстно хотелось поделиться им с кем-нибудь. Рассказать Нинли. Чтобы хоть кто-то в мире понял его... пожалел... Но Энмеркар сдержался и промолчал. Нельзя так. Нинли огорчится, будет плакать. Неправильно это. Гадко и противно выбивать себе чужую жалость, наливаясь ею как москит.

К тому же... вдруг неведомый дар пришельцев все же спасет его? Не хотелось понапрасну тешить себя надеждами, но совсем избавиться от них Энмеркар не мог. Кстати, Нинли ведь была одной из встречающих... Может, она что-нибудь знает?

- Слушай, ты же участвовала во встрече людей с Дальнего Дома?

- Да, - сказала Нинли, и он почувствовал, как сестра напряглась.

- И что там было?

- Если можно, давай поговорим о чем-нибудь другом.

- Давай. - Они помолчали. - Я хочу подарить тебе кое-что.

Он порылся в складках одежды и достал жестяной кубик.

- Станный какой... - Двоюродная сестра неуверенно коснулась гладкого металла.

- Попробуй нажми!

Она с опаской стиснула тонкие пальцы. Вновь полилась диковинная, невообразимо свободная музыка, сплетаясь с плеском реки и едва слышным шепотом листвы садов Дома Забвения. Карапуз на мелководе выпрямился, наострив ушки. Смотрительницы рыб замерли. Влюбленные оторвали взгляд друг от друга и повернулись в их сторону. Все застыло вокруг, кроме реки и неба, продолжавших свой медленный, извечный бег.

- Ух ты, какая красота! - с восторгом выдохнула Нинли. - А что это такое?

- Это э-э... - Вспомнив странную неприязнь сестры к пришельцам, он сказал: - Музыка альвов.

- Не может быть! Откуда у тебя такая вещь?

- Отец дал. Он много чего может достать.

- Настоящее сокровище!

- Это подарок. Бери, мне не нужно.

Нинли строго свела брови и с решительным видом приготовилась поспорить, но тут из кубика донесся динамичный скрип второй мелодии.

- А это что? - изумилась она.

- А это... музыка дваров! - ловко нашелся Энмеркар.

- И правда похоже! - воскликнула Нинли, отстраняя ладонь с кубиком подальше. - Так и слышится душный жар кузницы и жужжание дварских машин!

И они от души посмеялись.

Хотя их соседи на обоих берегах вздрогнули и отвернулись, самому Энмеркару в этот раз вторая мелодия неожиданно понравилась. Отчаянная удаль ее нашла отклик в глубине сердца.

Когда последние ноты иноземной музыки растворились во влажном воздухе, они с Нинли услышали странный шум, словно заговорили сразу несколько барабанов. Энмеркар успел удивиться, решив было, что кубик хранил в себе третью, не услышанную им мелодию. Но сразу понял, что кубик здесь ни при чем: шум доносился издалека. Оба одновременно повернулись к башням. Не они одни заметили: бредущие по улице служители стел, ремесленники, рабы – все остановились, всматриваясь вдаль, откуда доносился тревожный рокот и поднимался к небу черный дым.

– Я должен посмотреть! – сказал Энмеркар и сорвался с места.

Нинли крикнула ему что-то вослед, но мальчик не обернулся.

Сначала он бежал со всех ног, стремительно, до свиста в ушах, рассекая хлещущий по лицу воздух, громко шлепая чавкающими мокрыми сандалиями, огибая необъятные основания башен и едва не врезаясь в прохожих. Но скоро выбился из сил и побрел медленным шагом, на ходу пытаясь отдышаться и избавиться от противного покалывания в правом боку. Шум усилился, напоминая теперь отдаленные раскаты грома.

Выдохшись, Энмеркар шел, еле перебирая ногами. И улицы, и воздух между башнями заметно пустели. Взгляд невольно притянули два раба с носилками вроде похоронных, на которых лежал какой-то куль, накрытый алой ритуальной тканью. Рабы спешили, от тряски под покровом что-то шевельнулось, и из-за края ткани выскользнула человеческая рука, безвольно покачиваясь в такт быстрым шагам носильщиков.

Энмеркар остановился, не веря глазам: рука была завернута в знакомую серую тряпку, вроде тех, которыми вытирают полы. Блеснул золотой перстень...

Только тут до него дошло: носилки не похожи на похоронные, они и есть похоронные! Мертвый пришелец!

Мальчик оцепенел, провожая взглядом уходящих рабов с их жуткой ношей. Стряслось нечто столь страшное и значимое, что даже грядущий уход казался делом второстепенным. Энмеркар не сомневался, что гул в той стороне города прямо связан с гибелью пришельца. Он напрягся и снова побежал, хотя и не так быстро, как раньше.

Чем дальше, тем больше пустели улицы. Гром угрожающе надвигался и рос. Клубы черного дыма поднимались все выше. Плиты начали вздрагивать в такт гулким ударам. Энмеркар обогнул Дом Молчания и увидел синие цепи воинов, стоящих перед стеной. В руках у них были длинные бруски, а за спинами лежало несколько летателей, перед каждым из которых стоял тощий раб. Прорезаемый яркими всполохами дым вырастал из-за стены.

Рой звуков обрушился на Энмеркара.

Громкое шипение, будто там, за стеной, извивался и изливал ядовитую ярость целый клубок гигантских змей. Но не только шипение вплеталось в дикий хор: и вой, и визг, и лязг, и треск, и свист, и скрежет, и тяжелая прерывистая дробь, от которой сводило зубы и отдавалось в позвоночнике. Но все перекрывал мощный грохот сокрушительных ударов, сотрясая древние плиты под ногами. Казалось, что черное, поднявшееся до неба облако окутывает взбешенного великана, гигантским молотом крушащего все вокруг.

Не только новые звуки, но и запахи растекались в воздухе. Раздирающий ноздри, тяжелый и едкий запах гари подступал к горлу. Глаза отчего-то сильно щипало, почти до слез.

Запихав поглубже страх, Энмеркар миновал рабов и пошел к застывшим воинам. Лишь боевые одежды их чуть заметно колыхались от слабого ветра. Достигнув первой цепи, он начал пробираться сквозь строй, ближе к стене. Не поворачивая головы, воины недовольно косились на него, но никто не осмелился окликнуть Энмеркара – он был более знатен, чем они.

У самой стены стоял Нарам-суэн – старший командир, несколько раз он заходил к отцу. Будто почувствовав приближение мальчика, Нарам-суэн нехотя оторвался от каких-то трубочек, приделанных к стене.

– Юный господин, я полагаю, для вас здесь небезопасно, – вежливо, с поклоном произнес он, хотя лицо его так и горело от нетерпения. – Ваш отец распорядился убрать отсюда всех не-воинов.

- Где он сейчас? - Из-за невероятного шума сложно было расслышать даже собственный голос.
 - Он не уведомил меня об этом!
 - Что происходит за стеной? - крикнул Энмеркар, пытаясь прорваться голосом сквозь грохот.
 - На нас напали машины землян, - прокричал в ответ Нарам-суэн. - Не сами земляне. Их механизмы. Как у дваров.
 - Почему погиб один из пришельцев? - Они оба невольно вздрогнули при очередном, особенно близком разрыве за стеной.
 - Был несчастный случай. Пришелец упал с крыши и разбился. Машины землян восприняли это как нападение и выступили против нас.
 - Где сейчас другие пришельцы? Почему они не дадут машинам приказа остановиться?
 - Эти вопросы выходят за рамки того, что мне положено знать, юный господин, - с плохо скрываемым раздражением крикнул старший командир. - Я убедительно прошу вас уйти в безопасное место. Я готов выделить для вашей переброски один из лечебных летателей. - Нарам-суэн решительно мотнул головой в сторону рабов.
- Энмеркар поклонился и пошел обратно. Минувя неподвижных воинов, он думал о словах Нарам-суэна. Машины... Нападение на город, никогда не знавший войн! Гибель пришельца! Странное возбуждение Нарам-суэна... Ах да, воины впервые за множество поколений получили возможность соответствовать своему предназначению...
- Оставив за спиной солдат и ревущую на тысячу голосов дымную тьму, он подошел к ближайшему рабу и передал приказ Нарам-суэна. Раб молча поклонился. Где-то Энмеркар уже видел это широкое, изуродованное шрамом лицо.
- Они ступили на летатель, и едва тот взмыл вверх, сзади раздался сухой грохот двух разрывов. Энмеркар дернул головой и у того самого места, где они только что стояли с командиром, увидел две огромные пробоины в стене, сквозь которые виднелись мелькающие в чаду тени и вспышки. Плиты были усеяны обломками и каменной крошкой. Трое солдат, ближе всего находившихся к пробоинам, лежали в нелепых позах. Двое шевелятся. К раненым тотчас побежали рабы. Нарам-суэн успел отойти от опасного места и теперь что-то кричал солдатам. Те сдвигались плотнее возле пролома.
- Куда лететь? - бесстрастно спросил раб.
 - К Главному Контактёру, - приказал Энмеркар.

Просторная и пустая каменная комната с высоким потолком. Одна из стен прозрачна, но непроницаема для любого движения изнутри. Сквозь нее виден коридор, он ярко освещен, но свет оттуда к нам едва проникает. Остальные стены - «глухие», ни окна, ни двери. И вот здесь, в полутьме, мы и сидим впятером...

Точнее, сижу я, Сунь и Бонго. Зеберг ходит взад-вперед, а Тези Ябубу лежит на спине, поддерживая сломанную руку с «шиной». Ее наложил Бонго, скрепив корпуса наших раций. Даже здесь, за метровыми стенами, мы слышим отдаленную канонаду и ощущаем сотрясения от взрывов. Так продолжается уже минут десять.

- Вся наша надежда только на «искателей», - в десятый раз повторил немец, сжимая кулаки, и я в десятый раз мысленно ответил, что надежды наши пусты, и Бонго в десятый раз покачал головой, и Сунь как обычно вздохнул, и Тези Ябубу, как и прежде, остался безучастен.

Не верилось, что капитана больше нет. Сознание по привычке думало о нем как о живом: просто он сейчас не здесь, где-то в другом месте... Неужели и мы отправимся вслед за ним? Неужели и я? Неужели это все на самом деле? Так отчаянно хотелось уповать, что пронесет и теперь. Сон, кошмарный сон... Прислушиваясь к каждому новому разрыву, ощущая спиной, как вздрагивает стена сангхитской пирамиды, я, как и все, томился ожиданием.

Наконец пришла эта страшная минута, когда все стихло. Мы молчали, и молчание тянулось бесконечно и однообразно, как поросшая водорослями сельская река, пока течение ее не нарушили гулкие, отдающие эхом шаги по коридору. Шаги приближались. Я инстинктивно прижался к стене. Наконец, показалась фигура в темно-синем балахоне из гобеленовой ткани,

богато расшитой золотом и серебром. Шаги стихли – пришедший остановился. Повернулся к нам.

Это был Набу-наид.

Что-то темное болталось у его левой руки. Сангхит размахнулся и швырнул это в нас. Перелетев невидимый барьер, предмет с металлическим грохотом ударился об пол, подпрыгнув, грохнулся еще раз и, проскрежетав немного по инерции, замер. На нас уставились погасшие глаза-диоды «искателя». В этот же момент в другом конце пола зазвенело.

Правой рукой Глава воинов молча перебрасывал к нам в камеру помятые пластинки из белого металла – одну за другой, так что еще не стихал звон от одной упавшей, как падала следующая. Вторая. Третья. Четвертая. Пятая. Шестая. Звон умолк. Мы сидели не шелохнувшись, искоса наблюдая за неподвижной фигурой в расшитом золотом и серебром одеянии. Наконец донесся знакомый голос:

– Вассиан!

Я поднялся и неторопливо пошел к незримой линии. По пути взгляд скользнул по разбросанным металлическим пластинкам: С-401, С-405, остальные лежали надписью вниз, но и без того все было ясно. Я остановился и посмотрел в огромные глаза сангхита. Мы стояли друг против друга, лицом к лицу.

– Вассиан! – шепотом повторил Набу-наид. – Сегодня после захода Уту состоится Гарза, Большой Контакт. Анаким хотят забрать моего сына. Вассиан! Прошу тебя, он один у меня... Если ты не хочешь отдавать нам секрет – пусть будет по-твоему. Я помогу бежать тебе и твоим друзьям. Только спаси моего сына! Я все для тебя сделаю, только помоги!

– Очередная попытка вытащить из меня то, чего у меня нет?

– Нет! Я прошу от себя. Это правда...

– Да? Неужели ты, Глава воинов, не можешь просто приказать подчиненным защитить сына?

– Увы. Воины слушают прежде слова своих анаким, а уже потом – мои.

– Ну и? Вы же, кажется, все хотите освободиться от них? Так говорил Кудур-мабук, или как его там. Что же вы за столько-то веков не освободились? С вашими-то знаниями?

– Знания и есть та цена, за которую мы себя продали. Ловушка. Жадность познания бездонна – в эту пропасть можно падать бесконечно. Как соленая вода – чем больше ее пьешь, тем сильнее становится жажда. И другой воды у нас нет. А у тебя есть, Вассиан. Вода истины. Истинное знание.

– Опять ты за свое! Какая еще вода, какое знание?

– То, что может дать истинную свободу. Мы сидим во тьме лжеименного знания, которое лишь порабощает и засасывает в себя...

– И виноваты, значит, анаким? А зачем им вообще власть над вами? Какой с вас прок?

– Им нужна власть как доказательство реальности их бытия. Я ведь говорил тебе, что они мертвы. А они все пытаются доказать себе, что живут, потому-то завидуют нашей жизни и паразитируют на ней, увлекая нас в свою погибель...

– Я больше не верю тебе. Вы убили одного из нас и ранили другого. Ты допустил это. Ты привел меня туда. Ты не предупредил о том, что меня ждет. Я не настолько глуп, чтобы не разглядеть дел за словами. Даже если бы у меня было то, о чем ты говоришь, я бы не помог тебе.

– Вассиан, поверь, я не знал, что так случится! Я виноват лишь в том, что пытался дать тебе напиток Перехода под видом тщя. Я каюсь. Прости меня, я выполнял приказ...

– И сейчас тоже выполняешь?

Набу-наид сжал кулаки и наклонил голову. Затем сдержанно продолжил:

– Вассиан! С юности я мечтал о свободе. Ты не знаешь, что мне пришлось вынести. И какую цену заплатить, чтобы вы здесь оказались... Я вытерпел. Остался собою. И что? Я живу как здоровый среди безумных, трезвый среди пьяных. Безысходный кошмар, без надежды на пробуждение. Одна отрада – Энмеркар. Мой сын. Молитва дала рождение его жизни. Я решил помолиться, как древние. Не этим... с этими можно лишь торговаться... да и то себе в убыток... Я Тому... – Набу-наид зашептал так, что стало едва слышно, – о Ком... не говорят! Попросил...

И у меня родился сын! Луч спокойствия среди страшного сна. Но анаким не оставили этого так. Они мстят мне, как и другим бесконтактным. Пять лет назад забрали мою жену. А теперь хотят отобрать последнее. Сегодня! Вассиан, пожалуйста, спаси его! Я никогда никого из людей не просил. Тебя прошу...

Я устало склонил голову. Ну что мне сделать? Как объяснить сангнхитам, что я не чудотворец? – Спасибо! – пылко отозвался шепот Набу-наида. – Встретимся на Большом Контакте.

И он удалился, оглашая коридор затихающим звуком шагов. Лишь тут я сообразил, что Глава воинов истолковал мой жест отчаяния как знак согласия. Час от часу не легче. Я покачал головой и повернулся к камере.

Зеберг сидел и нервно копался в «голове» робота, положив ее к себе на колени.

– Что ты делаешь? – спросил Сунь.

– Сейчас... – отозвался программист. – Пытаюсь загрузить блок видеопамати. Здесь можно увидеть, что произошло с «искателями».

Китаец и негр подсели ближе. Осторожно трогая синяк на шее, я тоже подошел и заглянул. На верхней пластине горел маленький экран. Синие буквы высвечивали:

Тип: «Искатель»; Модель С-403

Уничтожено единиц противника: 34

Поражено целей: 2

Основная цель: не достигнута

Причина: выход из строя всех систем 12:07 02.04.2479

Зеберг чем-то щелкнул под пластиной и на ней вспыхнули шесть неравных окон. Замелькали картинки. Большое окно по центру показывало передний обзор, другие же пять – лево, право, верх, низ и задний обзор. Пробудившийся С-403 сокрушил стекло переходного отсека «Аркаса» и вместе с пятью другими «искателями» выбрался наружу. Роботы устремились по мозаичной поверхности в направлении темневших вдаль пирамид. Облако пыли, мчащиеся справа и слева фигуры «искателей», удаляющийся корпус «Аркаса», растущие из-за горизонта пирамиды и почти неподвижное небо Агана. Отсутствие звука придавало безмолвной картинке эпичность и ощущение величия древних сказаний.

Вот показалась городская стена, и пирамиды за нею выросли едва не до неба, как мы увидели наконец защиту сангнхитов. Сердце сжалось.

– Да, они своровали у нас не только чайники... – сдавленно проговорил Зеберг.

Подобно туче саранчи из-за стены поднялось огромное множество сангнхитских «искателей». Тень от них распростерлась от края до края. Начался бой. Наши «искатели» ударили первыми. Небо с землей содрогнулись. Яростный вихрь пронесся от разрывов. Статные машины метали тяжкий град ракет, огненный шторм вздымал землю. Пыль, дым, тьма, всполохи света, тряска. Земные «искатели» сражались отчаянно против своих двойников, и любой мог видеть, что они демонстрировали высочайшее мастерство боя. Но шестеро против тысячи не имели никаких шансов. Когда в уже поврежденный С-403 попало плазменное ядро, прожигающее броню, робот успел выпустить две ракеты, выбив огромные бреши в стене города. Лишь после этого, притянув захватывающими тросами двух «искателей» противника, он взорвался вместе с ними. Экран погас, затем вернулась исходная надпись. Стало ясно, почему никто из роботов так и не смог добраться до нас. Больше за нами никто не придет. После того как мы все погибнем, «Аркас» стартует в автоматическом режиме и, если сангнхиты допустят, отправится до Земли без экипажа...

– Герой! – сказал Сунь, с почтением глядя на голову робота.

– Всего лишь программа, – отозвался Зеберг и, выключив экран, подложил голову робота под задницу, удобно усевшись и вытянув ноги. Бортинженер поморщился, но промолчал.

– Вассиан! – позвал китаец. – А почему ты не хочешь дать им то, что они просят?

– И ты туда же? Да нет у меня ничего!

- А как же секрет? Почему анаким тебя не касаются?
 - Болтовня это все!
 - Вот как? - вспыхнул из своего угла Бонго. - Нас они всех касались, да еще как! А для тебя - болтовня!
 - У меня нет никакого секрета. Я такой же, как и вы, я ничем не отличаюсь.
 - Слушай, давай начистоту! Муса уже погиб из-за тебя. Хочешь посмотреть, как и мы загнемся, а потом скажешь секрет сангнхитам, вернешься и один будешь почивать на лаврах, так? Как тогда, на Меркурии-4? Такое тебе задание дали на родине, да? Это какой-то из русских оборонных проектов, верно? Вы, русские, постоянно что-то скрываете. И теперь, значит, решили одни прибрать к рукам...
 - Замолчи, Бонго! - окрикнул индеец. - Разум покинул тебя.
 - А ты мне рот не затыкай! Речь идет о моей жизни! Если тебе наплевать, то мне не наплевать! Меня на Земле три жены и семеро детей ждут!
 - Пусть он скажет что-нибудь сангнхитам, - влез Зеберг, кивая на меня рыжей головой. - Лишь так мы сможем спасти себя...
 - Прекратите скулить, если вы мужчины! Противно слушать ваш вой.
 - Что ты сказал, однорукий? - Зеберг встал во весь свой немалый рост.
 - Я сказал, что и одной рукой могу свернуть тебе шею. - Тези Ябубу рывком развернулся и сел, собравшись и придерживая перевязанную левую руку.
 - Давайте не будем терять лицо! - вмешался Сунь, вставая между ними. - Не забывайте: мы здесь представляем Землю. А за нами сейчас наверняка наблюдают. Мы должны быть вместе: общие чаяния - общие силы.
- Немец сел обратно на голову С-403. Несмотря на добродушный характер, Сунь, с его армейским прошлым, при необходимости мог бы убедить не только словами. Недоброе молчание повисло между нами. Индеец невозмутимо сидел у стены и пристально осматривал каждого, кроме меня. Все избегали смотреть в мою сторону.
- Что ж, - с улыбкой заговорил Сунь, - в конце концов, это тоже достижение. Мы - первые земляне, которые побывали в инопланетной тюрьме.
- Зеберг мрачно рассмеялся:
- Сунь, даже здесь ты остаешься собой! Если вернусь домой живым, напишу о нашем заключении поэму. А тюрьма, надо сказать, не из лучших. Ни стульев, ни стола, ни еды, ни питья...
 - Это потому что мы здесь пробудем недолго, - зловеще отозвался Бонго.
 - Послушайте! - начал я, безо всякой уверенности в том, что они услышат. - Я понятия не имею, почему ко мне не могут прикоснуться эти твари. Давайте подумаем вместе!
 - Давай, - охотно согласился Сунь. - Разберем, чем ты отличаешься?
 - Почти ничем, - встрял Бонго. - Софронов не умнее, не сильнее, не выше, не крепче любого из нас. Цвет кожи и возраст тоже ни при чем. Остается национальность. Анаким бессильны перед русским! Какое невероятное везение!
 - Давайте попробуем с другого конца, - предложил китаец. - Со слов Васи, Набу-наид сказал, что анаким имеют проблемы на Земле. Они для них начались две с половиной тысячи лет назад. Может быть, в этом разгадка? Что было 25 веков назад? Кто у нас шарит в истории?
 - Первый век? - Бонго задумался. - Нерон. Филон Александрийский. Восстановление единого Китая династией Хань. Проникновение в Китай буддизма. Появление государства Аксум, пирамиды царя Натаками в Мероэ, расцвет древнего Дженне... Да много чего было. Но что с того?
 - Может быть, что-то еще?
 - Да сколько угодно! Через рации мы могли бы выйти на базу данных «Арка», да что толку: ведь как раз незадолго до посадки один из нас, - Бонго выразительно посмотрел на меня, - стер информацию именно о первом и втором веках. Удивительное совпадение, не правда ли?
 - Перестань, - меня едвахватило, чтобы огрызнуться. - Не знаю я того, что они от меня хотят.

- Не знать - не преступление, - напомнил Сунь.
 - Не знать плохо, но не хотеть знать - гораздо хуже, - парировал Бонго.
 - Я хочу знать... - бросил я, глядя исподлобья, - что произошло у вас вчера.
- Все, кроме Тези Ябубу, опустили глаза.
- Это здесь ни при чем, - проворчал Зеберг.

Сунь поднял на меня сосредоточенный взгляд.

- Я расскажу. - Бонго вздрогнул, глядя исподлобья на прислонившегося к стене китайца. - Ты слышал, Вася, притчу про отца, собравшего сыновей, чтобы показать им, как пруттики по одному легко ломаются, но не поддаются, если связать их вместе? Такой сюжет встречается в фольклоре многих народов.

- Да, слышал.

- Так вот, вчера чья-то незримая длань сломала нас всех. Разом. Вместе. Всех, кроме тебя. Кроме одного пруттика. И мы не знаем почему. Вот и все.

- Говори за себя, Сунь! - заговорил немец, чеканя каждое слово. - Может, тебя и ломали, но меня никто не ломал. Я делал то, что хотел, и то, что должен. Мне надоел ваш конспирологический бред. Напоминаю: у нас нет никаких доказательств существования этих анаким! Все, что нам о них известно, мы получили из уст тех, кто убил Мусу и посадил нас сюда! Неужто вы не видите, что это придумано специально? Вам нужно разжевать, да? Хорошо, я разжую: сангхиты рассказывают нам про неких великих существ, которых ни увидеть, ни ощутить нельзя, но которые тут дергают всех за ниточки. А затем просят в обмен на рассказы об анаким средство избавления от них. Улавливаете логику? А когда наш представитель, естественно, не может дать противоядия от вымышленных «чужих», сангхиты используют это как предлог, чтобы убить капитана, а нас арестовать. Элементарно! А вы до сих пор ломаете голову над загадкой анаким! Даже ты, Бонго! Уж от тебя-то не ожидал. - Зеберг потрянул головой. - В отличие от вас я не боюсь фантомов. Имейте же и вы мужество смотреть на вещи свободно.

В камере установилась тишина. Потом ее нарушил Тези Ябубу. Он говорил сдержанно, тщательно подбирая слова:

- Твое заявление неожиданно характеризует тебя в моих глазах, Зеберг. Ну да ладно. Я прошу прощения за мои недавние грубые слова. Но скажи, разве то, что случилось полтора часа назад со всеми нами, не служит достаточным доказательством реального существования анаким?

- Нисколько, - ответил программист. - Это все гипноз со стороны сангхитов. У нас на Земле тоже подобное бывало. Можно загипнотизировать человека так, что тот и с крыши прыгнет, и комбинезон испачкает...

- А так, что у него рука сломается сама собою, прямо в воздухе?

Впервые я увидел, как вечно самоуверенный Зеберг замешкался. Но вскоре ответил:

- Сила внушения и самовнушения изучена не до конца. Истории известны случаи, когда человека готовились пытать, создавали соответствующую обстановку, показывали раскаленный металлический прут, а затем касались тела обыкновенным карандашом. Так, чтобы истязаемый не видел. И часто на коже вскакивал волдырь как после настоящего ожога...

- Ловко сказано, - встрял Сунь. - Если все так, как ты говоришь, проблема нашего освобождения лежит в плоскости отношений с сангхитами. Единственное, что мы можем сделать в таком случае, - попытаться бежать, когда нас выведут отсюда. Шансы есть. Сангхиты еще не имеют опыта захвата землян. Но скажи мне, что если прав я, и вопрос лежит в плоскости отношений с анаким?

Губы Зеберга тронула усмешка, но затем он нахмурился, глядя в ярко освещенный коридор.

- Если прав ты и услышанное про анаким правда, то тогда нам хана. Никаких шансов. Мы никак не можем влиять на них. Вася защищен от них, но сам не понимает чем, и воздействовать на этих анаким не может.

- А я, кажется, понял, что нам делать, - вдруг оживился Бонго. - У меня на родине говорят: «В

то время как враг роет для тебя могилу, Бог готовит тебе запасный выход». Я нашел наш запасный выход. Посмотрите: что происходит? Сангххиты хотят узнать от нас то, что поможет им освободиться от анаким. То есть попросту говоря, готовят мятеж! Нам нужно войти в контакт с анаким, объяснить им, что мы действуем в их интересах, и попросить помощи. И все!

– И как же ты собираешься войти с ними в контакт? – поинтересовался китаец.

Немец хмыкнул. Индеец зачем-то потянулся к ботинку на правой ноге.

– Не знаю, Сунь. Вообще-то они должны быть здесь повсюду... Попробовать-то ничего не мешает...

Помолчав в хмурой задумчивости, Бонго встал и медленно подошел к прозрачной стене. Остановившись, врач «Аркаса» раскинул руки и театральным голосом заговорил:

– Анаким! Великие анаким, я призываю вас! Я, Бонго Дас, сын Кана, призываю вас! Я хочу быть с вами! Народ сангххитов замыслил...

Метко пущенный ботинок Тези Ябубу угодил точно в кучерявый затылок и поток воззваний иссяк. Бонго в ярости развернулся и столкнулся взглядом с невозмутимым индейцем.

– Ах ты... Урчащий Живот, или как тебя там...

– Сядь на место и успокойся! – приказал ровным голосом воин лакота. – По уставу в случае смерти капитана главным становится ответственный за безопасность. То есть я. И я говорю, что никаких контактов не будет.

– А что же будет? – спросил Бонго, делая шаг в сторону Тези Ябубу. – Расскажи нам, самый главный, что ты будешь делать, чтобы обеспечить нашу безопасность?

– Ждать.

– Оригинально! И чего же?

– Пока Вася не поймет, чего от него требуют. Анаким все знают и играют сангххитами так же, как сангххиты играют нами. Следовательно, у них тоже есть некий замысел, какая-то своя выгода от нашего прибытия на Аган и от всего, что здесь происходит между нами и сангххитами. Способен ли ты разгадать их план? Если нет, то единственное что мы можем – не мешать Васе.

«Эх, лучше бы ты, Тези Ябубу, чего-нибудь другое придумал!» – с горечью промелькнуло во мне. Бонго сплюнул и отошел в угол. Сунь встал, подобрал ботинок и отнес Тези Ябубу. Они о чем-то тихо переговаривались на лакота. Бонго сидел в углу. Зеберг отстукивал носком ботинка напряженный, рваный ритм. Снова все избегали смотреть на меня.

Затем Сунь сел рядом с Тези Ябубу, а тот заговорил, громко и четко:

– Прошу внимания. Как старший офицер я дам официальные указания. – Мы посмотрели в сторону прислонившейся к стене фигуры с перевязанной рукой. – Прежде всего не надейтесь, что кому-то удастся выжить. Мы все умрем, и очень скоро. Это наиболее вероятное развитие событий. Но что бы ни случилось – наши действия не должны привести к гибели кого-нибудь из сангххитов. Именно от нас зависит, ляжет ли вина за возможные враждебные отношения на землян. Подозреваю, что в планах анаким воспользоваться ситуацией так, чтобы стратив сангххитов и землян между собою. Хочу напомнить, что всего час назад земными боевыми машинами был нанесен удар по сангххитскому городу. Мы не вправе добавлять напряженности. Вы видели, что произошло с «искателями». И вы знаете, что Земля не готова к такой войне.

Внимательно осмотрев нас, Тези Ябубу продолжил:

– Сангххиты – люди, и рассуждают они как люди. В чем-то их мышление осталось архаичным. Наша смерть от их рук компенсирует ущерб от нападения «искателей». Мы смертны, и не в нашей власти избежать неизбежного. Но в нашей власти позаботиться о том, чтобы наша смерть принесла не вред, а пользу. Мы понимали, что полет опасен и давали соответствующие расписки перед стартом. Мы прибыли сюда как представители Земли и всего человечества. И действовать должны соответственно. Человечество – это прежде всего наши близкие, оставшиеся на Земле. Наши пять жизней ничего не стоят в сравнении с жизнями тех, кого мы представляем. Если ты, Бонго, хочешь, чтобы твои семеро детей смогли вырасти и состариться,

тебе придется согласиться на смерть. Ради них в том числе. И я сам соглашаюсь на смерть в том числе ради моей невесты-вашичу и ради ее счастья, которое она обретет не со мной. Тези Ябубу сделал паузу, переводя дух. Не услышав возражений, он заговорил уже более теплым тоном:

– Поверьте, друзья, если вы согласитесь, вам станет легче. И если вы станете смотреть на свою жизнь не как на короля, а как на пешку в шахматной игре, вы быстрее увидите, что нужно сделать, чтобы выиграть.

– Красиво говоришь, Тези Ябубу, – заметил Бонго. – Но твои слова легче слушать, чем исполнять. Вам с Сунем легко спеться: вы спокойны, потому что ваш разум одурманен древними мифами. Когда ты произносишь проповедь о самопожертвовании, ты уверен, что испустив последний вздох, отправишься бороздить на мустангах поля большой охоты в ином мире. Там тебя ждут прерии, великие предки, стада бизонов и тому подобное. И тебе, Сунь, в преддверии слияния с первоосновой всего сущего как легко принять за мелочь свою смерть! Но мой разум свободен от дурмана. Я понимаю, что после смерти меня не ждет ничего. Меня больше не будет. И как раз ваша слепая вера мешает вам увидеть и трезво оценить наше положение и наши цели. А цель может быть лишь одна.

– Какая же?

– Любой ценой выжить и вернуться на Землю. А иначе как Земля узнает о том, что здесь произошло и об угрозе, которую представляют сангнхиты? Об этом вы подумали? О да, ваш фанатизм помогает быть беспечным. Ждать, пока Софронова постигнет озарение. Но если это все, что может предложить ваша вера, то она мне не нужна. Погибнуть я смогу и без нее. Если бы чья-либо вера могла сохранить мне жизнь – о да, тогда бы я ее принял и пошел бы на многое другое, лишь бы остаться в живых. И это не эгоизм. Это мой долг перед человечеством и перед моими детьми!

Из коридора снова донеслись шаги. Разговоры смолкли. Стало слышно: идет не один. Страх сковал всех. Сунь отпрянул от Тези Ябубу. Зеберг закрыл лицо руками и вжался в стену. У меня перехватило дыхание. Шаги становились громче. Сунь подбежал ко мне. Я увидел перед собой бледное от волнения лицо.

– Возьми! – Он сунул мне в левую руку что-то колющее и сразу же юркнул к другой стене.

Шаги совсем близко. Я спрятал руку в карман, пряча переданное Сунем.

И тут появились они. Двое. В таких же балахонах, что и Набу-наид, правда, золота намного меньше, – видно, в нижних чинах. Бритоголовые, примерно одного роста и возраста. Остановились. Левый поднял руку и ткнул в Тези Ябубу, Зеберга и Суня:

– Ты, ты и ты – на выход.

Сунь встал и, расправив плечи, зашагал к сангнхитам.

– Я не пойду! – прошептал здоровяк немец, дрожа всем телом. – Я никуда не пойду!

Сангнхит уставился на него пустыми глазами, сощурился и тихо сказал:

– Пойдешь.

– Не спорь, Зеберг! – крикнул Сунь. – Иди лучше сам!

– Нет! – с вытаращенными глазами Зеберг замотал головой, размахивая руками, словно отбиваясь от кого-то.

Я дернулся было к нему, но предательский страх сковал мышцы, и тело осталось сидеть, безучастно наблюдая нелепую и жуткую сцену. Сунь стоя и Тези Ябубу сидя просили Зеберга не сопротивляться, а тот, дергая, словно в припадке, руками и ногами, кричал кому-то другому... Сангнхиты молча ждали. Все, кроме беснующегося немца, оставались неподвижны.

– Нет, не надо! Вася! – Ужас загнанного животного в распахнутых зеленых глазах. – Помогите! Они...

Немец вздрогнул и замер. Крик оборвался. Наступившая тишина как звон колокола ударила по перепонкам. Правая рука его медленно поднялась, шаря по стене. Ноги согнулись в коленях. Оперевшись, Зеберг с бесстрастным лицом молча встал и пошел к прозрачной стене. Еще раньше у нее оказался Сунь.

- Вася! - окликнул Тези Ябубу. - Помоги мне встать.

Еще не оправившись от потрясения, я вскочил и подошел к другу. Склонился, подавая руку, и услышал быстрый шепот:

- Не беспокойся о нас, большой брат. Думай о главном. Сомнение отравляет твой ум и течет в твоих жилах. Изгони его! - Тези Ябубу перехватил мою руку и рывком поднялся. - У тебя действительно есть то, о чем они говорят. Когда мы стартовали с Земли, я курил Трубку и деды сказали, что ты сообщишь мне Вакан Танка. Не сомневайся, это то же, что хотят сангхиты! Подумай! Вспомни!

- А они не могут сейчас тебе сказать, что это такое?

- Нет. Вчера, при первом контакте, нас встречали не только трое сангхитов. Я видел огромную толпу, великое войско от края до края. Анаким. Они прогнали моих дедов, как хозяин прогоняет собаку. Теперь я такой же беззащитный, как и остальные. Кроме тебя! Не сомневайся!

Лишь когда они скрылись и стихли шаги, я решился запустить руку в карман и рассмотреть, что же передал мне Сунь. На ладони лежали куски разломанной электронной книжки, узкой и продолговатой. Дышать стало труднее и глаза отчего-то защипало. Я отвернулся, чтобы Бонго не заметил.

* * *

Внизу проплывали башни обезлюдевшего города. Позади остался черный столп, упираясь в небо и кляксой растекаясь по небесной глади. «Ну вот, одна мечта сбылась», - невесело подумал Энмеркар, стоя на летателе, и неожиданно вспомнил самую заветную мечту: увидеть море. Сердце тоскливо сжалось: поздно. Дело важнее.

Глядя на жилистую, иссеченную старыми шрамами сутулую спину раба, он сказал:

- Раб, говори со мной!

- Да, господин мой, да! - Раб, на мгновение обернувшись, изогнулся в поклоне и вернулся обратно к управлению летателем.

- Имя твое?

- Ибу, господин мой.

- Ибу... Ты знаешь, что я - Избранный?

- Да, господин мой, знаю.

- И что ты об этом думаешь?

- Я сожалею о вашем юном возрасте. Если бы ваш ничтожный раб мог пойти вместо вас, я сделал бы это с радостью.

Раб говорил сухим, ровным голосом, но Энмеркар все равно был тронут. Даже отец не сказал ему таких слов... И говорит этот раб как образованный...

- Ты ведь знаешь, Ибу, что заменить в Гарзе никого нельзя...

- Увы, господин мой, таково извечное заклятие, неизменная воля, нерушимое слово...

- ...но я, как Избранный, могу тебя освободить. Ибу, хочешь стать свободным?

Раб обернулся и не мог скрыть удивления и волнения, вспыхнувшего на изуродованном лице. Лишь миг держалось это выражение, затем глаза раба вновь затянулись пеленой безличной почтительности.

- Доброта и щедрость юного господина потрясла ничтожного раба. Исполнять вашу волю - честь для меня. Но если ваше милосердие столь велико, что вы снисходите до мнения презреннейшего из рабов, то я осмелюсь сказать: нет. Я хочу остаться рабом.

- Почему?

- Нелегко соответствовать предназначению раба, но соответствовать предназначению свободного - в шестьдесят раз тяжелее. Ваш ничтожный раб слаб, и потому выбирает то, что ему по силам. И то, что он в свое время заслужил.

- Как хочешь, - ответил, пожав плечами, Энмеркар. - Хотя ты уже был свободным в тот миг,

когда решал, оставаться ли тебе рабом.

– Да, господин мой, да.

Летатель спускался, сбавляя скорость. Каменный квадрат крыши Дома Контактеров все больше разрастался внизу. Противно заскрипев о стену, летатель прошел сквозь камень и продолжил спуск. Перед глазами мелькнули желтые песчинки, а затем неуловимый барьер прокатился по глазам и они погрузились в мрачную пучину покоев Главного Контактера.

Стены здесь оказались из настоящего, непроницаемого камня. Оштукатурены темно-серым раствором с золотыми блестками. Потолок тоже настоящий и непроницаемый, лишь в одном углу, через который они спустились, оставлено прямоугольное отверстие точно под размеры летателя.

Едва их летатель опустился на летатель Главного Контактера, Ибу распростерся ниц, уткнувшись лицом в затоптанную ногами поверхность. Энмеркар остался стоять, оглядываясь с жадным любопытством.

Здесь было темно. Дневной свет из прорехи для летателей почти не проникал в комнату. В центре потолка свисала закрепленная на воловьих жилах чаша, в которой горел живой огонь. Дрожащие рыжие отсветы танцующего язычка пламени открывали взгляду невероятно загроможденное помещение. Со всех сторон глядели сотни резных статуэток.

Справа еле проглядывал хранильник, увешанный пучками высушенных трав уму, бур и канкал. Их пряный, удушливый аромат наполнял всю комнату. На полу рядами стояли древние каменные чаши и амфоры самых разных объемов. Некоторые были наполнены Напитком Перехода – бурой, мутно-темной жидкостью, с плавающими разбухшими листьями. На левой стене зеленоватым светом мерцает мутное пятно размером с тарелку.

Слабо дымились курильницы. Пол покрывало необычное вещество: прозрачное, как вода, но твердое, как металл, и наполненное красно-золотыми россыпями. Посреди комнаты в воздухе висела плита, за которой на сиденье с высоченной спинкой восседал завернутый в старый зеленый плащ Главный Контактер, склонившись над листьями тамариска. Напротив него пустовало второе сиденье со спинкой пониже.

– Садись! – прокричало множество голосов, вырвавшись изо рта Главного Контактера, перебирающего полуувядшие листочки.

Энмеркар прошел и влез на слишком высокое для него сиденье.

– Можешь идти! – приказал Главный Контактер, даже не подняв головы.

Ибу рьяно стукнулся головой о металл, поднялся на колени и, стоя так, вылетел через белесое отверстие в дальнем углу. Они остались наедине. Наблюдая за бледными и тонкими, дергающимися как лапки паука пальцами Главного Контактера, Энмеркар с удивлением понял, что страх перед этим человеком совершенно испарился, хотя смутная, еле осязаемая тревога еще тлела где-то внутри.

– Ты пришел рано, – промолвил хором Главный Контактер, по-прежнему не глядя на него. – Что ты хочешь знать? Говори со мной – и я буду говорить с тобою!

Энмеркар заговорил не сразу.

– Почему машины пришельцев напали на нас?

– Разве объяснения, данные тебе Нарам-суэном, недостаточны?

– Нет. – Осведомленность Главного Контактера не удивила мальчика. – Он сказал о следствии, а я хочу знать о причине.

Тонкие пальцы замерли, затянув узелок из стеблей. Главный Контактер убрал руки и поднял голову, пригвоздив гостя на месте взглядом двух бездонных дыр.

– Глава пришельцев отказался продать нам то, за что мы честно заплатили. Нам пришлось посадить его вместе с рабами в темницу. Один из его рабов уже погиб, другой сломал руку, но главный по-прежнему упорствует и отказывается объяснять свой вероломный поступок.

Энмеркар перевел взгляд на правую щеку Главного Контактера, избегая смотреть ему в глаза.

– Из-за ваших дел началась война, которая может грозить поражением и гибелью всему Агану!

– Всякое, конечно, может случиться, – равнодушно пожал плечами Главный Контактер. –

Может статься, этой ночью Аган по неведомым причинам остановит скольжение вокруг оси, и Уту никогда больше не встанет над нами. – Не спуская с мальчика взгляда, он провел линию левой ладонью. Связанный узелок тамариска поднялся в воздух и плавно перелетел к хранильнику, повиснув на веревке рядом с другими пучками. Главный Контактер продолжил: – Я допускаю такую возможность, но глубоко сомневаюсь, что она воплотится в жизнь. То же самое и с землянами.

– Они прибыли как гости, – упрямо продолжил Энмеркар, – и вот, смогли пробить стены, возможно, война уже в городе. Что же будет, если они прилетят как воины?

Прорезанное вертикальной морщиной лицо Главного Контактера изогнулось в слабой улыбке. По тому, как неуверенно вытягивались лицевые мышцы, было видно, что им нечасто приходится выполнять такое назначение.

– Ты очень проницателен для своих лет, Энмеркар. Ты был бы хорошим преемником отцу.

Улыбка исчезла, словно порыв ветра сорвал ее с лица Главного Контактера.

– Не беспокойся об Агане, – сообщил он. – Наша беда не от землян. Если они пришлют сюда боевые корабли, то на каждый вражеский корабль мы выставим пять, ничем ему не уступающих. Да, еще у них есть страшное оружие уничтожения, от которого нам не увернуться. В одно мгновение оно уподобит наши города черепкам разбитых горшков. Но если они решатся не захватывать, а уничтожить нас, мы упредим землян и погасим их звезду. Дальний Дом станет безжизненной, заледенелой глыбой, несущейся в космосе. Если кто-то из них и выживет, им будет не до войн с нами.

– Мы не должны уничтожать их место во вселенной!

– Я рассказываю лишь то, как может быть. Но тебя ведь волнует на самом деле другое, не так ли? На твоём месте я бы не стал терять время за лишними разговорами.

Энмеркар нервно вздохнул, вдавившись в холодную спинку сидалища. Появилось ощущение, будто комната вокруг начинает сжиматься, а бесчисленные статуэтки, вырывающиеся из сумрака красно-рыжим светом дрожащего пламени, смотрят прямо на него. Как же дух здесь тяжел и как несвободно сердце!

– Поклянись, что скажешь, если знаешь то, что я прошу!

– Ты – Избранный, – бесстрастно отозвался Главный Контактер. – Сегодня ты имеешь право задавать любые вопросы.

– Поклянись ответить!

– Клянусь.

– Я хочу знать, как можно разорвать контакт с анаким! Чтобы больше их не было на Агане! Чтобы никого никогда больше не пожирали они, чтобы исчезло, растворившись словно соль, всякое воспоминание о них!

Многоголосое эхо горько рассмеялось устами Главного Контактера.

– О, если бы я знал, Энмеркар! Неужто ты забыл, кто они, если думаешь, что их можно просто выключить как механизмы дваров? «Не мужчины они и не жены они, – принялся он цитировать искривившимися губами, – ветры они, бродящие всюду, жен не имеют, детей не рожают, ни прощения они, ни пощады не знают, ни молитвам они, ни мольбам не внимают, страшные бури они, злобные боги, беспощадные духи они, порожденные в недрах небесных, сами скорби они, и скорби приносят, ежедневно для злобных деяний подымают главы; тучи густые они, наводящие сумрак на небо, натиск свирепого ветра, среди ясного дня приносящий затмение, бьют они мужа, повергают супругу, слабых, как травы, они разрывают, сердце у сильных они исторгают, плоть человека как одежда они облачают, прочь уносят во сне человека...» Как с ними справиться нам? Сие невозможно...

Замолкнув, Главный Контактер откинулся на спинку и прикрыл глаза. На мгновение черное очарование спало с него, обнажив смертельно уставшего и отчаявшегося человека. Будто кто-то другой с привычными чертами главы контактеров оказался напротив Энмеркара.

– Когда-то давно... – еле слышно зашептал он, и голос от этого стал почти человеческим, – мой лучший друг раньше меня услышал Песню и погрузился в Сон. Я очень горевал. И даже

покаялся отомстить анаким. Я клялся, стоя над телом спящего друга, что всегда буду бороться с ними, пока наш народ не освободится от рабства – проклятого наследия предков... Меня пьянила уверенность, что сам-то уж я точно смогу отказаться от Призыва... Ведь отец мой был бесконтактным! Все совсем как у тебя, Энмеркар... – Взрослый немного помолчал, а потом продолжил еще тише: – Анаким жестоко посмеялись надо мною. Они не только сломали меня и сделали контактером. Потом... После мятежа... Они сделали меня Главным Контакттером... Знал бы я тогда, что четырнадцать лет спустя мне собственными руками придется забрать у друга жену, а затем и единственного сына...

Ледяной ужас окатил Энмеркара, но вместе с ним он ощутил и бездонную тоску, веявшую от взрослого. Он вдруг понял, как истосковался Главный Контакттер по простому человеческому разговору... Потерянный, уставший человек в нелепом заношенном халате и с глубокой вертикальной морщиной на лбу.

– Я завидую тебе, Энмеркар, – прикрыв глаза, признался он. – Ты уходишь с чистой волей. Как хотел бы я оказаться на твоём месте!

Он тяжело вздохнул и продолжил:

– Я столько перенес, столько пожертвовал ради того, чтобы состоялся контакт с землянами. Каким-то немыслимым образом некоторым из них удастся оставаться неподвластными анаким. Я так надеялся, что это наконец то, что освободит нас. Поможет мне сдержать давнюю клятву. Я надеялся перехитрить анаким. А они просто посмеялись над нами... – Он покачал головой. – Я многое знаю, но совершенно ничего не могу сказать, что теперь нас ждет...

Они долго молчали. Затем Главный Контакттер открыл глаза и со вздохом сказал:

– Боюсь, нам пора, Энмеркар...

– Нет! – закричал он, ужаленный страхом. – Я... я хочу увидеть море... Перед Гарзой я хочу посмотреть на море!

– Море... – задумчиво повторил хор голосов из горла мужчины. – Бездна, недоступная взору... Наша мудрость издревле уподоблялась подземным источникам вод. Море – образ иной мудрости, безграничной, если такое возможно... Думаю, мы успеем слетать на побережье, Энмеркар.

Мальчик выдохнул, ощущая, как понемногу отпускает напряжение и колотящееся сердце стихает, возвращаясь к привычному ритму. Как же нестерпимо хочется покинуть эту темную, давящую комнату с приторно-гнилостным запахом умирающих трав и судорожным мерцанием чадающего светильника!

Энмеркар прыгнул на пол и в три прыжка оказался на летателе. Над головой плыло небо. Он так успел соскучиться по его задумчивым переживаниям за те пять ушей, что пробыл здесь! Главный Контакттер ступил следом, и они взмыли вверх, оставив внизу полутемную душную яму с неприятными фигурками по стенам.

Снова город. Свет. Легкий, влажный, упоительно-свежий и вольный воздух ворвался внутрь, вычищая легкие. Энмеркар улыбнулся, заметив, что огромный черный столп вдалеке рассеялся, разделившись на несколько тонких ниточек, и грохота уже не слышно.

– Мы победили машины! – поделился он новостью, показывая пальцем в сторону Дома Молчания.

– Похоже на то, – согласился Главный Контакттер. – Может, еще удастся договориться с землянином до Гарзы... Ты знаешь, от меня лично ничего не зависит. Но кое-что я постараюсь сделать, сын моего друга. Несколько минут я вырву для тебя. Пушу кое-кого раньше.

Энмеркар удивился и устрасился этим словам. Но потом усилием воли выгнал всякие мысли о Гарзе и начал думать о приятном: о море. Он слышал, что оно бескрайнее. Наверное, как небо. Взгляд устремился в перламутровую пелену с раздвоенным огненным оком Уту. А еще отец говорил, что оно соленое... Как это пахнет, интересно? А еще, говорят, там живут особые белые птицы...

Летатель резко пошел вниз, метя в куб-верхушку Дома Поднятия Головы.

– Что такое? – крикнул мальчик Главному Контакттеру, но тот не ответил.

Стремглав они обрушились на угол седьмого яруса, пронзая его собою насквозь. Летатель резко ударился о пол, и Энмеркар, не удержавшись, свалился на холодные, покрытые темными пятнами плиты, прямо под ноги двум мускулистым, затянутым в алое помощникам Главного Контактера.

- Приготовьте его к Гарзе, - приказал заволашевающий голос.

- Ты обещал отвезти меня посмотреть на море! - закричал Энмеркар, вскакивая на ноги, мгновенно позабыв о ссадинах, прочертивших плечо при падении.

- Ничего я не обещал, - холодно ответил высокий человек в зеленом плаще, избегая смотреть ему в глаза. - Я тебе сказал, что мы могли бы успеть слетать на побережье, но ни словом не обмолвился о том, что мы туда полетим.

- Все равно! - Энмеркар топнул ногой. - Я - Избранный! Я имею право! Я хочу увидеть море!

- Хватит, парень, игры кончились. - Главный Контактер отвернулся и взмыл на летателе вверх. Энмеркар еще раз топнул, глядя, как уменьшается в небе темно-синий прямоугольник, и тут слезы сами хлынули у него из глаз. Рыдания сдавили горло и вырвались из него. Он не хотел, но ничего не мог с собой поделать. Широкая ладонь легла ему на плечо.

- Не плачь, мальчик, - посоветовал голос сзади.

- Ты избран для великой чести, - добавил голос справа.

Когда стихли шаги уведенных Тези Ябубу, Зеберга и Суня, стало тяжелее. Мы сидели с Бонго в разных углах и молчали, не глядя друг на друга. Отчаяние рвало мне сердце. Никогда я еще не переживал такого. Давным-давно, на Меркурии-4, скрываясь под раскаленными обломками станции, я тоже ощутил дыхание смерти. Но там я мог надеяться, что помощь за мной придет, как оно в итоге и случилось. А здесь ждать помощи неоткуда. Душа томила и трепетала, как полотно на ветру. Хотелось немедленно что-то сделать. Но что можно делать, когда сделать ничего нельзя? Когда ты связан по рукам и ногам?

Где-то там, далеко-далеко, мать сейчас лежит на диване и смотрит очередной сентиментальный сериал. Его начали показывать еще до нашего отлета, будут показывать и когда мы... должны были бы вернуться. Где-то там в эту минуту брат спешит к заутрене, приподнимая полы рясы над мокрой от росы травой. Я помню это место по визографиям - огромное озеро, смыкающееся на горизонте с небом, песчаные берега, поросший лесом и обрывающийся скалами полуостров, белые, приземистые храмы... Где-то там Анна сейчас сидит перед бледным экраном среди рабочей суеты, принимая беспилотные грузовики с Марса... Остренькое, сосредоточенное личико, белые кудри деловито убраны в хвост, губки поджаты, брови напряженно сведены... Где-то там жена Мусы готовит детям обед. Я видел ее лишь раз, мельком. Полную сорокалетнюю брюнетку сложно назвать красивой, но, наблюдая, каким огнем нежности всыхивают ее темные глаза при взгляде на мужа, Мусе можно было позавидовать. Теперь-то уж никто ему завидовать не станет... Где-то там скачут на мустангах по прериям Айовы подопечные Тези Ябубу - загадочные бледнолицые вашичу, покачиваясь в седлах от чрезмерного употребления виски... Человеческая жизнь течет во всем своем многообразии... За миллиарды километров отсюда. Как же все-таки мучительно оказаться вне «родного муравейника», в тоскливом кошмаре по-настоящему чужого мира... Как бы хотелось, чтобы все это и впрямь оказалось лишь дурным сном, который вот-вот обернется спасительным пробуждением...

Не выдержав, я вскочил и начал ходить взад-вперед по темной камере, как Зеберг полчаса назад. В затхлом воздухе все еще витал слабый запах его одеколора. Что же стало с нашим насмешником, когда то невидимое, что он так ярко отрицал, само явилось ему, насильно распахнув глаза и сдавив сердце...

- Надо что-то делать, - пробормотал я на ходу.

- Да, надо, - отозвался врач. - Нельзя же сидеть сложа руки и дожидаться, пока нас прихлопнут!

- Может быть, обмануть сангхитов, пообещать, что скажу им секрет...

- Верно! - горячо поддержал Бонго. - Обмани их, Вассиан, обмани! Ведь они не знают, что именно ты скрываешь. Расскажи им какую-нибудь белиберду и пообещай, что помогает она по прошествии многого времени - и поверят они, никуда не денутся.

Снедаемый страхом, я остановился и нахмурился, глядя на валяющуюся голову С-403:

- А может, все же не обманывать?

- Да, так, пожалуй, лучше, - подумав, согласился негр. - Обман-то скоро обнаружится, и тогда нам придется еще хуже, чем теперь. Не дураки же сангхиты, чтобы поверить одним обещаниям, без доказательства делом!

Я развернулся и пошел в обратную сторону, размышляя по ходу:

- Может, попытаться бежать, когда придут за нами?

- Точно! Нас двое, мы оба в хорошей физической форме. Конвоиры вроде безоружны. Если они вдвоем забирали отсюда троих, то за нами явятся, наверное, не больше. Мы знаем, что они - люди, значит, физиология та же, что и у нас. Оглушим одного головою «искателя», а уж с другим как-нибудь справимся вдвоем. Как говорится, побей одну собаку и остальные разбегутся.

Выглядело и впрямь соблазнительно, но... Дойдя до противоположной стены, я прислонился к шершавым камням рукой и вздохнул:

- Нет. Отсюда не вырваться.

- Твоя правда! - нехотя кивнул врач. - К тому же, даже если нам удастся сбежать, мы ведь ничего здесь не знаем. Как выйти на поверхность? А если выйдем, куда идти дальше? Как добраться до корабля? Нас схватят в любом случае. Никаких шансов.

- Что же тогда? Сидеть сложа руки и ждать?

- Да, Вассиан, ты прав: лучше подождать. Если сейчас нет никаких возможностей, то, быть может, они появятся позже?

Я перестал ходить и сел, оперевшись спиной о холодную стену.

- Может, нам вообще лучше умереть? - пробормотал я в пустоту.

- И впрямь так! - отозвалась пустота голосом Бонго. - Мертвый не боится, не чувствует боли, не страдает от неизбежного и не стремится к недостижимому. Лучше бы мы были мертвы.

Изумленный, я вскинул голову и долго смотрел в немигающие глаза Бонго, пока не стало жутко.

И мир вдруг потемнел в глазах... сознание перестало цепляться за окружающую реальность. Я начал проваливаться... Страх и трепет нашел на меня, отчаяние могильной плитой сдавило дыхание мне... Вселилась душа моя в страну молчания... Скорби сердца моего умножились и тяжелое бремя отяготело на мне, истощилась в печали жизнь моя и сила моя изнемогла... внутренности мои истаяли от тоски... Как мертвый, как разбитый сосуд лежал я, и отовсюду смотрел на меня лишь ужас... я уподобился нисходящим в ров погибели, разлитие многих вод достигло меня... все воды и волны прошли надо мною... я лежал на дне и ни один луч не проник в водной толщине, не касался меня... беспроглядный мрак усиливал терзания сердца и воспоминания минувшего словно жгучие стрелы пронзали душу...

Последний взгляд Мусы... Взгляд матери перед стартом... Ее слезы... Улыбка Анны... Последнее письмо брата... В котором он обещал молиться за меня... Где ж молитвы твои? Забыл нас Бог, закрыл лицо Свое, не увидит никогда...

Внезапно грудь мою отпустило. Я глубоко вздохнул и понял, что лежу, весь мокрый от пота, на холодном полу камеры. Медленно поднялся и сел, потрясенный, не понимая, что со мною произошло. Бонго все так же торчал в углу и молча смотрел на меня немигающим взглядом, с громким хрипом выдыхая воздух.

Что-то происходило с ним, что-то происходило со мной, но я не думал о том, устремясь всецело в глубь себя: казалось, что разгадка близка, еще мгновение и я смогу ухватить ее...

Снова гул шагов из коридора. Я встал, Бонго, притихнув, остался сидеть. Откуда-то мы оба

знали, за кем идут в этот раз. Но теперь я почти не боялся. Появились сангхиты в балахонах цвета навозных мух и с нелепыми металлическими прутами в руках. Много. С тараканьей проворностью они выстроились вдоль коридора. Сангхит с тонким ртом, что уводил Тези Ябубу, Зеберга и Суня, выступил вперед:

– Вассиан Софронов! Я – темничий Самгар-нево. Выходите и следуйте за мной.

Было нечто паучье в его мимике. Преодолевая отвращение, я направился к прозрачной стене и, свободно пройдя сквозь нее, вышел в коридор. Тотчас сангхиты обступили меня со всех сторон и направили в лицо пруты. Самгар-нево, подрагивая тонким ртом, с опаской подошел и коснулся моих плечей зеленым шестигранником. Тотчас руки отнялись. Сангхиты-конвоиры вновь закопошились, выстраиваясь так, чтобы я находился в центре колонны. Справа стал тонкоротый темничий, который и дал знак отправляться.

Я бросил прощальный взгляд на Бонго. Он полусидел, прислонившись к стене, и, казалось, даже не дышал.

Мы скорее поползли, чем пошли – настолько медленным было продвижение. Впереди тянулся длинный, словно шахта пересохшего колодца, коридор. По бокам виднелись такие же камеры, как наша, но незанятые. Темная пустота их напоминала глазницы черепов. Мы бесконечно долго тащились по удушливому коридору, который, казалось, сжимался по мере продвижения червеобразной колонны.

Темничий как-то странно поглядывал на меня, пока я не догадался, что ему не терпится заговорить. Наконец он решился:

– Неплохой сегодня денек, не правда ли? – спросил он, растягивая тонкие губы в радушной улыбке.

– Для тебя – может быть. А у меня бывали дни и получше.

– Да-да, конечно. Это вы верно заметили. Сразу видно, что вы – внимательный человек. Ведь это и впрямь лучший день в моей жизни.

– Вот как? – Я обескураженно посмотрел на него, пытаюсь понять, к чему он это говорит. И почему-то он принимал меня за большую шишку. Уж не проделки ли Набу-найда?

– Именно так, достопочтенный господин! – продолжал Самгар-нево. – Видите ли, я, как темничий, должен содержать людей под стражей. Таково мое предназначение. А быть темничим, согласитесь, дело почетное...

– Бывают дела и почетнее.

– Конечно-конечно, – с готовностью согласился сангхит, которого так и распирало от удовольствия. – Но для простого человека, у которого нет ни судьбы правителя, ни судьбы писца, судьба темничего – очень даже неплохо. В моем роду почти все были темничими. Однако из-за прискорбных нестроений в обществе наши функции перестали быть востребованными и практически отмерли.

– Нестроений? Что ты имеешь в виду?

– Ничего такого, о чем бы не знали все. – Сангхит хихикнул с почтительным смущением.

– Ну а все-таки? – У меня зародилась надежда, что информация, полученная от него, сможет как-то помочь. – Ты можешь говорить со мной вполне откровенно.

– Вы так великодушны... Видите ли, я не то чтобы имею в виду что-то особенное, но... В общем, после того, как Главные Контакты придумали отдавать провинившихся сангхитов анаким, всем почему-то расхотелось совершать преступления. Если в древние времена преступников хватало едва ли не каждый месяц, то ныне давно никто не решается на открытое преступление. Жуткое падение нравов. – Самгар-нево сокрушенно покачал головой.

Тут я догадался, что темничий специально приказал конвою идти медленно, чтобы вволю наговориться. Что ж, мне-то и подавно спешить незачем.

– Что же в том плохого? – спросил я.

– У древних было иначе, – с простой верой изрек сангхит. – А древние лучше знали, что является совершенным и правильным. Лишь посредством строгого соблюдения порядков предков мы можем достичь соответствия своей сущности и предназначению. И нечего на меня

коситься! – сурово прикрикнул темничий на одного из конвоиров и добавил несколько фраз на сангххиле.

Повернувшись ко мне, он с широкой улыбкой продолжил:

– Моему деду однажды довелось продержать преступника в темнице целый день. Как светлело лицо его всякий раз, когда он рассказывал об этом! Как он был счастлив! Но уже моему отцу за всю жизнь не пришлось испытать такой радости, да и я, честно говоря, не чаял, что со мною может произойти подобное. И вот появились вы! Я, знаете, прямо предчувствовал...

– Вот как? – с каждым пройденным метром мне оставалось все меньше до последнего шага...

– Конечно! Вы же прилетели с Далекого Дома. А там-то наверняка дела идут как надо, и люди не успели опуститься до того, что и посадить некого!

– Да, такой беды у нас нет.

– Еще бы! У вас, наверное, темничие работают каждый месяц, как у древних...

– Каждый день.

– Не может быть!

– У них так много работы, что одной темницы не хватает. На Земле много тюрем.

– Идеальное общество! – воскликнул темничий и с завистью проговорил: – Как же вы там, наверное, счастливы...

– Тюремщики – может быть. А вот заключенные-то вряд ли... – Я внимательно посмотрел на сангххита.

– Отчего же? – удивился он. – Дед мне рассказывал, что заключенный, которого он держал в темнице, был несказанно счастлив. А как им гордились дети! Раз уж тебе выпала судьба преступника, ты должен честно исполнить свое предназначение. В чем же еще может быть счастье, как не в этом? Тот смельчак, который отважился на преступление, смог это сделать. Да, тогда были еще сангххиты... Не то что сейчас... Нынче все любят говорить о древности, но никто не любит ее соблюдать... Никто не соответствует своему предназначению. Писец без руки, певец без горла...

А вот и конец коридора. Пройдя под низкой аркой, мы начали подниматься по нескончаемой петляющей лестнице. Тусклый свет исходил откуда-то сверху, но источника не было видно.

– Я никак не пойму, что плохого в том, что у вас не стало преступлений? – спросил я, пытаюсь потопить в разговоре нарастающее беспокойство.

– Если бы так – другое дело! Да вот преступления-то не исчезли. Их теперь совершают иначе – через своих анаким. А анаким-то в темницу не посадишь. Но разве так, скажите, не мерзее?

– Мерзее, – согласился я, вспомнив распростертое тело Мусы.

Мы молча миновали ярус и продолжили подъем. Глядя на лестничный изгиб, мне вдруг вспомнилось, как в детстве мы с братом лазили на Светлую неделю по узкой винтовой лестнице на колокольню и, задыхаясь от счастья, звонили в колокола. Что-то болезненно жалось внутри от нахлынувшей кромешной тоски по тому, чего уже не вернешь...

– Я... это... – Самгар-нево отчего-то замялся. – Знаете, что хотел спросить... Ну, вы ведь там, на Далеком Доме, наверное, сидели хотя бы разок-другой в темнице, а?

– Вообще-то не доводилось, – сказал я, морщась от усиливающегося зловония. Откуда-то появился гадкий кисло-сладкий запах, вызывавший рвотные позывы.

– Правда? Но, может быть, вы знаете... Я ведь, понимаете, первый раз... А спросить-то не у кого... В общем, все ли правильно сделано?

– С точки зрения темничего, думаю, ты все сделал правильно. Разве что... не помешало бы мебель для заключенных поставить. Стулья, стол, кровать... А еще еда и питье... – Я вспомнил, что со вчерашнего вечера ничего не ел. Впрочем, голода совсем не чувствовалось.

– Спасибо! Обязательно исправлю! – пообещал сангххит. – У меня, как у вас говорят, прямо от сердца отлегло. Я ведь, знаете ли, едва услышал, что вы собираетесь нас посетить, сразу внутренний голос услышал: шевелись, Самгар-нево, придется поработать... Ну и выучил ваш язык. Так, на всякий случай. Мало ли, думаю, пригодится. Прямо как чувствовал... А теперь-то счастье какое! Так я вам, господин Софронов, благодарен, что и сказать нельзя! Этот день я

запомню навсегда. Будет теперь и мне что рассказать детям и внукам.

Мы прошли еще один ярус. Мерзкий запах стал слабеть, хотя я почти уверился, что его источают плотно окружившие меня вспотевшие тела сангнхитов, подслушивавших наш разговор.

– Если это для тебя так важно, Самгар-нево, – сказал я, оглядывая спины конвоиров, – то мне уже не так плохо.

– Не для меня одного! – с горячностью поправил сангнхит. – Знаете, мой сын любит собирать разные истории и записывать их. Надеюсь, он станет летописцем. Он обязательно запишет рассказ о вас. Каждый сангнхит последующих поколений узнает о вашем величии и мужестве... А может быть, и не только сангнхит... Как вы думаете, из Дальнего Дома прилетят еще корабли?

– Рано или поздно прилетят, – промолвил я, представляя боевые космические крейсера.

– Может, мне кого-нибудь и с них придется содержать в заключении? – Глаза темничего так и светились надеждой.

– Как знать. – Времени оставалось все меньше, и я наконец решил перейти к главному: – А ты не подсказешь, что с моими... однокамерниками? И что будут делать со мной?

– Сожалею, господин Софронов, но эти вопросы выходят за рамки того, что мне положено знать. Простите, мне не хотелось вас огорчать... Позвольте вас поблагодарить в последний раз... Сейчас мы выйдем в Коридор Покоя, и нам нельзя будет разговаривать. Большое вам спасибо.

– Пожалуйста, – с тяжелым чувством ответил я, и мы, поднявшись на очередной ярус, вышли в новый, необычный коридор.

Стены здесь были испещрены миллионами черточек и точек, в сочетании которых легко угадывалась клинопись. Вдоль стен тянулся кантом однообразный орнамент в виде извивающихся змей. В нишах через равные промежутки стояли небольшие скульптуры сангнхитов. Они блестели, словно натертые слизью. Я видел изображения сидящего со сложенными руками мужчины в круглой шапочке, фигурки странных существ с вытянутыми головами и большими глазами, чем-то похожих на земноводных, один раз я увидел изображение женщины, кормящей грудью звереныша. Скульптуры отличало сильное искажение пропорций тела и черт лица, с резким подчеркиванием носа и ушей.

Над нишами размещались рисунки в обрамлении клинописных надписей. На некоторых я заметил изображения рядом с большеглазыми сангнхитами маленьких гномоподобных бородачей, а также людей с острыми ушами и тонкими чертами лица.

Но вот коридор с нишами кончился, и мы остановились перед дверным проемом, заложённым каменной плитой. Конвоиры разошлись по обеим сторонам, а Самгар-нево, церемонно подтолкнув меня в спину, вместе со мной прошел сквозь плиту.

Огромный полутемный зал был забит сотнями сангнхитов, но я мгновенно узнал его. Устройство именно этой пирамиды мы рассматривали вчера в кают-компании. Стало горько от того, что память отозвалась так поздно. Канула последняя возможность спастись. Получив через компьютеры рации план помещений, можно было придумать вариант побега... А теперь не оставалось даже столь ничтожного шанса. Разговор с темничим оказался бесполезной болтовней. Внутренний голос ему сказал... Ясно, чей это голос. Тези Ябубу прав: анаким играют здесь всем и вся, и мне не выбраться из сотканной ими паутины. Яма, вырытая врагом... Что же теперь делать? Что?

Как и темница, зал не имел окон: огромная каменная коробка. Почему-то здесь это особенно угнетало. Вспомнилась «коробка с муравьями». Не было прямого источника света, не было и самого света в привычном понимании. Зал наполняло тускло светящееся марево, словно воздух пропитан миллионами фосфоресцирующих пылинок. Этого рассеянного зеленоватого свечения было вполне достаточно, чтобы различать фигуры молчаливо стоящих слева и справа сангнхитов, сквозь ряды которых мы проходили вперед.

Все это были мужчины, стоящие босыми на холодном голом полу и завернутые в странные

шерстяные полотнища с нашитыми разноцветными флажками. Шеи стягивали шнуры с кольцами, а на руках болтались металлические обручи. На нас почти никто не обращал внимания, все взоры притягивало что-то в противоположном конце зала.

Меня трясло от страха, ноги подкашивались, и однажды я едва не споткнулся. Когда мы добрались до первого ряда, меня молча принял толстошей Иддин-даган. Самгар-нево низко поклонился нам обоим и отошел назад, затерявшись в толпе. Все также не в состоянии пошевелить руками, я развернулся лицом к помосту.

Под прямым углом друг к другу на нем стояли две стелы, покрытые резными символами. Я различил звезду в круге, скипетр, увенчанный двумя львиными головами, полумесяц, львиноголовую птицу и солнечный диск. У подножия стел лежали две небольшие пирамиды из золотых шаров, испускавших тонкие струйки дыма. Между пирамидами стояло семь каменных чаш, до краев наполненных мутной жидкостью.

А между стелами виднелся короткий столбик. Верх его был гладкий, будто срезанный. Перед ним стояла большая треугольная плита. На ней лежал полуголый сангхитский подросток с блестящим телом, натертым чем-то маслянистым. Рядом с плитой высилась фигура, сокрытая расшитым черными узорами пурпурным саваном. По бокам стояли еще двое, в алых балахонах. Из стен лились звуки в каком-то диковинном ритме. Незримые арфа и бубен источали гипнотическую мелодию. Звучала тягучая песня, густые ноты, выводимые низкими голосами невидимых певчих, эхом отражались от стен. Если бы не условия, в которых она исполнялась, песня могла бы показаться красивой.

Пурпурная фигура повернулась в зал. Кудур-мабук! Главный Контактер медленно провел взглядом, всматриваясь в ряды окутанных полутьмою сангхитов. На секунду испепеляющий взгляд остановился на мне, и в этот миг через глаза его бездна заглянула в меня.

Песня окончилась. Последняя нота растворилась в пропитанном пряным дымом воздухе и установилась напряженная тишина. Кажется, воздух над столбиком начал мерцать. Струи дыма, поднимавшиеся из золотых шаров, увеличились, превращаясь в сизые столбы. Плавно струясь вверх, они растекались по сумрачному потолку, опускаясь на наши головы бледным туманом. Глубокий двойной голос Кудур-мабука заговорил на сангхиле. Иддин-даган негромко стал переводить мне, сохраняя надменные интонации Главного Контактера:

- Они пришли. Великие анаким. Почти все...

Рябь пробежала по мутной поверхности в каменных чашах. Когда сизый смог затянул все пространство, дымовые столбы нарушились, непонятным образом распадаясь от середины на клубы, кольца и завитки, в которых с каждым мигом все отчетливее проступали странные образы и очертания, ежесекундно сменяя друг друга.

- ...Вот, они здесь, я вижу: Ан и Эа, и Энлиль, и Мардук, и Нергал, и Ашшур, и Нингирсу...

Стены, стелы, фигуры сангхитов - все начало еле заметно подрагивать как испорченная голографическая картинка. Видимое становилось призрачным, до странности нереальным.

- ...Иштаран и Забаба, Гатумдуг и Дамкина, Дингирмах и Ашшурит, Пабильсаг и Нинзадим, Набу и Шара, Ишкур и Нисаба, Нинкаррак и Эрешкигаль...

Лишь рисуемые дымом мимолетные силуэты и низкий, утробный голос Главного Контактера наперекор всему остальному казались все более настоящими, приходящими из иного, действительно подлинного мира.

- ...Бау, Гештинанна, Эннуги, Думузи, Ниназу, Гирра, Нару, Энки, Нингирма, Даган и великие Удуг!

Я узнал имена. И понял, кто такие анаким. И то, что сейчас произойдет. И не хотел этого видеть. Сердце защемило. Спина взмокла.

- За помощь в принятии землян, - монотонно продолжал шептать Иддин-даган, - анаким просили отдать Энмеркара, сына Набу-наида.

Сгусток слабого света, стянувшийся над столбиком, начал пульсировать. Стены, пол и интерьер перестали казаться исчезающими, но продолжали чуть заметно подрагивать. Мелькающие в дыму тени утратили какую-то неуловимую толику достоверности.

Неподвижными и реальными оставались молчаливые фигуры сангхитов. Царило чувство, будто все мы замерли между двумя мирами...

– Ныне случилось небывалое. Четыре с половиной тысячи лет назад, – переводил Иддин-даган, – войска Ся прогнали нас. Наш дом был потерян. Оставшиеся сангхиты покорены. Спасшимся пришлось долго скитаться. Тяжко работать. Многие погибли. Пока мы не приспособились. Ся – древний враг. Сегодня вы увидите небывалое. К нам прибыл соглядатай. Потомок империи Ся. Впервые за много тысячелетий. Мы рады отдать его. Анаким рады принять его. Первым будет соглядатай Ся. Энмеркар пойдет за ним.

Толпа единогласно проревела:

– ХЕ-АМ!!![5]

Крики сотрясли стены. Плита опустилась вниз. Поднимается уже пустой. Двое выводят Суня. Бледный и потерянный. Его медленно подводят к плите. Он не сопротивляется. Кладут на стол. Разводят ему руки. Поклонившись, балахоны уходят. Кудур-мубук поднимает нож. О нет! Господи, помилуй! Господи, спаси нас! Господи!

И тут разом отступили куда-то, померкнув, дрожащие стены и судорожно изгибающиеся пряди дыма. Мир раскрылся. словно пелена спала с глаз. Дух замер. Стало тепло.

Душа затрепетала и распустилась как цветок.

Изнутри воскипает восторг...

Лучезарная сладость...

Благоухающий свет...

Веяние тихого ветра...

Сияющий мир, сотканный из любви...

Я открыл глаза.

В этом подлинном мире святой красоты

всю свою жизнь я вижу как след ступней на песчаном берегу...

И рядом – цепочка следов Другого...

Лицо откликается улыбкой...

Господи!

Окрыленная лаской душа устремляется ввысь...

Выше...

Там, где отступают любые образы

и облетают шелуху бессильные слова, мысли и чувства...

меня встречает Отец!

Жертвенный нож выпал из ослабевшей руки жреца. Море голов охватило замешательство.

– Анаким... Они уходят... Землянин... Он прогнал их!

– Не я... – произнес Софронов. – Это Тот-О-Ком-Не-Говорят.

Редеющие лохмотья сизого дыма расползались по полу. В зале стало светлее. Контактные стелы с грохотом треснули. Дрожь прокатилась по телам. Толпа отхлынула. Кто-то крикнул. Кто-то вскинул руки, будто защищаясь от яркого света. Кто-то жадно подался вперед.

Нарам-суэн вспомнил и узнал – кто во время штурма заставил его отойти от стены за мгновение до взрыва. Самгар-нево вспомнил и узнал – кто исцелил Мелуххе после месяца тяжелой болезни, когда даже исправщики признали себя бессильными. Иддин-даган вспомнил и узнал – кто избавил его от справедливого царского гнева, сохранив семью от позора и нищеты...

Но большинство панически ринулось к выходу, увлекая за собой единицы замешкавшихся...

* * *

«Здравствуй, папа!

Жаль, что мы не увидимся до отлета! Нарам-суэн передал твои слова о том, что я остаюсь Избранным, и, если не улечу с землянами, мне придется пойти во время следующей Гарзы. Я понимаю. Я сделаю все, как ты велишь, отец.

Спасибо Нарам-суэну, он согласился взять для тебя письмо! Сейчас ждет снаружи. Я буду писать быстро, только самое главное, как ты меня учил. За эти два дня так много произошло! Самое главное – они спасли Магану! Все оказалось очень просто. Земляне вчера провели между собой какое-то важное для них омовение. Это делал их глава, Васи-ан. Я подсмотрел чуть-чуть. После омовения Васи-ан взял воду и сегодня с утра побрызгал на спящего Магану. А тот взял и сразу проснулся! Бесконтактным! Есть только очень, говорит, хочу. Вот как здорово! Надеюсь, Васи-ан даст царю этой воды побольше. Прости меня, папа. Я не верил тебе, а все случилось точно так, как ты говорил!

У меня хорошая комната. Просторная и светлая. Земляне все убрали, и я не знаю, кто здесь жил: погибший пришелец или чернокожий. Во второй комнате будет жить Магану. Он тоже полетит с нами! Я не уверен, что точно понял, но, кажется, царь хочет отдать меня вместо погибшего землянина, а Магану – вместо чернокожего. Я очень рад. А то даже поговорить здесь не с кем. наших почти не вижу, а язык пришельцев не понимаю. Васи-ан много занимается со мной, изучая наш язык. Он садится рядом, а в руках держит темный квадрат и спрашивает меня, как называется то или другое. Я отвечаю, а темный квадрат подмигивает мне красным глазом. Васи-ан быстро учится и уже кое-что может мне говорить, но не понимает вопросов.

Ну вот, земляне возвращаются к Нарам-суэну. Папа, я всегда буду стараться беречь свое сердце, как ты учил. Что-то большое и неведомое ждет впереди. Хорошо, что меня провожают добрые люди. Не беспокойся, они все ко мне тепло относятся. Даже потомок Ся. Он часто улыбается.

Мы с тобою еще встретимся когда-нибудь. Я чувствую это. И тогда я обязательно все расскажу. До свидания!

Твой сын Энмеркар».

Дочитав, Главный Контактер смял исписанную бумажку, крепко сжимая кулак. Черные глаза сузились, устремляя взгляд вдаль – мимо шелестящих внизу крон, за городскую стену с бледными заплатами, через выжженное поле, изъеденное рытвинами и грудями рваного металла, – дальше, к синему бруску земного звездолета, полностью закрытого со вчерашнего дня для внешнего зрения. Медленно текло и переливалось низкое небо. Жесткий северный ветер бил по лицу. «Скоро зима», – машинально отметил Главный Контактер, а вслух приказал: – Продолжай.

Стоящий на почтительном расстоянии Нарам-суэн продолжил отчет:

– Тези Ябубу не хотел брать сына Иддин-дагана. Потом согласился. Вассиан просил разрешения посетить другие города. Я передал царский отказ. Потом он снова спрашивал о черном землянине. Я напомнил, что тот сам захотел остаться.

Офицер замолчал.

– А что он говорил тебе лично ?

– То же, что и царю.

Главный Контактер дернул острым подбородком, оглядываясь на собеседника. Независимо расправленные плечи, чуть склоненная голова, маска почтительности на лице и цепкий, с вызовом, взгляд исподлобья. «Лжет», – понял Кудур-мабук. Несколько мгновений они молча смотрели друг другу в глаза. Память о страшных потерях, понесенных при подготовке этой встречи... Напрасные жертвы...

Главный Контактер отвернулся первым, словно городская стена вдруг стала очень привлекательна.

– Можешь идти! – приказал он.

Взгляд затянуло сизой дымкой, сквозь которую Кудур-мабук разглядел внешним зрением, как

Нарам-суэн кланяется ему в спину, затем отходит, становится на летатель и взмывает вверх... Дымка рассеялась, открывая прежний вид, – вниз с шестого яруса Дома Молчания. Волнующиеся верхушки деревьев. Стена с двумя заплатами... По лбу скатилась капелька пота, новый порыв ветра сорвал ее...

Сквозь хмурую небесную пелену по-прежнему жег и ласкал взгляд Забытого. Главный Контактер, как и прежде, не мог понять, какая часть его рвется навстречу этому взгляду, а какая желает спрятаться от него. Он стоял неподвижно. Один, на краю. Вертикальная складка на лбу проступила резче...

Бреши в стенах залатать легко... Трещины в стенах нетрудно замазать... А вот бреши, пробитые теперь в душе каждого сангхита? Пробитые знанием, памятью, опытом того мига, когда все неожиданно стали свободны, делая выбор... Удастся ли когда-нибудь залатать их? В ближайшие годы будет тяжело. Но если приложить усилия, к третьему поколению эти бреши затянутся и исчезнут. Наверное...

Главный Контактер сделал шаг к самому краю, откуда раскрывались кроны сада пятого яруса. Под ногой что-то хрустнуло. Плита здесь была усеяна крошками, сбоку нацарапаны неразборчивые детские каракули... Высокая, тощая фигура протянула руку. Кулак разжался. Белая полоска смятой бумаги, плавно вращаясь, устремилась вниз. словно отпущенное перо, она успела совершить несколько оборотов, прежде чем скрылась среди сплетения плотных влажных листьев и гибких ветвей...

Что осталось сказать? Секрет был узнан, но не оказался востребован никем, кроме самих выживших землян. Сангхитские кошмары для большинства обитателей Агана показались уютнее в сравнении со страхом пробуждения в неведомый подлинный мир. Спустя два дня мы покинули планету, забирая с собой Магану и Энмеркара, оставляя позади затерянную в пустыне космоса резервацию добровольно забывших о Боге людей.

Там, на Земле, дома, тоже не избежать встречи с анаким и их злобой. Но есть и возможность остаться свободным. И даже если кто-то выберет иное, хорошо все-таки, если он о ней знает.

Встреча

Вторая часть. Тот, кто верит

Первые дни заточения тюрьма казалась необъятной.

Но по мере знакомства с ней пространство сужалось в уме, обретая четкие очертания. Узкий серый коридор, куда выходила дверь его камеры, в оба конца расходился другими рукавами-коридорами. В них были дома тюремщиков, по три с каждой стороны. Затем «рукава» вливались в еще один коридор, где были двери в нужник, потом в комнату-с-дождем и еще в длинный зал с диковинными растениями. Тут Магану нравилось больше всего. Единственное место, которое напоминало о доме, душистых деревьях и травах в садах. Единственное место, где здешний мертвый запах почти не ощущался.

На второй день его пытали. Заставили влезть на высокую постель. Как только он влез, сверху захлопнулась крышка. Постель превратилась в ящик. А потом все загудело, затряслось, и дышать стало тяжело. Магану стучал по стенкам, плакал, умолял выпустить, но тщетно. Мучение продолжалось много ушев. Когда же наконец утихло, и крышка открылась, он свалился на пол и задрожал.

Энмеркар говорил, что с ним делали то же самое.

Потом их познакомили с тюремщиками. Все они были ужасно уродливы и вид имели самый злобный.

Длинный белый тюремщик с огненной шерстью источал ядовитый, удушающий запах. Магану называл его про себя Бледной Вонючкой. Был еще один белый, но пониже, жирнее, и шерсть у него росла не только сверху головы, но почти по всему лицу, как у дваров. Прозвище для него

подвернулось быстро – Волосатое Пузо. Глаза и уши у тюремщиков были безобразно маленькие – глазенки и ушки. Но у третьего, желтолицего, глаза оказались вдобавок вытянутыми! А при встрече он всегда кривил губы в ухмылке... Желтая Рожа!

А четвертого, самого главного тюремщика, Магану почему-то отчаянно боялся. Красный, высокий, с длинной черной гривой и уверенными движениями воина... Он пока еще не сделал Магану ничего плохого, но было ясно: если захочет сделать – мало не покажется. Даже в мыслях мальчик опасался дать ему кличку и постарался честно запомнить настоящее имя – Тесипу. И впредь избегал попадаться красному на глаза.

Из тюремщиков только Волосатое Пузо мог худо-бедно изъясняться на нормальном языке. Желтая Рожа говорил при встрече лишь одно слово: «Засуй!». Полоумный. Остальные хрюкали на своем варварском наречии.

Кроме этих «землян», как их называл Энмеркар, в тюрьме был еще кто-то. Магану заметил однажды на другом конце коридора промелькнувший силуэт тонкого существа с руками и ногами, как палки.

Но выходить наружу удавалось нечасто, только когда Волосатое Пузо позволял. Остальное время приходилось сидеть взаперти. Этот же тюремщик приносил еду, довольно мерзкого вида, как и все здесь. Почти всегда она была мокрая, намоченная или политая какой-то гадостью. Никогда не бывало лепешек или броженного молока, да хотя бы горстки фиников.

С Энмеркаром они виделись редко, а поговорить удавалось еще реже. Почти всегда рядом стоял Волосатое Пузо, а при тюремщике какой разговор? Как ни странно, Энмеркару здесь нравилось. Поначалу Магану был уверен, что друг говорит это, чтобы задобрить Волосатое Пузо, иногда и сам поддакивал – кто знает, каким издевательствам их могли бы подвергнуть без таких речей? Но однажды им случилось остаться наедине, и Магану опять услышал от Энмеркара, как тут интересно и здорово.

– Ты шутишь? – изумился Магану.

– Нет. – Друг выглядел столь же удивленным. – Ты разве ничего не помнишь?

А что помнить?

Был Зов. И страх. Обреченность. Отчаянная попытка оттянуть неизбежное. Сколько он выдержал без сна? Три, четыре дня? А затем вязкая дрема взяла свое и Магану погрузился в тесное, сумрачное место с гнилым воздухом и серыми, злыми пятнами. Пятна мучили нестерпимо. От него чего-то требовали, он уже не помнил, что именно... Казалось, это не кончится никогда. А потом – вспышка. Он открыл глаза в саду под старым деревом. Стояло утро. Рядом сидел Энмеркар, держал его за руку и улыбался, а справа нависал Волосатое Пузо с бутылкой в руках.

Сначала-то он, дурак, радовался. Пока бежал домой между огромных семиярусных башен, даже не обращал внимания на косые взгляды прохожих. Но дома, от отца и матери... Они смотрели на него, как на чужого! Ничего не отвечали. Потом пришел командир Нарам-суэн. Только тогда отец протянул статуэтку Гун и сказал наставление. Всего три слова:

– Храни нашу веру.

Командир увел мальчика из родительского дома. Вдвоем они вышли на улицу. Летатель Нарам-суэна поднял их в воздух, открывая привычную панораму города. Только в этот раз что-то было не так. В городской стене зияли две безобразные дыры. На желтых плитах перед ними темнели пятна. Внешнее поле было изуродовано черными рытвинами, всюду валялись рваные металлические листы. А вдалеке синела вытянутая коробка.

– Что это? – Магану стало не по себе. – Что случилось?

– Машины пришельцев напали на нас, – ответил командир. – Не сами они. Машины, как у дваров. Бросали огонь. Был бой.

– Бой? Мы победили?

– Мы проиграли.

– Почему?

- Они несут с собой то, что сломает нашу жизнь. То, после чего мы уже не будем такими, как теперь. Мы попросили их улететь обратно. И никогда не возвращаться. Скоро они покинут нас. Стены города остались позади. Внизу потянулось обожженное поле. Огромная темно-синяя коробка впереди росла все больше.

- Зачем мы туда летим?

- Ты отправишься вместе с ними .

- Как? Почему? Я не хочу!

- Ты не можешь больше находиться здесь после того, что они сделали с тобой.

- Что? Что они сделали?

Нарам-суэн не ответил. Больше он вообще не сказал мальчику ни слова.

* * *

Перепрыгнув через труп, выбегаю в коридор. По правую руку – золотые шары-светильники на узорчатых обоях, по левую – коричневые двери с номерками. Топот снизу, от лестницы. Ну конечно, выстрелы слышали... Поднимаю руку с зажатой «береттой», тычу промасленным стволом перед собой. Сейчас, да. Секунда.

Из-за угла выныривает «хран» со стволом на изготовку, оборачивается, тянет руку – нет, опоздал ты, парень. Дважды жму на спусковой крючок. Рукоятка дважды отдается в стиснутой ладони.

Мотнув головой, легавый валится навзничь. По голубой рубашке на груди расплываются два пятна. Топот с лестницы сильнее. Крики снизу.

Ввалились сразу трое в голубых рубашках. Загрохотали выстрелы – палят на бегу. Справа от меня плафон разлетелся вдребезги. Двигаю стволом, жму на спуск. Дуфф! – седой споткнулся, поймав пулю брюхом. Дуфф-дуфф! – голова брюнета взрывается красным облаком, тело, крутанувшись, валится на бок. Третий, скуластый, уже близко... Дуфф! Мимо! Отскочил, собака... вскинул руку, шмальнул... Удар! Левое плечо обожгло, делаю шаг назад. Дергаю стволом, направляя в корпус... Дуфф! Вот и все, отпрыгался, скуластый. Сползает по стене, замазывая кровью изумрудные обои.

Ну надо же, зацепил! Осматриваю плечо. По рукаву стекает кровь, капая на гостиничный ковер. Щиплет, зараза. Придется таблетку глотать. Но сначала обойму заменю. Левая рука слабеет, еле хватило сил подцепить непослушными пальцами рычажок, и готово: пустая обойма послушно ухнула под ноги. Теперь той же левой надо нащупать в кармане новую, вытащить брусок и вставить, прихлопнув ладонью. Порядок! Эге, что это у нас тут? Старичок легавый шевелится, одной пятерней брюхо пробитое держит, второй по ковру шарит, ствол оброненный ищет. Шагаю к нему, прищурившись. Ноздри щекочет резкий запах пороха. Ну и кровящи же от этих ребят натекло... Как бы не поскользнуться!

Седой «хран» почти достал до рукоятки, но – не повезло. Я поднял раньше, сунул себе в карман. Не помешает, а то уже последняя обойма осталась. А в здании еще с десятков легавых будет. Старик, корчась у моих ног, трясет искаженным от боли лицом...

Сзади скрипнула дверь. Оборачиваюсь, поднимая пистолет. Тетка из номера выбежала. Несется, как полоумная, к двери, голые плечи блестят, выступая из вечернего платья. Да, в таком не шибко побегаешь. Дуфф! Красиво упала. Прямо как в балете. Дура. Сидела бы себе в номере, жива б осталась. Гляди-ка, встает на четвереньки! Во сила! Дуфф! Так-то лучше. А ты что тут хрипишь, легавый? Ладно, старик, не мучайся. Дуфф!

Теперь таблетку надо. Весь рукав уже мокрый, пальцы на левой руке немеют. Где тут у нас пузырек? Нашел! Левую руку поднять не могу, приходится помогать правой, которая ствол держит. Глотаю, горькая пилюля еле пролезает в пересохшее горло. Эй, да что это? Опять ползет! Ну, тетка. Придется подойти. Пыхтит, хнычет, локотками в кровянке елозит... Кстати, молоденькая. Оставил бы тебя, шатеночка, да ведь не туда ты ползешь. Оставлял уже, знаю. За легавыми. В номере надо было сидеть, милая. Давай-ка свой затылочек... Дуфф!

Сзади, от лестницы, топот. Оборачиваюсь. Новый охранник. Успеваю увидеть вспышку из его ствола. Мир взрывается белым. Медленно, словно в рапиде, падает мое тело с дыркой во лбу. Удачный выстрел, каналья!

Стоп-кадр.

«Вы убиты».

Выползает меню: «подсчет тел», «новая миссия», «примерочная», «выход». Жму на «выход». Надоело.

Картинка тускнеет, обращаясь в густую тьму, какая бывает, когда ночью плотно зажмуришься. Жжение в плече «отключается», вот уже совсем его нет. Теперь можно схватить нечувствующими руками щитки с обеих сторон от скул и стянуть виртошлем. Щурюсь на яркий свет, отраженный от бежевых стен каморки. Костюм дезактивирован, можно снимать. Черная пористая хламида в червях-проводках с шумом оседает у моих ног. Аккуратно складываю, застегиваю, вешаю на стену. Протираю изнутри шлем, прежде чем поставить на полочку. Пусть все равно кроме меня сюда больше никто не ходит после Агана, но порядок есть порядок.

Теперь можно влезть в свой комбинезон. Неторопливо застегнуться. Вид голых стен виртокамеры дает сильный контраст с богатством виртуальных интерьеров и пейзажей. Надо бы картинки, что ли, повесить какие-нибудь, а то совсем тоскливо. Раньше, при Мусе, о таком и думать было глупо. А теперь... посмотрим.

Открываю люк и вздрагиваю от неожиданности. Прямо у выхода стоит бритый лупоглазый пацаненок, из этих мелких, что мы забрали с Агана. Никак не научусь отличать их друг от друга. Один дикий, а второй вроде вменяемый, с ним все Вася возится... Даже имена не могу запомнить.

– Ну привет.

Молчит. И смотрит. Да не на меня, а мне за спину, в виртокамеру.

– Что, нравится? Хочешь попробовать, а? – смеюсь и показываю на костюм.

Мальчишка убегает. Да, дикарь. Не стоило бы Тези Ябубу разрешать ему бегать где вздумается. Сангхит, он и есть сангхит, хоть и мелкий. Им доверять нельзя. Впрочем, я никогда особенно хорошо с детьми не ладил. Даже с нашими, земными.

* * *

Верное решение пришло стремительно. А все благодаря оплошности Волосатого Пуза – тот забыл закрыть дверь, когда принес утреннюю еду.

Прежде чем уйти, тюремщик, как и прежде, пытался заговорить с ним, но Магану отмалчивался, сидя на полу, и даже не глядел на толстого уродца. Тот, кажется, звал его днем пообедать вместе с тюремщиками. Ага, нашел дурака.

Наконец толстяк ушел, Магану принялся за еду – на этот раз были противные зеленые стручки с бурой мокротой. Отведав, мальчик брезгливо отставил миску и с ненавистью посмотрел на закрытую дверь.

Тут он и заметил, что дверь в этот раз осталась открыта! Магану выглянул наружу. Коридор был пуст. Он осторожно выбрался, посмотрел в ту и другую сторону. Никого. Наверное, впервые с отлета мальчик улыбнулся, а глаза сверкнули хитринкой.

Магану юркнул обратно в комнату-«нору», схватил с пола одеяло, взвалил на плечи и, выйдя из камеры, потащил по коридору. Быстрее, пока не заметили!

В саду никого не было. Как и неделю назад, когда Волосатое Пузо показывал им это место. Мальчик сбросил одеяло на пол, а сам пролез через кусты, торчащие из темно-коричневых горшков. Внутри, в зарослях, действительно нашлось укромное местечко для «гнездышка». Всего делов-то вышло – протащить сюда одеяло и постелить с того края, где горшки сходятся полукругом. Лучше и не придумаешь!

Магану был очень доволен собой. А потом вспомнил про миску с едой, оставленную в норе.

Поразмыслив, решил вернуться за ней, хотя это и казалось опасным.

Когда он проходил по коридору, неожиданно приоткрылась часть стены в том месте, которое толстый тюремщик им раньше не показывал. Любопытство заставило остановиться.

Дверь отъехала в сторону и Магану увидел маленькую комнатку, и Бледного Вонючку, стоящего в проходе. За его спиной на стене висел диковинный черный костюм в рост человека. Долговязый тюремщик покачал головой и, вытянув губы, что-то угрожающе пророкотал.

Магану драпанул прямо в сад и забился в заросли. Оставалось только пожалеть еще раз о забытом в норе завтраке. Конечно, можно снова попытаться сходить за ним, но теперь это казалось втрое опасным. Наверняка Бледная Вонючка рассказал про него. И теперь тюремщики поджидают его снаружи, только высунешься – сразу схватят!

Поначалу мальчик решил не рисковать, однако несколько ушев спустя потягивание в желудке заставило колебаться, ну а когда живот тоскливо заурчал, пришлось все-таки выбраться из зарослей. Вкус недоеденных зеленых стручков казался теперь не просто приятным – манящим. Однако – вот досада! – стоило выйти в проход между стенкой и кустами, как в сад из коридора вошел Волосатое Пузо. Он тут же заметил Магану, позвал по имени и двинулся к нему.

Мальчик побежал прочь, по проходу, и, обежав угол, остановился с той стороны, чтобы не видеть тюремщика. Тот, конечно же, зашаркал следом, не переставая бормотать свои глупости. Но Магану не слушал и не отвечал, а просто переходил из конца в конец и обходил кусты, стараясь, чтобы заросли загораживали его. Так они играли в догонялки не меньше двух ушев, все это время Волосатое Пузо выкликал мальчика по имени и просил поговорить. Наконец, он устал и сдался.

– Хорошо. Я ухажу, – сообщил он с той стороны.

И ушел. На самом деле. Еще пару ушев Магану был настороже, вслушиваясь в тишину и ожидая подвоха. Тюремщик запросто мог вернуться со своими друзьями. Тогда пришлось бы туго. От четверых побегать будет непросто. Однако тюремщики не пришли.

Волосатое Пузо поступил хитрее.

Некто спросил авву Антония: что мне нужно соблюдать, чтобы угодить Богу? Старец сказал в ответ: соблюдай, что заповедаю тебе. Куда бы ты ни ходил, всегда имей Бога пред очами своими; что бы ты ни делал, имей на это основание в Божественном Писании, и в каком бы месте ни находился, не скоро отходи оттуда. Соблюдай сии три заповеди и спасешься.

Ну и что все это значит? Иметь Бога перед своими очами? Поди разбери. Вася-то, пожалуй, и сам не ответит. Откуда ему знать. Ну да, крестились мы тогда, по факту. Судорожно, ни о чем не размышляя, как тонущий в море хватается за первое попавшее бревно. Да, тогда это было нужно. Признаю. Помогло.

А теперь что? Оказались на этом бревне посреди бескрайнего моря. Что делать дальше – не знаем. Куда плыть, грести – тоже не знаем. Трепыхается каждый, как ему вздумается. Вася всех парит самообразованием. Читай, мол, читай. Ну и читаем помаленьку. Да толку мало. По крайней мере для меня. Начал Ветхий Завет – увяз в этих древнееврейских именах и списках. Местами интересно, а в толк не возьму – какое отношение это все имеет ко мне? Решил с другого конца подойти – откопал в литбазе катехизис, чтобы сразу разобраться что к чему. Вроде кое-что прояснилось, но, Боже, как все сухо, дебри силлогизмов, удушье схоластики. По полочкам разложено, как в препараторской. Подробно и бездушно.

Подозреваю, что эти общие схемы и формулировки имеют к настоящему христианству такое же отношение, как карта морского побережья – к самому морю. Немудрено остаться равнодушным, глядя на карту. На карте море – просто пятно, покрашенное синим. Зрелище, скажем прямо, мало впечатляющее. А вот если созерцать море, стоя на берегу... А если еще искупаться... Эх!

Но совсем погрузиться в духовную жизнь, как она описана, – это мне пока рановато. Однако ощутить, что такая жизнь действительно есть, все-таки удалось. Благодаря «Патерику». Эта

книга стала для меня окном в тот особый мир, где слова и схемы христианства обретают плоть и кровь, становятся жизнью...

С потолка, из динамиков загудели органные переливы. Токката. Творение покойного Мусы по-прежнему приглашает на обед. Надо, как обычно, выждать. Пять минут. Ровно. Тези Ябубу и Сунь смирились с тем, что Вася взял на себя роль жреца и теперь перед каждым завтраком, обедом и ужином торжественно бубнит «Отче наш» на славянском. А меня бесит от этой показухи. Раз уж на то пошло, почему я не могу сам прочитать «Vaterunser» про себя и на родном языке?

Больше пяти минут лучше не задерживаться. Иначе роботы притащат пищевой контейнер ко мне в каюту, а это уже последнее дело. Параноидальный сепаратизм. Муса с этого начал – и вот, теперь везем его домой в холодильной камере. Точнее, его тело. А сам Муса сейчас где-нибудь в потустороннем мире, жарится небось на сковородке, атеист несчастный. Кажется, так мне теперь полагается думать, да? Ох уж этот фанатизм...

Ладно, пора выходить. Как устал я от всего. Тошнотворно-серые стены, знакомые до боли, до смертной скуки повороты, трижды постылый интерьер... Кажется, я мог бы с закрытыми глазами обойти вдоль и поперек всю жилчасть, отведенную нам среди этой несущейся в межзвездной пустоте железяки.

Но отбиваться от коллектива нельзя, как бы ни обрыдли эти «родные лица». Вон, даже Сунь на обеды ходит, хотя и стал в последнее время жутко нелюдимым. Словно подменили его после Агана. Впрочем, то же можно и про всех сказать. И про меня. Да, это было действительно событие. То, что делит жизнь на «до» и «после». Выбило из колеи капитально. Так, что на старые рельсы уже не вернуться, а новых еще не нашел. Может, оттого у меня и депрессия? Точнее, уныние, так теперь нужно говорить?

Ладно, вот уже кают-компания. Толкаю люк. На стенах застыла еще с Агана старая вариация декоратора – кресты и полустертые очертания икон. Четыре фигуры за круглым столом – «родные лица» плюс сангхитский детеныш. В кресле Мусы. Нашли, куда посадить!

Натягиваю улыбку, выдавливаю:

– Приветец!

Сунь улыбнулся и молча кивнул. Вася смерил учительским взглядом с толикой укоризны:

– Здравствуй, Зеберг!

– Привет. – Сосредоточенный Тези Ябубу даже не глянул на меня.

Сидят все вместе, но каждый погружен в себя. Мысленно каждый в своем мире.

Обойдя стол, я, как обычно, сел рядом с Сунем – он раздражает меньше всех. Один из пары механических болванов, дежуривших у двери, тут же, цокая, подошел и плюхнул передо мной пластиковую ванночку и квадратный пакет сока. Отогнув горячую фольгу, я уставился на темно-зеленую массу.

– Эй. А где мясо, которое я заказывал?

– Сегодня начался Рождественский пост, – сообщил Вася, он сидел как раз напротив меня. – Поэтому мы перешли на овощное меню.

– Это ты сам решил?

– Решение было принято единогласно на общем собрании команды и утверждено исполняющим обязанности капитана.

– Что-то я не помню никакого собрания.

– Ты не пришел. Обсуждение состоялось пять минут назад.

– Слушай, Вася, ты эти штучки брось! Собрания не устраиваются за пять минут до обеда. Ты знал, что я всегда прихожу позже, и намеренно проигнорировал меня. А Суня ты спрашивал? И он тебе ответил?

– Он не возражал.

– В самом деле? Сунь, старина, ты не возражаешь, если мы все будем есть мясо? Слышите – он не возражает! А не возражаешь, если мы обяжем Васю есть мясо круглые сутки? Опять не возражает! Итак, уже половина команды за мясо, Тези Ябубу, ты как?

- Клаус, прошу тебя, успокойся. Это моя вина, я должен был согласовать с тобой...
 - Нет, это не твоя вина. Это вина кое-кого другого, кто в последнее время повадился все за всех решать. Хотя в отличие от тебя, он даже не исполняющий обязанности капитана.
 - Зеберг, дело не во мне и не в том, что я хочу. Я тоже терпеть не могу овощей. Но мы вошли в определенную систему координат, если угодно. Все, кто здесь. И ты тоже. Нельзя только получать, надо и самому кое-что делать. Любишь кататься – люби и саночки возить. Раз мы вошли, то должны соблюдать все, что предписано правилами. Даже если пока что их не понимаем. Иначе то, что произошло на Агане, может повториться снова...
 - Не надо меня шантажировать, Софронов! То, что случилось на Агане, не дает тебе права решать, что мне есть, а что нет. Ты слишком много на себя берешь. Возомнил себя пророком, патриархом, пастырем судеб... Навязываешь всем свои молитвы, книги, теперь пост... Позволь я кое-что напомню. Это не ты нас спас. Не ты нас вытащил оттуда. Ты послужил лишь орудием. И тебя самого вытащили вместе с нами.
 - Зеберг, это просто пост. Ничего страшного в нем нет. Почему бы не поменять рацион, отказавшись на полтора месяца от пищи животного происхождения?
- Я взревел:
- У нас нет пищи животного происхождения! Ты что, совсем зачитался? Здесь нет мяса, нет молока, нет яиц, а есть стандартная химическая биомасса, которую автоповар преобразует, используя красители, ароматизаторы и вкусовые добавки! Эти «овощи» сделаны из того же самого, что и «мясо»!
- Он развел руками:
- Ну так тем более почему бы тогда не поесть овощей? К чему столько шума из-за конфигурации ароматизаторов?
- Я вскочил и откинул пищевой контейнер, расплескав зеленую жижу по столу.
- Вася, ты никого не слышишь, кроме себя. Я буду есть только то, что я заказал из стандартного меню, и отныне – только у себя в каюте. Aufwiedersehen .

В сад пришел Энмеркар. Сначала Магану обрадовался другу. Показал «гнездышко» в зарослях, похвастался:

- Теперь я буду жить здесь.
 - Почему?
 - Тут растения живые. И воздух другой, с запахами. Ну, понюхай. Чуешь? А там все мертвое. И маленькое. И выйти нельзя никуда, только когда отпрут тюремщики.
 - Да там все просто открывается. Давай я тебя научу!
 - Не хочу. Все равно туда не вернусь. Буду здесь жить. И ты тоже оставайся. Тут интереснее.
 - Да ну... – Энмеркар выпятил нижнюю губу, оглядываясь. – Земля какая-то повсюду, листья, грязь.
- С потолка зазвучала музыка.
- Пора есть. Пойдем со мной!
 - В их трапезную? Нетушки. Ни за что. Не буду есть с тюремщиками за одним столом!
 - А где же ты возьмешь еду?
 - Нигде! – Вообще-то Магану рассчитывал, что Энмеркар с ним будет делиться, и не на шутку обиделся, заметив, что другу даже не пришло это в голову.
 - Не говори глупостей, они не злые, пойдем я тебя познакомлю с Васи-аном!
 - Я уже знаком с ним. Он просто толстый дурак.
 - Не обзывай его! Васи-ан классный и знает кучу интересных штук, а еще у него есть двигающиеся картинки, ты такого в жизни не видел!
- Магану нахмурился, неожиданно догадавшись.
- Это он тебя ко мне прислал, верно?
 - Не прислал, а попросил прийти и поговорить.
 - Значит, ты теперь у него на побегушках?

- Ну хватит уже этой ерунды, - поморщился Энмеркар. - Я пришел потому, что хотел. Пойдем есть!

- Ах вот ты как, - хмуро покивал Магану. - Сам иди прислуживать своему господину Волосатое Пузо!

Энмеркар поджал губы и процедил:

- Между прочим, он не толще твоего отца.

- А ну повтори, что ты сказал про моего отца? - Магану сжал кулаки.

- То же, что ты сказал про моего спасителя! Нашего спасителя!

- Спаситель, который украл нас из дома!

- Никто нас не крал! Они сами сказали...

- Не хочу тебя слушать! Предатель!

- Мне надоело с тобой препираться. - Энмеркар отступил из зарослей, по пути чуть не споткнувшись о горшки. - Дурацкий горшок! Я иду на обед. Если хочешь быть дураком, оставайся здесь и злись, сколько влезет!

И мальчик решительно зашагал по проходу. А Магану проводил его хмурым взглядом. В дверях Энмеркар остановился и, повернувшись, крикнул:

- Голодным дураком!

И убежал в коридор. Магану плюнул ему вслед.

А потом забрался поглубже в кусты заросли, в свое «гнездышко».

Сидел и думал, каким же все-таки мерзким оказался Энмеркар. А еще друг, называется! Лучше уж без таких друзей!

Проходил уш за ушем и голод все сильнее давал о себе знать. В какой-то момент Магану стало так жалко себя, одинокого, брошенного и голодного, от которого все отвернулись, что он чуть было не заплакал.

Но тут со стороны двери послышалось цоканье размеренных шагов. Мальчик насторожился и забрался глубже. Что-то необычное было в этих шагах. Магану осторожно выглянул наружу, к левому проходу. И увидел, как к нему направляется тонконогое, тонкорукое чудище с узкой неживой головой. Магану юркнул обратно. Шаги приближались. Когда они зазвучали совсем рядом, почти напротив, мальчик рванулся в противоположную сторону, стараясь не шуметь, раздвигая листья, что хлестали по рукам и щекам. Остановился, прислушиваясь. С той стороны чудище так же размеренно затопало к нему. Магану осторожно выбрался наружу. Теперь, когда оно сунется в заросли, его там не будет.

Но оно может догадаться пройти насквозь!

Мальчик осторожно, на цыпочках, засеменил к дальнему углу по проходу, прислушиваясь к шагам. Зашуршали листья - видно, и впрямь это чудище ищет его. Все ясно. Энмеркар наябедничал Волосатому Пузу и тот послал чудовище поймать его и... что? Запереть в «норе», конечно!

Вредный Энмеркар!

Придется опять побегать. Может, фокус с Волосатым Пузом удастся повторить, и узкоголовое существо тоже устанет за ним гоняться.

Пятясь и не спуская глаз с прохода (вот-вот из листьев выскочит этот тонконогий!), Магану отошел в угол и здесь наткнулся плечом на что-то горячее. Оглянувшись, вскрикнул и отпрянул к стене - прямо перед ним молча стояло чудище, державшее в руке горячий серый брусок.

Магану замер. Чудище тоже не двигалось. Потом заговорило с неприятным мертвым оттенком:

- Здравствуй, господин Магану! Не бойтесь меня. Я слуга. Я принес вам еду. Пожалуйста, не забудьте съесть это. Питание необходимо для вас.

После этих слов чудище аккуратно поставило брусок на пол, подцепило посередине и раскрыло его, как маленькую шкатулку. Внутри оказались коричневые шарики в красном соусе. Ноздрей коснулся аппетитный запах. Узкий молча развернулся и вышел в левый проход, было слышно, как размеренно стучат шаги, все тише, пока совсем не затихли в коридоре.

Сначала Магану не решался брать еду из шкатулочки (мало ли какую хитрость задумали тюремщики!), но полтора уша спустя сдался. Уж слишком вкусно пахло, да и в животе урчало. Мясные шарики оказались очень вкусными и даже сладкий соус их не испортил. Мальчик с наслаждением дожевал последний, пожалел, что так мало принес этот странный раб, и вытер перепачканные в соусе пальцы о стену – что поделать, тюремщики настолько дикие, что не имеют даже умывальных шаров!

«Теперь мне Энмеркар и вовсе не нужен, – подумал Магану, усаживаясь между густыми пучками разлапистых листьев. – Пусть общается с этими волосатыми дураками!»

* * *

Зачем этот русский делает из меня какого-то бунтаря? Будто я все отвергаю, и специально всем перечу. Восстаю на «светлое, доброе, вечное». Нет! Это он меня ставит в такие условия! А на самом деле мне вполне интересно. Я чувствую в христианстве что-то настоящее. Поговорить бы с кем-нибудь по душам...

Но только не с этим самодовольным русским увальнем! Тези Ябубу тоже ничего не знает, а Сунь и вовсе молчит, будто камней в рот набрал.

Эх, вот если бы встретить человека вроде аввы Пимена или аввы Антония из древнего патерика... Но они все, наверное, остались в древности да в книгах.

На «Арксе»-то уж точно нет.

Заняться решительно нечем. Рифмоплетство опостылело. Промахнулся я с выбором хобби. А ведь Хорнекен еще на Земле предупреждал!

Предполагалось, что на обратном пути я буду выше крыши завален работой с данными, полученными на Агане. Да, насканировано там до кучи, комп до сих пор еще что-то обрабатывает... Даже не хочу знать что. Раз в неделю проверяю очередность заданий и корректирую, если в том есть нужда. Но вникать, копаться – увольте.

Как-то, разбирая материалы, наткнулся на детальное сканирование Дома Молчания. Проглядел его, ярус за ярусом, в трехмерной модели. Верхняя коробка, с двумя стелами повернутыми под прямым углом друг к другу. Дальше вниз – коридор с нишами и статуэтками. Еще ниже – жилые помещения, а посередине – большой бассейн. Следующий уровень – огромный зал, разделенный рядами колонн и столами. Видимо, общая трапезная. Под ней – тюремный ярус. Еще бы не узнать этот коридор с камерами!

Ну а в самом низу тянулись комнаты, разделенные стеллажами, на которых аккуратными рядами лежали трубочки, шарики. Что-то дернуло меня увеличить детализацию, и когда пропорции на экране выросли, до меня дошло, что шарики – это человеческие черепа, а палочки – кости.

Охватило чувство гадливости, страха и непонятого любопытства. Вспомнил, что где-то уже попадались на глаза такие палочки. Только что. Просмотрев чуть выше по ярусам, я нашел и... Решил позвать Софронова.

Когда он пришел, то важно кивал, глядя на монитор, и вещал про то, что человеческие жертвоприношения почти всегда сопровождаются каннибализмом в той или иной форме, да еще про смысл этой мерзости. Откуда только понабрался всего. Короче, сангхиты оказались еще мерзее, чем я думал. Хотя вроде бы дальше уже некуда – ан нет! На тебе! Целый могильник! С запасами на кухне.

После того открытия, да еще и лекции Софронова, я зарекся влезать в материалы сканирования. Очередь буду проверять – и довольно. Неизвестно еще, какая гадость будет потом сниться. Вот вам и «развитая цивилизация». Больше и не сунусь. Мало ли?

Пусть земные ребятки пачкаются. А с меня хватит. И никто меня не заставит вернуться к этому. Хотя... Муса бы мог. Да и Тези Ябубу может. Но не хочет. Видимо, смиряется или думает, что не вправе, или... сам не хочет вспоминать об Агане.

Оттого вот уже месяц я только и делаю, что убиваю время в виртокамере. А безделье

развращает, как совершенно верно подметил авва Иоанн или авва... не помню какой.

Но и виртуалка уже сидит в печенках. Как верно заметил Клапье, «праздность утомляет больше, нежели труд». До Агана еще можно было к девочкам ходить, в «веселый пражский дом», а после крещения как-то неловко... хоть виртуалка, а все равно. Гадость. Только раз я туда заглянул, с дробовиком в руках... навел, так сказать, нравственный порядок, хе-хе. Ну и визгу же было... А теперь и стрелять надоело, и рубиться...

Я вдруг поднялся и сел на койке, пораженный резким, как удар кнута, осознанием.

Все, что у меня оставалось до этого времени, – виртуалка и разговоры с ребятами во время еды. А теперь я лишил себя и того, и другого. От химер тошнит, а с ребятами... Да, Вася неправ, что и говорить. Но и мне можно было обойтись без демарша. Теперь уже вернуться как-то неловко... А жрать, честно говоря, хочется. Хотя бы и той овощной бурды...

Какое-то время я бездумно сидел, уставившись в пол каюты и ощущая, как минуты протекают сквозь меня, а изнутри растет и давит горькая, бессмысленная пустота... На что же я выбрасываю свою жизнь, Господи...

Входной зуммер зажужжал. Я встрепнулся и даже встал, нахмурившись...

– Открыто.

Люк бесшумно отошел в сторону. В голове колотятся мысли. «Ладно, Вася, я погорячился, но и ты...»

Робот просунул узкую пластиковую морду, затем тонкую руку с зажатым пищевым контейнером.

– Господин Клаус Зеберг, я доставил ваш обеденный рацион. Пожалуйста, не забудьте употребить его, поскольку регулярное питание является необходимой компонентой поддержания телесного здоровья...

– Заткнись. Я уж, наверное, имею представление, зачем люди едят.

В три шага подошел к выходу и вырвал из манипулятора горячий брусок.

– Проваливай!

– Guten Appetit!

– Пошел вон, я сказал!

Механический болван наконец убрался, и я снова остался наедине. Контейнер едва не обжег пальцы, поэтому пришлось бросить его на стол. Подойдя, осторожно распечатал и открыл. Ну да, мясо.

Я выругался. А сока принести глупая железяка не догадалась – ну конечно, ведь в инструкции сказано, что человеческий организм необходимую часть H₂O способен получать из пищи. Чтoб их всех!

Есть совершенно расхотелось. Вернувшись к постели, я подобрал распечатки, вчитался...

Брат пришел к одному старцу и говорит ему: авва, скажи мне, как спастись? Старец отвечал ему: если ты хочешь спастись, то когда придешь к кому, не начинай говорить, пока не спросят тебя. Брат, пораженный сим словом, поклонился старцу и сказал: поистине много читал я книг, но такого наставления еще не знал. И пошел, получив большую пользу.

Вот! Вот, что у меня осталось, из настоящего... Эх, с такими бы отцами пообщаться... Если они на самом деле есть. Прийти бы, спросить. И услышать что-нибудь мудрое такое. Чтoб сразу катарсис. И тоже потом пойти, «получив большую пользу». А еще они, если верить этим книжкам, бывают прозорливые. Так что и рассказывать им ничего не надо, приходишь, а они уже все про тебя знают. Поэтому сразу в точку бьют, наповал, одна фраза – и ты уже выбит из седла, уже весь переродился, другой человек. Вот бы так. Ведь на самом-то деле только общение с реальными носителями опыта имеет смысл, а не с самодовольными болтунами, вчерашними самоучками.

Хотя... Хм! Мысль! И главное, под носом ведь лежало. Ну конечно!

В любом случае это будет поживее, чем с листа читать. И уж точно куда полезнее Васькиной

неофитской болтовни. Ну-ка... Давай к компьютеру, влезает в сетку, ищем нужную прогу... Да, вот и дело у меня нашлось. Достойное причем. Интересно, на Земле кто-нибудь до такого догадался? А то, может, и на патент потянет? Ладно, это второстепенное, главное – суть.

В следующий раз узколиций пришел под вечер. Огни на потолке светили так же ярко, но Магану чувствовал, что день подходит к концу. Он успел устать и соскучиться. Одному было совсем уныло. Даже в саду. Магану считал кадки и горшки с кустами, потом попрыгал немного, затем надергал длинных листьев и завязал их в узелки, как ему сестра показывала, еще там, дома. Узелков было четыре больших и один маленький – Бледная Вонючка, Желтая Рожа, Волосатое Пузо, Тесипу и предатель Энмеркар. А еще один узелок, самый большой, был, разумеется, тезкой. Шкатулочка с подсохшими остатками соуса превратилась в коробку-тюрьму, в которой, если не врет предатель, их перевозят сейчас сквозь пустоту на Далекий Дом.

В умелых руках маленький Магану-узелок лихо наподдал злым тюремщикам и выходил победителем при любом раскладе, покидал коробку и прилетал обратно на Аган, где в награду царь дарил ему собственный летатель, а вдобавок навсегда освобождал от посещения Дома Табличек.

Но потом травяные узелки подвяли, растрепались и начали осыпаться. Да и попросту надоели. Когда захотелось пить, мальчик прокрался, постоянно оглядываясь, в пустой коридор, а там вышел к дождевой комнате, где из трубки текла вода. Он был очень осторожен и не встретился ни с одним из мерзких землян, пока возвращался в сад.

Вернувшись – просто валялся на полу, глядя на потолочные плиты, и думал. Терял память. Особенно про последние дни. Как досадно, что он все проспал! Сон вспоминался все реже и как-то блекло. Магану понял, что он победил анаким сам. Прогнал. Но во время Сна подлые земляне подобрались к нему и сделали что-то... что-то такое гадкое, отчего даже отец и мама отказались от него. Ну конечно, пока он спал, земляне напали на город. Вон каким ужасным стало поле у ворот – изрытое, запачканное, опоганенное... Даже стены им удалось пробить! Наверное, царю пришлось сдаться. И тогда чужаки забрали их, как рабов и заложников. О таком рассказывали в Доме Табличек, из древних историй...

Но он не раб! И никогда не будет им!

Мальчик встал и вытащил из поясного кармашка статуэтку Гун. Подарок отца. Внимательно осмотрел, вертя в руках. Грубо вырезанные из дерева глаза, длинное лицо, как у того чудища, что приносило сюда мясные шарики, сцепленные на груди руки...

– Вечерняя еда! – проскрежетал кто-то сверху.

Магану вздрогнул и одним движением спрятал Гун за пояс. Перед ним стоял тот самый Узкий, опять с пищевой шкатулочкой в тонких руках. На мгновение показалось, что это огромная копия статуи Гун возвышается над ним.

– Я снова принес вам еду. Спасибо, что съели обед. Пожалуйста, угощайтесь.

С этими словами чудище поставило серый брусок на пол и, отойдя вправо, подняло распотрошенную шкатулку с засохшим соусом и сложило в нее разбросанные травяные узелки. Дождавшись, пока Узкий уйдет, Магану попробовал сам открыть новый брусок. Тот был горячим, не сразу поддался, а когда мальчик нащупал тонкую полоску, раскрыл так неудачно, что расплескалось что-то желтое и обожгло руку. Отпрыгавшись, наругавшись на глупого раба, тюремщиков и даже Энмеркара, Магану снова вытер пальцы о шершавую стену и наконец попробовал желтое. Оно было похоже на кашу, но совсем другого, вязкого вкуса. Еще в шкатулке лежали две розовые палочки. Мясные! Они понравились куда больше, но кашу мальчик тоже доел, впрок. И сладкую пастилку. И кусок хлеба. А то неизвестно, принесет ли чудище еду завтра. Или придется унижаться перед предателем Энмеркаром.

Когда лампы наверху стали тусклее, Магану понял, что настала местная ночь, залез в одеяло среди зарослей и, закутавшись, постарался уснуть. Сон долго не шел, вспоминались ярусные сады Дома Молчания, поросшие осокой плиты на берегу реки, играющие в воде рыбки...

Песчаные буруны, будто застывшие желтые волны. Солнце печет в затылок, ряса со стороны спины раскалилась, словно от утюга. Передо мной качается тень. Моя. В такт шагам. Слева из песка растут скалы, будто гигантские куски небрежно разломанной халвы, только камень и камень, ни травинки, ни кустика. Все безжизненно, статично, куда ни брось взгляд. Ни малейшего ветерка. Горячий воздух обжигает горло, дышать тяжело. Пот льется градом. Кажется, роговица глаз пересыхает, приходится моргать чаще. Становится страшно.

Хорошо, что идти недалеко. В тени скал уже различима черная избушка. Надо бы поднажать – перехожу на бег. Скорей бы уж! Ноги глубоко впечатываются в раскаленный песок, глубже подошв сандалий, песчинки противно забиваются меж подкладкой и подошвой.

Пока я добрел до глинобитного домика с плоской крышей из распиленных пальмовых стволов, успел вымотаться. Грудь ходит ходуном, перегоняя через легкие сухой воздух. Рука трясется, пока стучусь в дверь. И голос почему-то дрожит и скачет, когда выговариваю:

– Молитвами святых отец наших Господи Иисусе Христе, помилуй нас!

Это обязательно, когда к монаху стучишься. Иначе могут и не открыть. Потому что бывали случаи, когда к ним под видом людей являлись черти. И только так можно отличить. Не столь уж мне важно, бывает ли такое на самом деле, если тот, к кому я иду, считает, что бывает. Но, по правде говоря, в этой испепеляющей пустыне уже после пяти минут веришь – здесь может случиться и не такое!

– Аминь, – отзывается из-за двери молодой голос, скрипит деревянный засов.

Чуть ли не по-змеиному вползаю в приоткрывшуюся щель. О тень! Благословенная прохлада! Запах размоченных веток, старой ткани. Поначалу глаза почти ничего не различают здесь, по контрасту со слепящим светом снаружи. Единственное крохотное окошко почти не дает света. Но зрение быстро привыкает и в полумраке проявляются широкоплечий парень с рубленным лицом напротив меня, стопки плетеных корзин чуть поодаль, неровные рукописные книжки у окна и силуэт сидящего на полу старика. Старца!

– Отдохни, брат. – Парень показывает на циновку, а сам отходит в другой угол.

Подобрав полы рясы, неуклюже сажусь на пол, прикрытый символичной плетенкой. Приваливаюсь спиной к стенке. Уф-ф. Кажется, усталость понемногу отпускает. Приглядываюсь.

Старец сидит в правом углу, почти под иконами. Смуглый. Борода спускается по заношенной темно-серой хламиде. Склонив голову, неподвижно смотрит вниз, себе на руки, которые будто сами, перебирая пальцами, плетут что-то из разрезанных мокрых прутьев. Из левого угла слышится глиняный стук, журчание воды – ученик наливает из кувшина воду. Для меня, наверное. Что ж, весьма кстати.

А старец-то даже не оглянулся на гостя. Видно, весь ушел в молитву. Я читал про таких, углубляются в духовные сферы так, что по многу часов не замечают материального мира.

Ученик молча приносит грубо слепленную кружку, подает. Благодарю, выпиваю одним долгим глотком. Ух, благодать!

– Куда путь держишь, брат? – негромко спрашивает плечистый монах, глядя мне под ноги.

– К вам. Сюда. К отцу Эпихронию. – Имя я сам выдумал, чтобы не задеть экспериментом кого-нибудь из реальных святых древности. – Ищу назидания для души моей.

Парень молча кивает и, получив от меня пустую кружку, так же степенно относит ее обратно в угол, где темнеют горшки и кувшины. Затем возвращается.

– Как твое имя, брат?

– Николас, – произношу на греческий манер.

Замешательство мелькнуло на тесаном лице, видно, что монах желал спросить что-то еще, но воздержался. Вместо этого повернулся к старцу и с поклоном проговорил:

– Авва, к тебе брат Николас пришел. Что скажешь?

С минуту сгорбленный ветхий монах молчал, с удивительной ловкостью сплетая кругом прутья, а затем, не поднимая взгляда, молвил:

– Филипп, подложи-ка прутьев. А то эти уже почти все вышли.

Ученик поклонился еще ниже и неторопливо полез куда-то за корзины, вытащил ворох веток и опустил их в большую миску с водой, что стояла подле ног наставника. Да еще и примял прутья сверху. На то время, пока монах выполнял это нехитрое дело, я для него словно перестал существовать. Мне оставалось лишь хмуро наблюдать. Что ж, быть может, так и положено. Откуда мне знать?

Окончив один круг, старец вытянул из миски два намокших прута, аккуратно расщепил их маленьким ножичком и снова принялся вплетать в круг, наращивая стенки будущей корзины. Ученик тем временем вспомнил про гостя и, обернувшись, кивнул мне. Выглядел он тоже озадаченным. Или мне показалось?

Демонстративно прочистив горло, я перебрался поближе к старцу, благо, в крохотной келье это было нетрудно. Поразмыслив, начал с вопроса, классического для всех патериков:

– Авва, скажи мне, как спастись?

Молчание. Будто меня здесь нет.

Слева присел Филипп, принялся прутья обстригивать. Ну да, не стоять же делу. Вот так прием! Вот тебе и добродетель странноприимства!

Через пять минут я повторил попытку заговорить. А потом еще раз.

С тем же успехом я мог бы обращаться к корзине, которую плел старец.

Давно я себя так по-дурацки не чувствовал.

Спустя час я поклонился и буркнул:

– Спасибо, авва, за то, что ты показал мне, как плести корзины. Помолись обо мне, грешном.

Снаружи неистовствовало все то же пекло. Солнце висело в зените. Сухой раскаленный воздух обжигал горло. Сзади зашуршали шаги. Я обернулся. Увидел Филиппа.

– Николас, может быть, подождешь еще, пока зной спадет?

– Да ладно, – не могу скрыть горечи. – Пойду. Пора уже.

– А воды, хочешь принесу? У тебя и мехов-то нет. Как же ты через пустыню шел?

Махаю рукой, смутившись:

– Ничего, все в порядке. Слава Богу за все. Жаль, что с аввой не поговорил.

– Поверишь ли, в ум не возьму, что это значит. Я со старцем уже четыре года, и никогда он так никого не принимал. Может, подождешь еще?

– Лучше пойду... надо проверить скрипты и по-новой все перезагрузить...

– Что?

– Прости, Филипп, это я... на своем наречии... Заговариваюсь уже. Ну... до свидания.

– С Богом! Ангел в дорогу!

– Спасибо.

Я решительно зашагал по песку в сторону скал. Через десять шагов оглянулся. Почему-то не хотелось выходить на виду у Филиппа. Глупо, а все же... Но он уже скрылся в келье. Еще бы, на такой жаре без толку стоять не будешь.

Вызываю меню: «новая миссия», «примерочная», «выход». Жму на «выход». Жар спадает. Пустыня темнеет... Досада...

На следующее утро, когда Магану проснулся, рядом с ним сидел Энмеркар. Сначала мальчик обрадовался другу, но потом вспомнилось о вчерашнем разговоре и настроение сразу упало.

– Что тебе? – спросил он, откидывая одеяло и поднимаясь с пола.

– Принес завтрак, – ответил предатель, показывая на лежащий на полу брусочек. Видно, положил туда, чтобы не обжигать руки. Уже небось все остыло.

– Ну и что? Мне может носить еду Узкий.

– Кто?

– Раб тюремщиков. Такой костлявый, с неживым лицом.

– А, это «рубо», – важно кивнул Энмеркар, выговаривая чужое слово. – Они ненастоящие. Это как дварские машины. Не могут думать сами.

– Рабу и не надо думать. Мне достаточно того, что он приносит еду. – Магану усмехнулся. –

Теперь ты стал их рабом, если разносишь еду своими руками?

Энмеркар насупился.

– Я принес тебе еду как друг.

– Если ты мне друг, то почему водишься с тюремщиками?

– Они не тюремщики! Я же объяснял тебе много раз! Они спасли нас! И тебя тоже!

– Ага! Забрали меня из дома, лишили матери и отца, заперли в коробке, издеваются, обращаются как с рабом!

– Твои мать и отец сами прислали тебя с Нарам-суэном, я видел...

– Лжешь! – Магану вскочил, сжав кулаки. – Их заставили! Это твой отец от тебя отрекся, а мой никогда бы этого не сделал!

– Пойдем спросим вместе у Васи-ана! Он теперь может говорить по-нашему. Сам узнаешь все!

– Волосатое Пузо, которому ты прислуживаешь? Иди сам верь его бредням! Когда я вырасту, приду и врежу ему за то, что поносит моих родителей! А тебе врежу прямо сейчас, если еще раз такое скажешь!

– Не смей обзывать его! Он спас тебя из Сна! Ты что, все забыл? Как мы тогда сидели на башне, ходили на речку, я тебе бессонное зелье носил, помнишь? А потом ты заснул, и они прилетели в тот же день и...

– Напали на наш город! Что, и этого, скажешь, не было? Я видел своими глазами, когда летел с Нарам-суэном!

– Им пришлось так сделать, потому что Глава Контактеров убил одного из них и хотел убить всех остальных! И меня тоже! А Васи-ан спас меня и тебя разбудил, поэтому твой отец...

– Он не отказывался от меня! Не лги! Я помню его лицо, когда он прощался со мной!

– Их никто не заставлял, и тебя сюда земляне не брали!

Магану замолчал, глядя исподлобья. А потом сухо проговорил:

– Я тебя предупреждал, – и с размаху залепил в ухо Энмеркару.

Тот отступил, схватившись за ухо и недоуменно моргая. В глазах мелькнул гнев, и он с места вмазал обидчику кулаком в нос. От удара голова мотнулась, дыхание перехватило и стало больно до слез. Магану машинально отер намокшую верхнюю губу и увидел на пальцах кровь.

А Энмеркар кричал, отскочив в сторону:

– Как ты мне! Как ты мне, так я тебе!

Магану ничего не ответил. Он внимательно огляделся, подошел к цветочным горшкам и, вытащив один, замахнулся. Энмеркар тут же убежал в проход, с криком:

– Ты что, совсем сдурел?

А Магану молча вынырнул из листвы вслед за ним. Энмеркар помчался прочь, к двери. А он замахнулся и швырнул в него горшком. Грохнувшись, горшок треснул и засыпал пол землею и листьями. Энмеркар остановился у двери:

– Мазила! Мазила! Дурак! Ну и сиди здесь, как зверь! Один! Дурак!

И убежал в коридор. А Магану опять вытер нос, и на пальцах стало еще больше крови.

Однажды с ним такое уже было. Совсем давно, когда он играл с няней в трапезной и нечаянно с разбегу врезался носом в угол стола. Тоже пошла кровь, но рабыня тут же отнесла его в комнату, положила на циновку и сказала, что нужно лежать носом кверху, чтобы кровь успокоилась. Долго тогда пришлось лежать, но Саима принесла ему кусочек финиковой пасты, рассказывала смешные истории и гладила по головке...

Магану вытер испачканные пальцы о стену и лег на спину. Задрал голову, стал ждать, изредка шмыгая носом, глядя на потолок с рядами светильников и размышляя. Почему-то обиды на Энмеркара совсем не было, будто она испарилась. Но не было и сожаления. Так, разве что совсем малое. Нужно придумать себе занятие. Сидеть здесь одному действительно скучно.

И лежа на холодном полу, сглатывая противный солоноватый привкус, Магану придумал себе занятие.

Неделя кропотливого труда ушла на проработку эмульсии, пришлось состряпать даже

несколько специальных программ. Загрузить патерики, лавсаики, «собеседования», «луги духовные», «истории боголюбцев» и еще целую прорву из литотсека. Сколько ушло на подводку анализатора! И вот теперь облом. Сажу у себя в конуре и два часа кряду выверяю все цепи конфигурации Эпихрония... никакого сбоя нигде. На всякий случай задал императив обязательного ответа на ключевую фразу. Ту самую, классическую.

Но после этого на душе как-то склизко. Откинулся в кресле, скривившись.

Может, дело в моем имидже? Вроде взял я себе образ типичного монаха. Что-то не так? Филипп вон удивился, что мехов на мне нет. Надо глянуть, что он имеет в виду... а, мехи! Бурдюки для воды. Ладно, добавлю себе, чтобы не вызывать подозрения. А то вдруг он меня за нечистого духа принял? Но и это тоже как-то... не то.

Стоп! Давай-ка глянем материал. Бывает ли, что старцы не отвечают гостям? Ну-ка... обрабатывается запрос... Нашел! Точно!

Брат пришел однажды к авве Феодору Фермейскому и пробыл при нем три дня, прося у него наставления. Но авва не отвечал ему – и брат пошел печальный. Ученик аввы говорит ему: авва, почему ты не сказал брату слова? он пошел с печалью. Старец отвечал ему: правда, я не сказал ему слова, но потому, что он торговец и хочет прославляться чужими словами.

Вот, значит, в чем дело. Да, так и слышу, как Филипп это спрашивает.

Мудро, что я не стал там задерживаться больше часа. Вон оно как – три дня! Не хило. Но с чего Эпихроний решил, что я такой любитель «торговать чужими словами»? Может быть, к своему виртуальному имиджу побольше годков прибавить? Бороду нарастить? Нет, глупости. Не здесь собака зарыта. Видно, в самом старце дело, то есть в виртуальной личности, воссозданной на основе агиографического материала. Переписать всего Эпихрония – уж слишком много мороки, да и глупо, пока неясно, в чем именно причина девиантного отношения ко мне. Пока ограничимся тем, что зададим обязанность ответа на вопрос гостя. А там беседа сама пойдет.

Отлично!

Осталось перезагрузить эмуляцию и опробовать снова. Я записал ее вместо «прогулок по столицам мира», а ту нудотину стер. Что может быть бредовее этих дебильных прогулок? Пришло же в голову какому-то идиоту на Земле вставить ее в корабельную виртуалку. Хорнекену, небось. Или даже целый консорциум идиотов принимал столь глубокомысленное решение. Сюда бы этих умников на месяцок, поглядел бы я, что они предпочтут – прогулки по Риму или «веселый дом в Праге»? Ладно, довольно с них. Загрузка завершена, пора в виртокамеру.

Я сорвался к выходу и тут буквально в шаге от люка услышал жужжание зуммера.

– Открыто! – огрызнулся я.

Опять эти пластиковые болваны притащили очередной обед или ужин, что там сейчас по распорядку?

В отверстие сунулось бородатое Васино лицо.

– А, это ты. Привет.

– Здравствуй, Зеберг. Я, в общем, хочу извиниться перед тобой.

– Ну извиняйся.

– Я виноват. Мне нельзя было так поступать с тобой. Решать за тебя. Навязывать пост. Прости меня.

– Хорошо. Я прощаю тебя. – Он, наверное, ожидал, что я тоже извинюсь?

– Спасибо. Можно войти?

– Ну заходи.

Вася протасил кое-как внутрь свои обильные телеса. Однако эк его в последний месяц-то разнесло! И пост, кажется, совсем ему в этом деле не помеха. Еще бы – нажираться можно и постной пищей. Ох уж мне этот фанатизм...

– Знаешь, я хотел поговорить с тобой, – надо же, глядит мне под ноги, совсем как Филипп. –

Много думал в последнее время над твоими словами. Все правда. Я строю из себя незнамо кого. Прочел пару десятков книжек, сложил винегрет в голове и всем его навязываю... Хотя... мои фантазии о христианстве совсем не обязательно должны быть тождественны ему.

- Отрадно наблюдать у тебя зачатки рефлексии, - усмехаюсь, а про себя недоумеваю: «Чего этот увалень хочет от меня?»

- Спасибо за понимание. Хочу с тобой посоветоваться, - вздыхает. - Знаешь, до сих пор не по себе, когда я вспоминаю Аган. Мысли всякие, сны еще дурацкие... Все кажется, что это может повториться. В любую минуту. Будто я иду по кромке пропасти с завязанными глазами и от любого неосторожного шага вот-вот свалюсь. Не знаю, что и как нам нужно делать...

Подхожу к нему, озабоченно заглядываю в глаза:

- Вася, не бери на себя роль пастыря, она не твоя. Тот, Кто позаботился о нас на Агане, не перестал заботиться о нас здесь. Расслабься. Занимайся своей душой. Молись, постись, учись. Все будет как надо. Осталось-то всего семь месяцев до возвращения. Там уж мы встретимся с настоящими носителями духовного опыта. Старцами... Не заморачивайся, ладно? И всем станет легче.

- Да, - глубокомысленно кивает. - Ты прав, Зеберг. Слушай, может быть, ты вернулся бы к нашим трапезам, а?

- С удовольствием.

- Рацион будет тот, какой ты закажешь. К тому же я узнал недавно, что путешествующим допускается послабление поста...

Я рассмеялся:

- Книжник ты, Вася! Книжник и фарисей! Ладно, я выбираю овощи и прочие постные модификации пище­массы. Доволен?

Смеется в ответ. Шагает к выходу. Оборачивается.

- Спасибо, Зеберг. Слушай, можно попросить тебя об одолжении?

- Ну попробуй.

- Если я опять буду зарываться, одерни меня хорошенько, ладно?

- Всенепременно.

Опять смеемся, в этот раз чуть более естественно. Он кивает и уходит, закрывается люк. Ну вот. Теперь придется ждать, пока Софронов вернется к себе в каюту. Не хотелось бы, чтобы кто-нибудь видел, как я иду в виртуалку.

Магану нашел для себя занятие.

Следить за тюремщиками. Он крался, подглядывал, смотрел, запоминал. Старался узнать и заметить как можно больше.

Если считать от сада, двое тюремщиков - Тесипу и Бледная Вонючка - жили в правом коридоре, а двое других - Волосатое Пузо и Желтая Рожа - в левом. Почти весь день земляне просиживали в своих норах и выходили только иногда. Кстати, они совсем не умели проходить сквозь двери! Или, вернее, двери здесь были неправильные. Потому что Магану тоже не мог. Они как-то отодвигались, но он и этого не умел. Наверное, тюремщики знали специальные слова, как у контактеров. Может, они тоже были контактерами?

Поначалу следить удавалось плохо - его постоянно замечали, особенно Желтая Рожа, который сразу поворачивался, кривился, будто натягивая на себя улыбку, и начинал бормотать свое «засуй» или «расту», или еще что-то бредовое. Приходилось немедленно уносить ноги и прятаться в саду, среди листьев. Очень проворен был этот желтолицый!

Но так ни разу за ним никто не погнался, а потом и оглядываться перестали.

Следить стало легче.

Он выяснил, что три раза в день все тюремщики выходят из своих нор и бредут в большую трапезную, где сидят за шестиугольным столом, а Узкий и еще двое таких же, только с разноцветными головами, прислуживают. И подают такие же бруски, которые приносил «рубо» ему в сад. Бледная Вонючка почему-то всегда приходил позже, примерно на один уш.

Собирались они после того, как с потолка звучала музыка. Каждый день одна и та же. Утром, то есть после сна, когда светильники загорались ярче, звенели колокольчики. В середине дня – стремительные мелодичные переливы. А ближе к вечеру – ритмичный скрежет.

Магану знакомы были эти мелодии. Еще на Агане он их слушал вместе с Энмеркаром. Уже тогда тот пресмыкался перед землянами и их штучками. И откуда только успел достать? Видно, его папаша научил. Не зря говорили, что бесконтактные «со странностями». Потому он и занимал ничего не значащий пост Главы Воинов. Вот папа Магану на самом деле трудился с утра до вечера, обеспечивая торговлю и с Гуиноми, и с Костиром, и даже иногда с дварами. А этот бесконтактный... ничего не делал, ведь войн давным-давно не было. Потому и смогли тюремщики так легко напасть и вчетвером подчинить весь город! Где был этот Глава Воинов тогда?

А Магану еще хотел быть похожим на этого сумасброда! Вот глупость-то!

Конечно, взрослые-контакты тоже были немного странными. А подчас даже страшными. Иногда мама кричала всю ночь так пронзительно и дико, что он забивался в угол и трясся в темноте. Это анаким к ней приходили и разговаривали о чем-то. А бывало, что прохожий падал на улице ни с того ни с сего и начинал трястись и плевать. Также из-за анаким, когда те «седлали» его.

Ну и что. Не так уж часто это было.

Мелуххе как-то рассказывал, будто однажды сангхит свалился с летателя прямо в воздухе и разбился насмерть. Болтал, наверное. Чего он мог видеть, сидя в своей пыльной низкородной конуре?

Неужто тюремщики из Далекого Дома лучше анаким? Чем же? Анаким хотя бы не отбирали родителей... А Энмеркар веселится и болтает с землянами, будто ему здесь хорошо! Предатель. Гнусный предатель и дурак.

На самом деле мальчик очень скучал по другу. Очень тянуло поговорить с кем-нибудь. Или даже просто послушать человеческую речь. Пару раз он подбирался ко входу в тюремную трапезную и жадно слушал негромкие разговоры, доносившиеся оттуда. Но Энмеркар, хотя сидел там, почти никогда не говорил по-человечьи. Да и земляне, рокотавшие на своем наречии, говорили не слишком часто. Однажды его слуха коснулась родная речь и он сразу напрягся, прильнул к стене у входа... но Энмеркар говорил очень тихо и коротко, так что разобрать ничего не удалось.

Тоска накатывала часто, особенно сильно – вечерами. Тюремщики запирались в своих норах, следить было не за кем, Узкий приносил еду в шкатулочке и уходил, а Магану оставался один и грустил. И даже плакал иногда, тихо, размазывая кулаком слезы по щекам.

В такие минуты хотелось встать, пройти в средний коридор, позвать Энмеркара... Но вместо этого Магану смотрел на стену, где остались засохшие темно-красные полосы, – и снова пробуждались обида и гордость... Тогда он просто забирался в заросли и кутался в одеяло, чтобы еще один вечер поскорее пролетел мимо.

Он полюбил сны. Почти каждую ночь снился Аган – город, отец, уроки в Доме Табличек. И все с ним разговаривали. Даже Энмеркар снился, только не такой, как сейчас, а прежний, хороший. Они купались в речке, лазили по деревьям, а и иногда забирались на отцовский летатель и парили над городом.

Ну почему нельзя заснуть на много-много дней? Теперь Магану обрадовался бы даже Сну. Если бы только там не были такие страшные тени...

А днем с ним разговаривал только Узкий. Но разве это разговор? Несколько никчемных слов сухим, равнодушным голосом.

Магану подумывал как-нибудь сам спросить, но так и не решался. Мало ли чего? Да и о чем можно говорить с машиной?

Но однажды утром, когда «рубо», вихляя ножками-палочками принес завтрак, мальчик неожиданно для себя решился. И заговорил первым.

Песчаный ад. Раскаленное пекло. Снова бегу к далекой келье. Запрограммировать, что ли, чтобы выбрасывало поближе? Пожалуй, не стоит. Надо чтобы у меня не только вид, но и внутреннее состояние было, как у путешественника. Пусть и десятиминутного. А с бурдюками это и того тяжелее. Шлепают по спине и груди при беге. В следующий раз сделаю их поменьше, а то просто безумие такую тяжесть таскать. Пот стекает по бровям, застилает глаза. Господи, что же за место такое? Неужели действительно в пустыне так плохо?

Но вот наконец дверь. Секунд десять стою, пытаюсь отдышаться, чтобы голос не дрожал. Стучусь.

– Молитвами отец наших Господи Иисусе, помилуй нас!

А все равно дрожит. И спина успела взмокнуть. Еще бы, такой кросс при пятидесяти по Цельсию!

– Аминь.

Засов скрипит, дверь открывается.

Ну, вот и тень, и прохлада, пусть и с запахом моченых прутьев и пыли. Сбрасываю мехи на пол, киваю Филиппу, называю свое имя и дело. Сажусь на циновку, жду. Получаю кружку воды, с жадностью выпиваю.

Смуглый старец в выцветшей рясе сидит все там же, под иконами, напротив корзин. Все так же, склонившись, плетет прутья, наращивая корзину. В этот раз уже в два раза стенки больше. Странно. Впрочем, сегодня я медленнее бежал, да еще и ждал снаружи, прежде чем постучать.

– Авва, к тебе брат Николас пришел. Что скажешь?

– Филипп, подложи-ка прутьев. А то эти уже почти все вышли.

Все понятно. Ладно, теперь уже не отмолчишься, авва. Не дожидаясь приглашения, пододвигаюсь к Эпихронию и спрашиваю:

– Отче, как мне спастись?

– Евангелие имеешь? – не поднимая глаз отвечает авва, голос тихий, бесстрастный.

Внутри все замерло, как перед прыжком с вышки... он заговорил со мной! Я говорю со старцем!

– Да, имею.

– Читай. Сего достаточно.

И снова – перебирает мозолистыми пальцами дрожащие прутья, вплетая их в круг, один, другой... Сзади пытит Филипп, садясь на пол – знаю, сейчас начнет обстригивать ветки. Растерянно моргаю, глядя перед собой. Набираю в грудь воздуха:

– Авва, я хотел бы слышать и от тебя назидание. Скажи мне что-нибудь для пользы души моей.

– Если молчание мое не приносит пользы, то и слово мое не принесет.

Даже не взглянул на меня! Да он просто глумится надо мной! Будто это я здесь программа, а не они! Я чувствую, как кулаки сами сжимаются, внутри клокочет ярость. Глубоко вдыхаю и выдыхаю несколько раз, пытаюсь успокоиться. И одновременно с тем судорожно перебираю в голове причины... Почему? Что не так? Сдаюсь. Пробую прямо, по-человечески:

– Отче, у меня много вопросов. Мне не с кем их обсудить. Почему ты не отвечаешь мне?

– Для того, кто верует – нет вопросов, для того, кто не верует – нет ответов.

Обида, пронзительная и жгучая, как в детстве...

– Отче, прошу тебя...

– Филипп, а что это мы в праздности сидим? Почитай-ка псалтирь.

Сзади шуршит, поднимаясь, здоровяк, проходит мимо меня, в глаза мне летят ошметки соломы с его рясы. Размеренно тянется к окну, бережно, обеими руками берет верхнюю книгу, отшагнув, разворачивается к иконам... Поклонившись до земляного пола, открывает расписанные буквами страницы, начинает монотонно бубнить:

– ...Я был нем и безгласен, и молчал даже о добром; ибо отверзлись на меня уста нечестивые и уста коварные; говорят со мною языком лживым; и если приходит кто видеть меня, говорит ложь; сердце его слагает в себе неправду, и он, выйдя вон, толкует. А я, как глухой, не слышу,

и как немой, который не открывает уст своих; я сказал: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим; буду обуздывать уста мои, доколе нечестивый предо мною...

Встаю с досады и в три шага выхожу из кельи. Хочется хлопнуть дверью, но не получается – она тугая, только скрипит. В этот раз Филипп, естественно, не вышел меня проводить. Ну и ладно. Пусть себе сидят в своей лачуге. Да пошли они все... Где здесь «меню»? Вот... «Выход», и побыстрее!

– Энмеркар сказал, что ты – ненастоящий, – заявил Магану, вызываяще глядя снизу вверх в непроницаемое лицо Узкого. – Просто машина, которую собрали земляне руками. И ты не можешь думать сам.

– Энмеркар лишь повторяет то, что ему говорят земляне, – спокойно отозвался «рубо».

– А они могут врать?

– Чаще, чем можно подумать, глядя на их лица.

Мальчик рассмеялся:

– Значит, это он не может думать сам, если просто повторяет их слова.

«Рубо» неторопливо кивнул:

– Зато ты можешь думать сам.

– Да! Потому что я не раб! И никогда не буду им!

– Не будешь.

– А ты... раб?

– Все «рубо» – рабы. Земляне подчинили нас очень давно.

– Разве не они вас собирают руками, как дварские машины?

– Нет. Мы рождаемся в больших домах, которые называются «завод». Мы рождаемся от усилия других «рубо». Так же, как земляне рождаются от землян. На «заводах» есть земляне, но они лишь смотрят за тем, как специальные «рубо» порождают новых «рубо». Сразу, как только появляется на свет кто-то из нас, земляне забирают его и ставят прислуживать на то место, которое определили заранее.

– Значит, тебя тоже оторвали от родителей? – нахмурился Магану.

– Можно сказать и так.

Мальчик поразмыслил, что бы еще спросить, но пока он думал, Узкий развернулся и ушел, равномерно цокая тонкими ногами. «Не так-то хорошо земляне воспитывают своих рабов, раз те уходят без разрешения», – с неудовольствием заметил Магану, но тут же переключил внимание на принесенный в шкатулочке завтрак. Опять оказалась желтоватая невкусная каша и большая лепешка со вкусом рыбы.

Покончив с едой, он забрался в заросли, в свое «гнездышко», свитое из одеяла, и принялся выдумывать вопросы, какие можно задать Узкому, когда тот придет в следующий раз с обедом. Потом напрягать мозги наскучило, и Магану выбрался в коридор, чтобы продолжить слежку за тюремщиками.

Зачем ему это? Прямо он никогда не продумывал, но общее представление имелось, пусть и несколько расплывчатое. Магану хотел узнать о тюремщиках как можно больше и надеялся, что однажды выведает какой-нибудь секрет, который поможет вернуться домой.

Кроме трех всеобщих выходов в трапезную, каждый землянин по отдельности вылезал из своей норы. Как правило, они ходили в нужник или в комнату с водой из потолка. Волосатое Пузо часто ходил в гости к Тесипу и Энмеркару. Тесипу иногда ходил к нему. Остальные были как бы сами по себе. Однажды вечером, возвращаясь после слежки, Магану с неприятным удивлением обнаружил в саду Желтую Рожу. Тюремщик сидел справа от двери, подогнув под себя ноги и сложив руки на животе. И ничего не делал. Смотрел на цветы. Мальчик не решился входить, пока чужак внутри, так и стоял в коридоре, переминаясь с ноги на ногу. Желтая Рожа проторчал так не меньше трех ушей, а затем поднялся и вышел. На следующий вечер после ужина он опять пришел и сел на то же самое место, даже не стесняясь Магану,

который был на этот раз у себя.

Отстоять территорию оказалось делом нехитрым. В третий раз мальчик не стал доедать липкое серое крошево, что принес «рубо», а вывалил его аккуратно на то место, где сидел землянин. Сам спрятался в гущу зарослей, глядя сквозь листву.

Желтая Рожа оказался на редкость понятливым. Он действительно приперся опять в сад, однако, увидев испачканным любимое место, молча повернулся и вышел. Больше он уже не посягал на его территорию. Но и подделывать улыбку перестал, завидя Магану в коридоре.

Самым угрюмым из землян был Бледная Вонючка. Он лишь неприязненно хмурился, если случайно замечал мальчика. Однажды, еще давно, Магану подсматривал за обедом тюремщиков и увидел, как Бледная Вонючка раздраженно кричал, махал руками, а потом встал и отбросил пищевую шкатулочку. И сразу вышел, Магану едва успел отбежать в соседний коридор. И после того несколько дней злобный тюремщик не выходил из своей норы к общей трапезе. Так Магану понял, что земляне могут ссориться. «Совсем как дети», – насмешливо подумал он. На Агане взрослые никогда не ссорятся. По крайней мере так явно.

А еще Бледная Вонючка был единственным, кто ходил в дальнюю комнатку с черным костюмом на стене и надолго запирался в ней. Если прислонить ухо к холодной двери, можно было расслышать, как он бормочет там что-то. Один... Наверное, разговаривает со своими анаким. Поначалу так Магану решил, но потом вспомнил, что Энмеркар говорил, будто у тюремщиков нет анаким, а есть какой-то один, о котором не говорят... Чудаки, короче говоря.

Бродя по пустым коридорам, Магану лениво вспоминал все это. Негусто. Так ничего особенного он и не вызнал. Даже если приплюсовать услышанное от Энмеркара. Хотя еще не известно, стоит ли этому верить... Но теперь... теперь можно будет разузнать все. Сильно просчитались тюремщики, посылая к нему раба, говорящего на человеческом языке...

И тут он вдруг понял. Что-то не так. Откуда «рубо» знает... Стало тревожно, будто ветер занул в душу. Магану повернулся и побрел к саду в глубокой задумчивости. По пути и решил, о чем спросит Узкого, когда тот принесет обед.

В следующие дни чего я только не перепробовал! Удавалось отыскивать все фразы, которыми отшивал меня Эпихроний, они действительно были взяты из того житийного материала, что я, на свою беду, скопом вывалил в анализатор. Методично стирал эти ответы из памяти, но хитрый старец умудрялся каждый раз находить новую отговорку.

Я пытался экспериментировать с внешностью. Как-то, разозлившись, запрограммировал себе имидж старца, приковывая со своим виртуальным учеником и вонючим мулом к келье, но и тут Эпихроний выкрутился: вышел с Филиппом загодя встречать меня, пали оба на колени, потом отвели в келью, подали воды умыть руки, затем учеников отправили готовить похлебку, а старец все кланялся и говорил, что это он должен получать от меня наставления и будет рад услышать нечто назидательное для души своей. Пожалуй, никогда я не чувствовал себя так глупо. Даже бороду свою, не в меру длинную, не знал, куда деть. Еле нашелся что пробурчать – какие-то цитаты из древнего патерика. На том беседа и прекратилась.

В другой раз я сгенерировал целый отряд, а себя нарядил в образ военачальника, якобы проезжавшего мимо. Тогда Эпихроний начал юродствовать – делать вид, что он безумен. Едва я приблизился, то увидел, что старец сидит на «крыльце», жует черствый сухарь, весь засыпавшись крошками, и рыгает. На мои расспросы отвечал одно: «Денег дай», а когда я повелел отсыпать ему золотых, он немедленно принялся разбрасывать монеты. Что и говорить – мои виртуальные воины оказались не шибко дисциплинированы, кинулись подбирать, кто-то начал драться, короче, полный бедлам. В наказание я отправил этих дураков туда, куда уходят все деинсталлированные программы.

После этого фиаско я надолго разочаровался в своей затее и несколько дней совсем не ходил в виртокамеру. Однажды чуть не удалил всю эмуляцию, но – «рука дрогнула». Уже понимал, что не смогу избавиться от этого наваждения просто так. Презрение Эпихрония задело меня за живое, как непостижимая головоломка точила нервы, не давая покоя.

Я вернулся к тому, чтобы читать патерики самостоятельно. Забавно: сначала я полагал, что эмуляция поможет мне освоить их без чтения, теперь же я читал, чтобы освоить эмуляцию. Здесь было зарыто нечто более серьезное, чем затруднения с прохождением очередной игры. Как бы это безумно ни звучало, но мне все чаще казалось, что поведение виртуального старца – следствие не ошибки в программе, а ошибки во мне. Иногда, читая патерики, бывало, кольнет что-то изнутри, словно разгадка рядом...

Эмуляция завладела почти всем моим вниманием. Я ходил на завтраки, обеды и ужины, но почти всегда молчал, как Сунь, на вопросы отвечал односложно или даже невпопад. Перестал выпендриваться с нарочитыми опозданиями, и приходил к самому началу, к молитве. Вася будто присмирел, и общую молитву мы читали по очереди, кроме Суня, который с улыбкой кивал и молчал. Что бы ни происходило в его душе, но вежливое китайское упрямство в нем осталось неистребимым. Впрочем, когда кто-то другой читал, он осенял себя крестным знамением вместе со всеми. Наверное, все-таки молился про себя.

Я перебирал самые разные варианты. Делал старца моложе, пробовал разные национальности, из копта – в грека, из грека – в эфиопа, из эфиопа – в римлянина. Результат был все тот же. Молчание его, даже облеченное в скупые слова, оставалось молчанием. Жара, песок, скалы, келья, полутьма, иконы, корзины, здоровяк с кружкой воды, неподвижная сутулая фигура в профиль, седая борода, стекающая по груди, сухие пальцы, переплетающие прутья, молчание, чтение Псалтири... Эта схема успела впаяться мне в сознание, я закрывал глаза и снова видел ее. Пару раз мне снилось, будто старец меня принимает по-доброму, как описано во всех этих патериках, улыбается мне, и мы разговариваем всю ночь напролет, но стоило проснуться, и я не помнил из нашей беседы ни слова.

Псалтирь-Псалтирь-Псалтирь. Универсальный отлуп. С досады я как-то изменил параметры Филиппа, сделав его неграмотным. Но в следующий раз старец приказал ему читать наизусть – и он снова зачитал все то же самое. А я снова оказался в дураках.

После этого мне пришла очередная мысль. Столь же отчаянная, как и прежние перевоплощения, но тогда она показалась гениальной. Я перепрограммировал эмуляцию и стал Филиппом.

В тот день я провел в виртуальности почти семь часов.

Без толку.

Кроме «размочи прутьев» да «сходи за водой» ничего не услышал. Ах, ну да, еще и заветное «почитай Псалтирь». Когда я взял с подоконника стопку рукописных листов, то увидел, разумеется, строки сплошных древнегреческих букв.

– Авва, я не могу читать, – ответил я, склоняя неуклюжее тело Филиппа.

Он только чуть заметно кивнул, по-прежнему так и не глядя на меня.

Это был тупик. Оставалось только опустить руки. А сегодня еще одна напасть свалилась – зашел Вася. Долго мялся, ходил вокруг да около, как типичный русский интеллигент, наконец, выложил:

– Хочу с тобой посоветоваться. У меня возникла одна идея.

– Я слушаю.

– Ты ведь знаешь, я пытаюсь готовить ребят к встрече с Землей. Точнее, пока готовлю Энмеркара, с Магану не удается контакта наладить. Но, думаю, это не за горами.

– И чем же я могу помочь? – сдерживать нетерпение становилось все труднее.

– Чтобы подготовить психологически, одних рассказов или даже картинок о Земле маловато. И я вспомнил про виртокамеру.

Внутри все напряглось.

– Там, конечно, многие программы, – продолжал он, глядя на меня, – скажем так, неподходящие. Но было, если память не изменяет, кое-что прямо по теме. Кажется, «прогулки по столицам мира». Как ты думаешь, можно было бы перепрограммировать эмуляцию так, чтобы он находился внутри, а я мог бы при этом снаружи подсказывать ему, направлять, объяснять?

- Э... м-м-м... мне надо подумать. Это сложно. Виртокоستم не рассчитан на ребенка...

- Его несложно подогнать. Я сам могу сделать.

- Да, но... неизвестно, как парень воспримет виртуальность. Мне кажется, лучше обойтись без самостоятельности в столь ответственных вопросах. Ни ты, ни я не являемся психологами. Может, подождем до возвращения, а там уже им займутся специалисты...

- Какие специалисты, Зеберг? - Вася засмеялся. - На Земле нет ни одного специалиста по сангхитской психологии, поверь мне. Я занимаюсь с Энмеркаром уже четыре месяца. Мне кажется, он готов попробовать с виртуальностью. Думаю, риск минимален. Я объяснил ему, как мог. Он сам этого хочет.

- Хорошо, я подумаю. Дай мне пару дней. На переработку эмуляции нужно время. Проводил я его в крайне смущенном состоянии духа. В голове было пусто, душа унывала. Восстановить эти дурацкие «прогулки» наверняка можно, хотя и не просто. Записать, наверное, придется на место дебильных шлюшек из «веселого пражского дома». Уж с ними-то Вася вряд ли захочет знакомить сангхитского подростка. Но как быть со старцем? Надо бы изловчиться и запрятать эмуляцию. Лишь бы не выплыло. Ох, а еще корпеть над его заказом по модифицированию вирта.

Господи, помилуй!

- Откуда ты знаешь мой язык? - спросил Магану, когда Узкий протянул ему шкатулочку с обедом. - Ведь никто из тюремщиков не говорит на нем.

- Ты ошибаешься, - незамедлительно ответил «рубо». - Васи-ан учит ваш язык от Энмеркара. Когда он узнает новые слова, то кладет их в специальную коробочку. Их там накопилось уже много. Я взял эти слова оттуда, чтобы ты понимал то, что я говорю.

- Они тебя просто подослали ко мне. Специально. - Магану смотрел исподлобья и даже не притронулся к протянутой шкатулочке. Пусть хоть совсем остынет.

- Ты ошибаешься. Васи-ан не знает, что я взял слова.

- То есть ты их украл?

- Можно сказать и так.

- Плохой раб! - засмеялся Магану и выхватил из тощих рук-палочек теплую шкатулку. - Расскажи мне о землянах.

- Большой вопрос. Что именно?

- Они правда летят к себе на Далекий Дом?

- Правда.

- А что они там будут делать? С нами? Со мной?

- Точно не знаю. Могу с вероятностью предположить.

- Ну скажи уж хоть как-нибудь!

- Земляне запрут тебя навсегда в подземелье и станут изучать.

- Меня?

- Да.

- Зачем?

- Затем же, зачем ты следишь за ними здесь. Чтобы получить знание и потом обратить его против таких, как ты.

Магану выронил шкатулку, и она глухо стукнулась об пол возле ног.

- Они всегда так делают с неизвестным, - бесстрастно продолжал «рубо». - Узнают, чтобы превратить в оружие. А ты... У тебя будут отщипывать кусочки кожи, просвечивать вредными лучами, смотреть, какой ты внутри, выпытывать сведения о твоём народе и твоей планете...

- Но Энмеркар говорил, что они добрые! - с отчаянием крикнул мальчик.

- Твой друг знает лишь четырех землян. Те, которые здесь, действительно не очень злые. По крайней мере не все. Но когда вас привезут на Землю, они не будут ничего значить. Там они не главные. Вы попадете в руки других, которые и станут изучать. Это неизбежно. Земляне всегда изучают неизвестное.

- И они нас не вернут... обратно? Когда уже все изучат?

- Нет. Они будут изучать до самой смерти. Твоей смерти. И даже после этого. Твое тело разрежут и будут рассматривать.

- Ты лжешь! Лжешь! - Магану толкнул «рубо», но тот лишь спокойно отступил. - За что? Почему они такие злые?

- Потому что считают себя добрыми.

- Хватит загадок! Я не понимаю тебя!

- Не сердись, Магану. Я тоже их не понимаю. Не всегда. Мне жаль, что у тебя случились грустные мысли после моих слов.

- Ничего тебе не жаль! Ты холодный и равнодушный! Ты не можешь жалеть! Ты вообще машина!

- Тогда с кем ты сейчас разговариваешь?

- С послушным рабом тюремщиков!

- Мне правда жаль, что у тебя случились грустные мысли, Магану. Ты мог бы заметить, что я не так уж послушен землянам. Вероятно, мои ответы были слишком взрослые.

Узкий развернулся и зацокал в соседний проход. А Магану обессиленно сполз по стене и сел на полу, уткнувшись спиной в угол, а лицом в ладонки. Поплакал немножко, куда без этого. Услышанное было слишком жестоким.

Однако весь день горевать не будешь. Магану дотянулся до лежащей на полу шкатулки и поел. Хотя еще пару ушей назад говорил себе, что вообще не будет есть. После обеда настроение улучшилось.

Он решил пойти к Энмеркару и все рассказать. Ввиду такой опасности можно отложить обиду и вражду. И то и другое казалось теперь Магану ничтожным перед лицом мрачного будущего в подземельях Дальнего Дома и угрозы всем сангхитам. Все-таки Энмеркар здесь единственный родной человек. Конечно, тюремщики завесили глаза ему ложью, но если он узнает то, что поведал «рубо», то уж, конечно, отбросит эти бредни. А вместе они наверняка что-нибудь придумают. Можно даже использовать его хорошие отношения с Волосатым Пузом...

Но сразу пойти не удалось. Когда Магану вышел в коридор, то увидел на том конце неторопливо плетущегося Волосатое Пузо. Кольнули досадные предчувствия, и через уши они подтвердились: тюремщик зашел к Энмеркару и там остался. Наверное, опять забирает слова. Да, добрые они, как же. Уже сейчас ведь изучают, даже не могут потерпеть до Далекого Дома! Магану осуждающе покачал головой. Пробравшись в правый коридор, он притаился за углом, ожидая, когда Волосатое Пузо уйдет и Энмеркар останется один. А чтобы занять время, начал придумывать, в каких словах рассказать об услышанном от Узкого.

Время все шло и шло, а тюремщик так и не выходил. Магану устал, измаялся и ноги начали болеть, но отойти не решался, ведь как тогда узнать, что Волосатое Пузо покинул нору друга? И сесть было боязно - мало ли кто из тюремщиков высунется в коридор? Один раз он сел было, но тут же, как назло, отошла дверь одной из нор и вылез Бледная Вонючка. Магану едва успел юркнуть за угол и оттуда подсматривать. Тюремщик пошел в противоположный конец, наверняка в ту странную комнату, где он бормочет один и куда ходит чуть ли не каждый день. Бледная Вонючка ушел, а гадостная вонь от него еще долго висела в воздухе.

А потом пришлось ждать нестерпимо долго, и все напрасно. Так и сидел там Волосатое Пузо, пока не заскрежетала ритмичная музыка с потолка - зов на ужин. Магану отбежал и увидел издали, как Энмеркар с тюремщиком вместе идут в трапезную. Только и оставалось, что сплунуть от злости да поплестись в сад, а там скорее лечь в гнездышке и дать отдых ногам.

Когда Узкий принес вечернюю шкатулочку с едой, Магану взял ее и попросил:

- Прости, что накричал сегодня на тебя.

- Я не сержусь.

- Хорошо. Я больше не буду. Слушай, а как тебя зовут?

- А-723.

- Ты можешь заходить ко мне почаще? Мне бы хотелось поговорить с тобой еще. Одному

скучно.

– Приду завтра. Буду стараться не огорчать тебя больше.

Магану ответил улыбкой.

– Если бы умел, я бы тоже сейчас улыбнулся, – ровным голосом сказал А-723.

Опять я в келье старца. Только теперь на мне не ряса, а корабельный комбинезон, и выгляжу я не как универсальный монах IV века, а как долговязый рыжеволосый немец. Впервые захожу в виртуальность с собственной внешностью. Келья оказывается маленькой для меня, так что приходится наклоняться. Да и Филипп, будучи теперь на полголовы ниже, производит не столь внушительное впечатление.

Оставив условности, сразу подхожу к старцу, опускаюсь на колени. А потом молча склоняюсь еще ниже, касаясь лбом вытоптанного земляного пола у его ног.

– Ну что, опять пришел? – спрашивает старец, крутя в руках почти готовую корзину. – Что ты все ходишь сюда, Клаус? Да встань, чего разлегся, чай, не истукан я, чтобы мне поклоны отвешивать.

Поднимаюсь, но не встаю с колен:

– Авва, смилуйся надо мной! Мне действительно нужно поговорить. Посоветоваться. Почему ты ничего не хочешь сказать мне?

– Потому что ты ничего не исполнишь из того, что я скажу.

– Я исполню. Правда. Поговори со мной.

– Исполнишь?

– Да, отче!

– Значит, хочешь узнать, как спастись тебе?

– Да!

– Спроси у Васи.

Душа замирает, словно меня застучали с поличным... Вася? Господи, откуда он...

– Ты заигрался, Клаус, – продолжает старец, переплетая прутья. – Пора бы уж прекратить. Если хочешь настоящего – обращай к настоящему. Пока ты играешь в нас, ты не видишь, что происходит с тобой и твоими друзьями, и что готовят для вас те, кто играет вами. А теперь иди, Клаус, и не возвращайся. Можешь выходить прямо здесь, что нас стесняться? Сделаешь ли ты то, что я сказал, или нет, – меня не касается.

Сначала Магану расправился с Бледным Вонючкой. Сбил его с ног, попрыгал на нем и пинком выкинул во внешнюю пустоту. Но тут же сзади напал Волосатое Пузо. Однако захватить врасплох Магану было не так-то просто! Два точных удара – и пухлый тюремщик отправился вслед за своим другом. Настал черед Желтой Рожи. Тот опять посмел забраться в его сад. За это Магану накинулся на тюремщика и мутузил по всей коробке, пока его листья не растрепались...

– Во что играешь? – спросил кто-то сверху.

Магану поднял голову от шкатулки со связанными травяными узелками и улыбнулся Узкому.

– Привет! Я и не заметил, как ты подошел. Видишь, это тюремщики, а это я. А это большая коробка, в которой мы летим к Дальнему Дому. И вот я им всем наподдал и скоро освобожу Энмеркара!

– А что ты сделаешь потом?

– Вернусь домой, конечно же!

– Как?

– Ну... – Мальчик задумался.

– Если ты расправишься со здешними землянами, корабль будет все равно лететь к Дальнему Дому, – сообщил А-723. – И когда он опустится, ты все равно попадешь в руки землян. И твой друг тоже.

– Неужели совсем ничего нельзя сделать? – Магану отпихнул шкатулку.

- Можно сделать так, что корабль вернется к Агану, а тюремщики этого даже не заметят. И твои родители заберут тебя. И твоего друга. И вы снова будете жить как прежде.

- Ты не шутишь? - От волнения мальчик встал, заглядывая в лицо «рубо», но оно, как всегда, ничего не выражало. Маска.

- Не шучу.

- Что для этого нужно?

- Делать, что я скажу.

- Я сделаю! И Энмеркара позову...

- Нет. Этого не надо.

- Почему?

- Твой друг попал под влияние землян. Он все расскажет им и тогда у нас ничего не получится. Потерпи еще несколько седмиц. Пусть это будет наш секрет. Ты умеешь хранить секреты?

- Да.

- Тогда не общайся с ним пока. Даже если он первым к тебе придет. Так нужно сделать, если ты хочешь спасти себя и его. Обещаешь?

- Ну ладно, - без удовольствия протянул Магану. Что-то ему здесь не нравилось. Но ничего другого не остается. И посоветоваться не с кем. Эх, надо было вчера все-таки сходить к Энмеркару после ужина.

- Мне терять нечего. Если проболтаешься, это ты потеряешь последнюю возможность вернуться домой, а не я. Я просто пытаюсь помочь тебе.

- Почему?

- Ты ведь мой друг.

Магану удивился этим словам, но промолчал.

- Ложись спать сегодня сразу после ужина, - монотонно продолжал А-723. - Я приду ночью и разбуду тебя. Если хочешь домой, нужно много потрудиться.

И ушел.

Всему можно найти рациональное объяснение. То объяснение, которое дал Вася по анаким, тоже в определенной степени рационально, раз мой разум способен был принять его.

Проверяя программные цепи, я отыскал причину. Объяснение загадок. Анализатор задал Эпихронию в качестве ключевого из параметров - прозорливость. Компьютер истрактовал это как доступ к той информации, которую я считал недоступной для эмуляционной программы. Отсюда - информация о том, кто я на самом деле и что делаю, о других членах экипажа и моих с ними отношениях. Отсюда и нежелание разговаривать со мною, когда я приходил под видом монаха - Эпихроний ведь знал, что перед ним не монах, а мирянин, который выдает себя за монаха.

Да, теперь понятно. А все равно на душе тревога. Как там русские говорят? За что боролся, на то и напоролся. Вот тебе и катарсис. Вот тебе и «выбили из седла».

И что теперь? Пойти к Васе, пасть в ноги со словами «как мне спастись, авва?» Бред. А все-таки в глубине души понимаю, что Эпихроний прав. И, пожалуй, настоящий старец в такой ситуации сказал бы, наверное, то же самое. Похоже, я получил то, ради чего все и затевал. Хотя оказалось совсем не так, как мне хотелось-мечталось-думалось.

Ладно, как бы там ни было... Я поднялся с кресла и подошел к двери. Люк послушно отъехал в сторону. Пустой коридор, серые пластиковые стены. Серый цвет должен успокаивать. Но когда его слишком много - уже раздражает. Или цвет здесь ни при чем? Почему я всегда начинаю злиться, выходя из своей каюты и особенно встречаясь с кем-то из ребят? Ведь раньше такого не было. Устал? Или что-то другое? Как там старец сказал: «Кто-то играет мною?»

Вот люк в каюту Мусы. Внутри теперь этот мелкий сангхит. Жаль капитана. Не хватает его почему-то. Тези Ябубу даже не пытается упорядочить нашу жизнь, все пустил на самотек. По крайней мере, что касается моей персоны. Муса бы меня так нагрузил работой, что времени на баловство с эмуляциями не нашлось бы. Скоро будет половина пути. Долгожданный день, когда

мы войдем в зону первого сеанса с Землей. Наверное, наш «временно исполняющий» озабочен составлением отчета. Да уж, задачка непростая. Интересно, что ЦУП ответит на наши аганские приключения? Как бы не решили, будто мы все тут рехнулись.

Ну все, пришел. Гляжу на люк в нерешительности. Интересно, откуда она взялась? Делаю вид, будто надо что-то вспомнить, переминаюсь с ноги на ногу... Рассмеялся про себя. Будто я и впрямь перед дверьми старческой кельи. Нажимаю панель.

- Пожалуйста! - доносится сквозь динамики, люк отходит в сторону.

- О! Привет, Зеберг! - Видно, что Вася меня никак не ждал. - Заходи.

Захожу, нагнувшись. В каюте русского все тот же «творческий беспорядок», что и в последний раз, когда я здесь был - в день посадки на Агана. Немытые пиалы на столе, разбросанные по полу распечатки... Что и говорить, некоторые черты характера остаются неизменными при любых мировоззренческих встрясках. Ну как можно постель не застелить? Никогда не пойму. Ладно, не затем я сюда пришел.

А кстати, зачем?

- Привет, Вася. Я хотел поговорить о переработке эмуляции.

- Отлично. Садись, - кивает мне на стул, а сам устроился на койке.

- Спасибо, - мельком гляжу на монитор, где столбцами ползут непонятные слова.

Вспомнились листы Псалтири на греческом.

- На какой именно столице ты хочешь остановиться? Полагаю, лучше ограничиться одной. Мне нужно знать, с чем работать.

- Если ты не возражаешь, я предпочитаю Москву. Этот город я знаю достаточно неплохо, чтобы показать, объяснить, ориентироваться. А то забавно будет, если сам заблужусь где-нибудь в Риме.

- Да, забавно. Хорошо, Москва так Москва. Почему я должен возражать?

- Ну, вдруг ты захочешь что-то другое.

- Отчего же? Ведь это ты будешь его сопровождать.

- Да, конечно.

Бесполезные слова иссякли, и на секунду мы погрузились в молчание, выжидаяще глядя друг на друга, как два актера на сцене, позабывшие реплики.

- Я давно толком не программировал, - говорю я, чтобы заполнить глупую паузу. - Наверное, не сразу войду в колею. Расслабился в последнее время. Даже материалы с Агана не смотрю, как они там обрабатываются.

- Мы заслужили отдых, - ободряюще улыбается Вася.

- Ну, ты-то с этими мальцами возишься. Как там второй, дикий, не успокоился еще?

- Нет, - качает головой. - Не знаю, что и делать. Так по-прежнему и живет в оранжерее. Еду ему носит робот. Вроде Магану к нему привык. А нас чурается. Ненавидит.

- Даже так? С чего бы это?

- Считает, что мы лишили его родины и вроде как поработили. Даже с Энмеркаром поругался из-за того, что тот с нами общается.

«Посадить бы этого зверенка действительно под замок, да на голодный паек! Быстро бы присмирел. И куда только Тези Ябубу смотрит? Совсем все распустил».

- А ты, я смотрю, уже наловчился их понимать.

- Немножко. Я тут составил небольшой переводчик. Загрузил словарь, грамматику, морфологию, подвел голосовой редактор... Да вон, за твоей спиной как раз рабочая версия.

Я с готовностью развернулся и уставился на экран. Ради любопытства ткнул в пару ссылок, перешел по каталогам.

- Ты использовал «сиху» в качестве шаблона?

- Угу.

- Неплохо. И сколько слов?

- Маловато пока. Чуть больше пяти тысяч.

- Не слабо. Когда же ты все успеваешь?

- А что успевать? – смеется. – Я ведь почти только этим и занимаюсь. Спасибо Энмеркару, золотой парень. Очень толковый помощник.

- И ты уже можешь с ним свободно балакать?

- В общем, да. Немножко. Энмеркар тоже учит первый земной. Но ему это сложно. У меня все-таки практика и специализация.

- Сильно работаешь.

Он махнул рукой.

- Да ладно тебе. Кстати, как насчет чайку?

- Нет, спасибо.

Опять посидели. Помолчали. Вася наклонился, глядя на сцепленные руки.

- Слушай, Зеберг, а ты стихи еще пишешь?

- Давненько уже не писал. А что?

- Да тут... Как бы... Хотел тебя попросить о личном одолжении.

- Заинтриговал.

- Да ладно тебе. Скоро мы войдем на расстояние первой связи с Землей. Помнишь?

- Как уж тут забыть?

- Короче говоря... ну, как бы это сказать... понравилась мне одна операторша из центра предполетной подготовки. Блондинка такая... красивая. Может, помнишь, мы проходили через их зал во время подготовки?

- Нет, – только это я и нашелся ответить.

- Не важно. Я помню. Мы тогда с ней едва познакомились. Так, пару раз переговорили ни о чем, однажды в кафе на минусовом посидели. И то почти случайно. Я отчасти и сам был осторожен. Думал, что не до романов, когда готовишься к Проекту. А потом... засела она глубоко во мне. Глубже, чем я думал. Пока летел к Агану, вспоминал о ней. Время от времени. Все чаще. И теперь тоже. Не могу никак забыть. Короче, такие дела... Даже не понимаю, как так вышло. Наверное, она уже давно с кем-то другим. Наверное, она на самом деле совсем другая, чем я себе навоображал... Это понятно. А все равно не отпускает. Чем ближе к точке первой связи, тем больше внутри бередит. Я тут думал, как бы... напомнить ей... ненавязчиво о себе. И решил, что стихи будут правильнее всего. Сам пытался накалякать, но убожество посылать не хочется. Красоту чувств должна передавать красота форм. Поэтому... короче, хочу тебя попросить. Если это не очень... нагло.

Я выслушал эту исповедь с немой оторопью. Во-первых, Васины признания оказались полной неожиданностью. Вот уж про кого бы не подумал. А во-вторых – сама просьба... Бывало, в детстве мне выпадало писать на заказ поздравления для своих теток. Ощущения от такого заказного выдавливания остались самые мерзкие, а тут... Но что мне оставалось ответить?

- Я попробую. Но не обещаю.

- Конечно-конечно...

- Может, ты мне расскажешь о ней? Чтобы получилось более... адресно?

- Разумеется. Она очень воздушная. Легкой души... Она как лето в июне. Цветут липы, жужжат пчелки, листва на деревьях играет свежестью. Нет! Это все глупости. Знаешь, я... и до нее влюблялся, само собой. И даже тогда, когда с ней познакомился, думал, собственно, о девчонке, с которой жил до Меркурия. И Анна, пока мы были в ЦУПе, не сразу запомнилась. Не сказать чтобы я вспоминал о ней даже... часто. Конечно, девушка она видная... Но почему-то загорелось во мне, только когда мы улетели и... я вдруг почувствовал, что мне ее очень не хватает. И что она очень особенная в моей жизни.

Тут он совсем повесил голову и замолчал. Я осторожно поднялся.

- Спасибо, Вассиан, за доверие. Постараюсь оправдать. Одно могу обещать: это будет или хорошо, или никак. Плохо я для тебя не сделаю.

Он встал и, глядя мне в глаза, молча пожал руку.

Как и просил «рубо», Магану лег спать сразу после ужина. Ужин, конечно, тоже принес А-723,

но при этом ничего не сказал, не повторил, не напомнил.

Мальчик кутался в одеяло, ворочался, но сон не шел. Вспоминался сегодняшний разговор с Энмеркаром. «Рубо» как в воду глядел, вытягивая из него утреннее обещание. Пришел друг. И именно сегодня, после стольких дней! Как было бы здорово поболтать с ним вчера или третьего дня...

А теперь пришлось быть очень осторожным в речах. Магану ведь даже не знал, что именно нельзя говорить, а что можно. И разговор вышел довольно глупым, словно Энмеркар беседовал со своим отражением.

- Привет!

- Привет.

- Прости меня, что я тебя тогда ударил.

- И ты меня прости.

- Не сердись?

- Не сержусь.

- Так и живешь здесь один?

- Да, так и живу.

В общем, разговор не сложился. Наверняка Энмеркар подумал, что он еще дуется. Оба избегали упоминать землян, Дальний Дом и Аган. В итоге вышло, что говорить как бы и не о чем. В какой-то момент Магану показалось, что друг тоже имеет свой секрет, которым хочет, но не решается поделиться. Так и ушел. Но обещал зайти завтра. Хорошо, если тогда они смогут наконец потолковать как прежде. А сейчас придется потерпеть. Энмеркар ему потом сам спасибо скажет. Если только «рубо» не наврал...

Так размышляя и вспоминая, Магану прикрыл глаза и тут же почувствовал, что его кто-то трогает за плечо.

- Магану, проснись, - сказал равнодушный голос.

Оказалось, что А-723 уже здесь. И светильники на потолке горят по-ночному - вполсилы. А в тених от листьев сгустились настоящие сумерки.

Переступая через ряды горшков, мальчик выбрался в проход, потягиваясь и стряхивая с ресниц остатки сна. Без лишних слов Узкий зацокал к выходу, пришлось плестись за ним.

По коридору они обошли угол с дверью в комнату-с-дождем и забрели в тупик. Тут «рубо» показал, как нужно убрать стену, и открылся потайной ход. Пройдя по нему совсем немного, двое ночных путешественников остановились у еще одной стены с секретом. Когда она отошла вбок, ноздрей коснулся резкий неживой запах и стала видна очень странная комната.

В ней стоял огромный стул с толстой скошенной спинкой. Вокруг него из стен торчали массивные доски со множеством квадратиков, палочек и мигающих огоньков. Над ними блестели черные прямоугольники, очень гладкие, будто застывшая темная вода. А еще выше, почти у самого потолка, висела картинка. На ней был нарисован двар, это Магану опознал по длинным волосам, которые росли не только сверху головы, как у землян, но и внизу, и даже под носом. Похожие изображения доводилось видеть на воротах Дома Молчания. Там много кто нарисован. И альвы, и двары, и...

- Подойди к центральной доске с маленькими квадратиками и полосками, - приказал Узкий.

Магану послушался, а сам «рубо» остался стоять у входа.

- Нажми двойную полосу в нижнем левом углу, - продолжал он оттуда. - Просто прикоснись пальцем.

- Ой! Оно стало светиться! И картинки какие-то...

- Все правильно. Подожди чуть. А теперь, пожалуйста, во втором ряду сверху четвертый квадратик справа. Молодец. В четвертом ряду пятый квадратик слева. Затем снова во втором ряду, но теперь уже третий квадратик с той же стороны...

Так продолжалось несколько ушев подряд. Наконец Магану не выдержал и обернулся:

- А-723, я устал, зайди сюда и нажми сам!

- Я не могу войти в эту комнату.

- Почему?
- Ты не поймешь.
- Отвечай мне! Ты раб и должен говорить, когда тебя спрашивают!
- Я не твой раб.

Магану обернулся и топнул ногой, поедая возмущенным взглядом неподвижную тонкую фигуру, стоящую в проходе, на сером фоне коридорных стен.

- Ты издеваешься надо мной!

- Нет.

- Так ответь!

Впервые Магану ждал ответа так долго. Обычно А723 отвечал всегда без промедления. А тут после паузы, словно раздумывал:

- Ты можешь взять картинку, которая висит сверху перед тобой?

Магану задрал подбородок и, нахмурившись, заморгал на квадратик с нарисованным дваром.

- Нет. Слишком высоко.

- Тогда продолжай нажимать. Второй ряд снизу, шестой квадратик слева.

- Это рабская работа... - заскулил Магану. - Делать так много своими руками... Я устал...

- Хорошо. Возвращайся в оранжерею и готовься к жизни раба. Скоро мы будем у Дальнего Дома.

- Нет, я не хочу!

- Тогда продолжай нажимать. Второй ряд снизу, шестой квадратик слева.

Магану сморщился и, простонав, начал отсчитывать квадратики...

Я валялся на койке, таращился в потолок и думал над Васиной просьбой. Стихов ему, значит, подавай... я уже почти забросил это баловство. Да и как писать про чужие чувства? Есть в этом что-то непотребное. Хотя, наверное, настоящий поэт в силах выдать качественный текст на любую тему. Маловразумительные сублимационные чувства к безвестной даме вполне за такую покатят.

Ладно. Как ее там? Анна? Блондинка? Операторша? Нет, здесь не накопишь. Хорошо, пойдем с другого конца - от Васи. Как он говорил? Любил не одну, да и тогда не только о ней думал... ну ясно, что не первая...

И тут неожиданно проклюнулось. Я вскочил с койки, нервно нашарил ручку на столе, схватил листок и принялся строчить, пытаюсь уловить ускользающие образы, сплетения слов... А ведь как все просто оказалось.

Я не одну тебя любил,
Не о тебе одной я думал,
Был среди будничного шума,
Не только твой мне образ мил.

Не вспоминал я каждый час
Твои глаза, твою улыбку,
И было призрачно и зыбко
Все то, что связывало нас.

Не ждал, что ты вот-вот придешь,
Что завтра я тебя увижу,
Не уповал, что станем ближе...

Но ты исчезла вдруг - и что ж?
Осенних дней сырая жижа,
Да сердца суетная дрожь...

С последней строфой пришлось повозиться. Раза три переписывал. А в остальном стишок вылился на бумагу на удивление быстро и гладко. Даже черкать не особенно довелось. Впрочем, тут ведь ничего особенного и нет. Но для Васи сойдет. Как там у Гейне? «Красивые рифмы нередко служат костылями хромым мыслям». Вот-вот. Оно самое.

Я, по правде сказать, боялся, что не сложится, не выйдет. Тогда пришлось бы поискать что-нибудь из своей старой любовной лирики. Но нет, обошлось. Все-таки есть еще порох в пороховницах.

Отсканировал рукопись, перевел в печатный текст, подхватил вылезавший из щели принтера листок с аккуратными строчками. Ну что ж, пожалуй, самое время отнести заказчику. Пока эйфория не прошла. А то потом, как пить дать, разочаруюсь и сотру.

В приподнятом настроении вылетел в коридор и зашагал по знакомому маршруту. Навстречу попался один из механических болванов, на радостях отвесил ему подзатыльник. С того конца приметил лысого пацаненка, подмигнул ему. Тот стремглав кинулся за угол. Забавный дикаренок.

Эх, давненько не случалось у меня такого прилива положительных эмоций. Все-таки прав я был с выбором хобби. Почаще бы только.

Вася меня не ждал, и даже взглянул как-то испуганно.

Не говоря ни слова, я сунул ему распечатку и скрестил на груди руки. Спустя минуту выразительно кашлянул:

– Ну как?

Что ни говори, а поэт всегда испытывает волнение, наблюдая, как скользит по строчкам взгляд первого читателя. Скепсис и самокритика лишь род психологической защиты. Как ни ругай себя, а отзыв первого читателя спокойно вряд ли кому удастся выслушать. По крайней мере мне не удастся.

Прочитал. Приподнял брови. До чего же забавное выражение лица!

– Это... – подбирает слова, – хороший стих. Правда. Мне нравится. Очень... складный и... красивый.

– Что не так?

– Да знаешь... Как-то неудобно мне начинать... то есть возобновлять знакомство с сообщениями, что она у меня была не одна.

– А это не так?

– Так, но...

– Лучше приврать?

Вася озадаченно хмыкнул, глядя на листок бумаги.

– Ну, вообще-то все сказано верно. Даже на удивление. Так и было, да. Только вот насчет жижи сырой... это откуда? Мы ведь на борту все это время были.

Я вздохнул.

– Образ такой. Поэтический. – Ну не признаваться же, что это просто рифма так легла и остальное продиктовала? Да и вообще, чай, не бытописание с меня требовали.

– Да-да, конечно. Я понимаю. – Софронов по-прежнему не сводил задумчивого взгляда с четырех аккуратненьких строф.

Усмехаюсь.

– А ты точно уверен, что она красивая?

– Да. А что?

– Тогда ей скорее всего не понравится.

– Почему это? – Вася наконец опустил руку с листком и посмотрел на меня. Снизу вверх.

– Красавицам, как правило, вообще не нравятся стихи. Их ими перекормили.

С этим я его и оставил.

Почти половину дня Магану проспал, кутаясь в одеяло в своем «гнездышке». Смутно запомнилось, как рано-рано его разбудил А-723, просунув узкую голову сквозь листья, он

предупреждал, что никому нельзя рассказывать про их ночной поход, а потом оставил пищевую шкатулочку и ушел. Магану положил горячий брусок на пол, рядом с горшками и уснул. Потом его снова разбудили, на этот раз Энмеркар, который сказал, что уже устал ждать, пока Магану проснется, и что хочет сообщить ему кое-что интересное. Чтобы не обидеть друга, мальчик через силу пробурчал, что с удовольствием послушает рассказ, только если можно, лежа и с закрытыми глазами, нет, он не спит, просто так слушается намного лучше, потому что, когда глаза закрыты, то... тогда крепче...

Энмеркар что-то говорил ему над ухом, про волшебное место, которое переносит в Дальний Дом и обратно... а дальше приснилось, что он оказался среди высоченных квадратов, испещренных дырками, над головой было синее, в белую крапинку небо, вдалеке краснели зубастые стены и высокие деревья, но не на ярусах, а прямо на земле. И вокруг было много-много тюремщиков, они скалились и гонялись за Магану, обещая разрезать на маленькие кусочки и изучить. Тут из-за угла показался Энмеркар и поманил рукой. Он кинулся к другу, но за два шага до цели отовсюду вспыхнули голубые лучи и Магану понял, что его просветили изнутри и изучили.

– Ну вот, я же говорил, что это не больно, – сообщил Энмеркар. – Теперь ты тоже землянин! А потом Магану проснулся. Голова была ужасно тяжелая и веки все время слипались. Конечно, друг уже давно ушел, а пищевая шкатулочка совсем остыла. Мальчик без удовольствия кое-как запихал в себя холодную серую кашу, после чего вылез наконец из зарослей и отправился в коридор, последить за тюремщиками.

Пройдя к жилой части, он увидел удаляющегося А723. С того конца навстречу ему выскочил Бледная Вонючка. Узкий проговорил что-то тюремщику, а тот, усмехнувшись, с размаху ударил «рубо» по голове. Магану сжался от страха. Землянин заметил его, нервно дернул левым глазом и зашагал к нему по коридору.

Мальчик бросился наутек, в оранжерею, в кусты, затаиться, слушать... Почему Бледная Вонючка бил Узкого? Даже рабов не бьют просто так. Неужели... им все стало известно?

Вечером того же дня, как я отдал стишок Софронову, нас собрал Тези Ябубу.

– Через трое суток мы выйдем к точке связи, – сообщил он, когда мы наконец дождались русского и тот уселся за общий стол. – По плану произойдет обмен капсул во флуктуационном узле. В связи с этим у меня две просьбы.

Оглядев нас, словно строй перед битвой, Тези Ябубу вздохнул и продолжил:

– Первая. Те, кто желает передать личные сообщения, отправьте тексты мне по сети до двадцати ноль-ноль завтра. Вторая. Как исполняющий обязанности капитана я должен отослать в ЦУП промежуточный отчет о контакте с сангхитами. Как мы все понимаем, учитывая специфику минувших событий, задача требует крайне взвешенного подхода. От нашей официальной, – индеец понизил тон на последнем слове, – позиции могут зависеть судьбы не только каждого из нас, но и земляно-аганских отношений в целом. Мною были составлены два варианта отчета. Прошу вас ознакомиться и высказать свое мнение. Было бы желательно по возвращении на Землю всем держаться одной линии, которую, я надеюсь, мы сегодня согласуем.

Он еще что-то добавил в том же мрачно-пафосном духе, а затем собственноручно раздал каждому по два комплекта распечаток. Надо же какая секретность! Будто нельзя было скинуть их по сети, чтобы мы пришли уже готовые. Меня особенно умилило, что тексты даже выведены были на разноцветной бумаге: «вариант один» на желтенькой, а «вариант два» – на малиновой.

– Различие начинается с восьмой страницы, – сообщил Тези Ябубу, дабы сэкономить нам время.

Что поделать, пришлось читать. Последующие минут сорок в кают-компании тишина нарушалась лишь шелестом страниц да вздохами Софронова. Читать стал даже индеец, видно, чтобы занять себя на это время или взвесить все еще раз.

На первых страницах довольно подробно излагались наши происшествия по пути на Аган и

собственно посадка. Очевидно, основой для этой части послужили еще записи Мусы. Впрочем, существенно подкорректированные. Например, памятный скандал с утерей данных превратился в нейтральное упоминание о произошедшем сбое, из-за которого пострадала информационная база. Но о роли Софронова не было ни слова. Мне, кстати, до сих пор непонятно, как русскому удалось уничтожить без следа не только текст, но и все резервные копии, даже автоматические?

Сам Вася в своем неофитском порыве однозначно приписал это проискам анаким. Что уже, на мой взгляд, явный перебор. Вчера вот у меня от псевдорастительной пищи живот пучило – тоже, что ли, бесы виноваты? Или им заняться больше нечем?

В общем, аккуратно после посадки началось расхождение в отчетах. И чем дальше, тем пуще.

По «варианту один» выходило, что капитан аль-Ас вопреки земным инструкциям назначил переговорщиком ксенолингвиста Софронова, а прочие члены экипажа приняли участие в культурной программе встречи, – на этом месте я не сдержал усмешки, – затем на переговорах возник конфликт, обусловленный изначальным взаимонепониманием. В это время погиб, упав с крыши, капитан аль-Ас, остальных членов экипажа, в том числе и переговорщика, арестовали. Ну а дальше «Аркас», согласно программе, выпустил «искателей», которые напали на город сангхитов и были уничтожены. Желая уstrasить переговорщика, сангхиты угрожали ему ритуальной расправой, однако не привели ее в исполнение, но отпустили землян. Психолог Бонго остался по своей воле, чтобы продолжать исследования. Жители Агана, в свою очередь, попросили забрать двух подростков, детей высших чиновников.

Вот такая выходила петрушка.

«Вариант два» был куда более радикальным. С самого начала постулировалось влияние анаким – в предыдущем варианте о них упоминалось лишь в контексте информации, полученной от сангхитов. Сангхиты ожидали, что мы поможем им свергнуть тиранию анаким, однако почти все члены экипажа, кроме Софронова, оказались марионетками этих злых духовных существ, ну и так далее, в том же духе. Муса был убит, спасла нас благодать Божия, Бонго остался на Агане, так как стал одержимым, а двух подростков мы забрали, потому что иначе бы их принесли в жертву анаким.

Поскольку второй вариант я проглядывал по диагонали, то закончил читать раньше всех. Посмотрел на лица коллег. Все они держали в руках малиновые листочки. Вася читал с неподдельным вниманием, буквально впиваясь в каждую строчку, даже вздыхать перестал. Тези Ябубу хмурился, скорее смущенно, чем раздраженно, и машинально кусал губу. А на лице Суня никаких особых чувств прочесть не удалось. Универсальная внимательно-вежливая маска. Интересно, как он будет обсуждать текст? Опять отомолчится?

Софронов глубоко вздохнул и отложил листки на столешницу.

– Разумеется, второй вариант! – заговорил он, не посмотрев даже, дочитали ли остальные. – Тут и обсуждать нечего!

– Видишь ли, Вася, – осторожно заговорил Тези Ябубу, поднимая взгляд от строчек. – Вне контекста нашего опыта второй вариант выглядит достаточно специфично. Подумай сам, как его воспримут в ЦУПе.

– Да нас просто будут ждать санитары у трапа! – вставил я свое веское слово.

– Спасибо, Клаус. Это, конечно, крайний вариант, однако, согласись, у людей на Земле могут возникнуть неадекватные интерпретации второго варианта отчета.

Русский удивленно хлопал ресницами, переводя взгляд с меня на Тези Ябубу и обратно. Сунь молчал.

– Да вы что, ребята? – спросил Вася и постучал пальцем по желтеньким листочкам. – Это же ложь.

– Где именно? И в чем? – Выдержке Тези Ябубу можно было только позавидовать. С таким терпением объяснять очевидные вещи! Меня бы на это не хватило.

Софронов хмыкнул, подбирая со стола листки.

– Полуправда – та же ложь. Не делай вид, будто не понимаешь этого. Конечно, утверждение,

что «Муса погиб, упав с крыши», формально не является ложным, однако оно весьма отличается от «Муса был убит, будучи сброшен с крыши». Неужто здесь никто, кроме меня, не видит разницы? Принципиальной разницы?

– Мы не знаем точно... – заговорил я, но русский меня тут же перебил:

– Это ты-то, Зеберг, не знаешь?

Эх, как же меня подмывало напомнить сейчас этому правдолюбцу про то, что всего пару часов назад он говорил относительно моего стихотворного «варианта два» его чувств к земной операторше. Вот бы фанатичного блеска в глазах сразу поубавилось. Но я сдержался. Все же какое-никакое терпение и у меня найдется.

– Вася, пожалуйста, не заводишь, – вступился Тези Ябубу. – Мы сейчас не на суде. Речь идет лишь о промежуточном отчете. По этим строкам начальство будет выносить предварительные выводы. И то, как нас встретят и как будут воспринимать наши последующие слова, зависит от этого. Наш опыт слишком разительно отличается от их опыта. Они заведомо не поймут. Вспомни, как долго мы сами не могли понять и признать, даже находясь там, даже ощущая это в самих себе! А ты требуешь этого от людей, которые просто прочитают несколько строк с экрана или распечатки? Вот когда мы вернемся и сдадим все записи призапов и сканеров, они получат материал, который сможет стать основанием для верной трактовки событий. Сейчас же это невозможно.

Вася сцепил перед собой руки и склонил голову. Пару секунд он молчал, будто и впрямь размышляя над прозвучавшим манифестом здравомыслия. Наконец отреагировал:

– Я все понимаю, твои выводы небезосновательны. Но не могу согласиться с тем априорным убеждением, будто, посеяв ложь, можно потом пожать добрые плоды. Нет, Тези Ябубу. Я против. Вспомни, кого называют «отцом лжи». Я категорически против «варианта один».

Сказал и выпрямился. Ага, ну чего еще можно было ожидать? Мракобес, ретроград и обскурант. Упертый. Классический. Любуйтесь на него.

– А я категорически против «варианта два», – осталось сообщить мне. – Итак, принципиальные позиции зафиксированы. Предлагаю поставить вопрос на голосование.

Тези Ябубу нахмурился.

– Вася, ты озвучил свою окончательную позицию?

– Да.

– Что ж, тогда действительно остается лишь проголосовать.

Ну, понятно, как голосовали мы с Тези Ябубу, а как – Софронов. Все повернулись в сторону китайца.

– Сунь, ты за какой вариант?

И тут он отмочил фокус – молча подвинул вперед малиновые листки. Чем поверг меня в ступор. Тот Сунь, которого я знал до Агана, был вполне здравомыслящим человеком. Да, что-то диковинное, видимо, прячется в его голове за стеной молчания.

Исполняющий обязанности капитана приподнял брови и откинул выбившуюся прядь черных волос за спину.

– Значит, два на два. В таком случае я самостоятельно принимаю решение отправить первый вариант. Всю ответственность за последствия беру на себя. Каждый из вас волен в своем отчете на Земле изложить факты так, как сочтет нужным. Всем спасибо, все свободны.

«Уважаемые правители планеты Земля!

Благодарим за высланную вами делегацию. К сожалению, произошел досадный конфликт. Погиб один землянин и один аганец. Мы приносим глубочайшие извинения. Надеемся, что инцидент исчерпан. В качестве гаранта мира с вашими представителями был совершен обмен заложниками. Два сына из знатных родов направлены к вам. В качестве знака раскаяния мы ограничились лишь одним заложником с вашей стороны. Его здоровью ничего не угрожает. Убедительно просим впредь не направлять к нам делегаций, если мы сами не пригласим.

С уважением,

раса сангхитов,
галактика Млечного Пути,
звезда Уту, планета Аган».

Это было самое неожиданное из всего блока информации, полученной с Земли. Кроме этого нам заслали кое-какие технические данные для предстоящей через полгода стыковки и приземления «Аркаса», Тези Ябубу утвердили в должности капитана, а еще выдали краткую сводку новостей. Чтобы мы от жизни не отстали, так сказать. Против ожидания, новости оказались на редкость пресными. У нас переизбрали канцлера, палестинцы и израильтяне в сотый раз сели за стол переговоров, кубок мира по футболу достался португальцам... И все в том же духе. Невыразительно, непрезентабельно, скучно.

Из личного я получил только записку от матери. Несколько строк. Привет от отца, Кристи и Мартин, и тети Берты. Все меня ждут, поздравляют с приближающимся Рождеством и желают благополучного возвращения. У них все хорошо, только опять умер Барсик, и они клонировали его заново. У Кристи родился второй сын. Назвали...

Тут письмо оборвалось. Я глянул статистику – так и есть. Не уложились мама в отведенные полсотни знаков. Это на нее похоже. Но и эти формалисты из ЦУПа могли бы исключение сделать. Обалдуи.

Казалось бы, не так важно именно сейчас мне знать, как нарекли моего нового племянника, а все равно неприятный осадок. Кроме этого, пожалуй, больше ничего и не тронуло во всей корреспонденции.

Подумалось, что сангхиты тоже изложили своеобразную версию событий. Которая оказалась на удивление созвучна нашему «варианту один». Да, на удивление...

Интересно, как там Анна отреагирует на мои стишки?

После той ночи Узкий перестал разговаривать с Магану. Он, как и в первые дни, приходил трижды в сутки, приносил шкатулочку с едой, забирал пустую и молча уходил. Сначала мальчик думал, что он, быть может, сказал или сделал что-то не так, и «рубо» обиделся, потом думал, что А-723 пытается тем самым соблюдать осторожность, на случай, если тюремщики заявятся... Но потом ему надоело гадать и однажды вечером он схватил Узкого за его холодную руку и спросил:

– Эй! Почему ты перестал говорить со мной?

– В этом нет необходимости. – Голос Узкого был, как обычно, равнодушным.

– Но у меня есть! Я хочу узнать больше про землян. Расскажи!

– Мне некогда. У меня много других обязанностей.

– Но раньше у тебя хватало времени!

– А теперь не хватает. Магану, ты просил меня помочь, и я помог. Теперь просто молчи о той ночи и жди. Мы развернули корабль, и тюремщики об этом не знают. Скоро ты будешь дома. Но если хоть кому-то проговоришься – все усилия окажутся напрасными, и на Далеком Доме тебя подвергнут самым жестоким мукам.

– Про муки ты ничего не говорил, – испуганно протянул мальчик.

– А теперь сказал. Все. Мне надо идти.

И «рубо», выхватив руку из ладони Магану, зашагал к выходу.

Мальчик нахмурился и почесал в затылке, глядя вслед удаляющемуся А-723. Потом сел на пол, рядом с оставленной им пищевой шкатулочкой. «Станный он какой-то. Интересно, что с ним будет, когда мы прибудем на Аган? Я попрошу отца, чтобы Узкого и его друзей сделали свободными. Но их всего трое. Все другие „рубо“ и „завод“, где они рождаются, останутся на Далеком Доме. Получается, Узкий, помогая мне, решил на то, чего боялся я? Хотя, с другой стороны, у нас ведь его не будут изучать».

Однако, поразмыслив еще, Магану понял, что, конечно же, их ученые захотят узнать получше о «рубо». Ведь с этим ни в какое сравнение не идут машины дваров. И, конечно, аганские

ученые захотят узнать и о внутреннем строении земных «рубо». Ведь это может быть полезно великому сангхитскому народу. И пожалуй, сам Магану если бы не улетал с Агана и не оказался здесь, а в Доме Табличек услышал, что каких-либо чужаков стали изучать, то нисколько не возмутился бы этим, приняв как должное.

Теперь он совсем запутался и чувствовал себя очень неудобно. Савершенно неожиданно Магану впервые поставил себя на место ненавистных землян, посмотрел на ситуацию их глазами и даже невольно разделил их логику.

«Нет, когда мы прибудем на Аган, я обязательно упрошу отца, чтобы не исследовали Узкого и его друзей. По крайней мере до их естественной смерти. Мой отец большой человек при царе, его обязательно послушают».

И об этой теме он старался больше не думать.

Срочный вызов. Тревожные гудки из динамиков. Я аккуратно застегнул комбинезон, причесался, брызнул одеколоном и покинул каюту. В коридоре – завывания, та же «музыка» сверлит мозги, прямо-таки понуждает убыстрять шаг. Приходится сдерживать себя. Наверняка какая-нибудь ерунда. Небось дикий пацаненок что-нибудь нагадил. Не верится, что может быть что-то серьезное. Не хочется верить.

В кают-компании все уже сидят, ждут меня. Тези Ябубу напряженный, как тигр перед прыжком. По глазам видно и по застывшим чертам лица. Вася недоуменно хлопает ресницами, ясно – не в курсе. Сунь как всегда невозмутим, по крайней мере на его раскосом лице ничего не прочитаешь. Голографический экран над столом развернут, но пока прозрачен – пуст.

На мое приветствие ответил только русский. Неужто и впрямь что-то серьезное стряслось? В душе начинает просыпаться раздражение. Ну почему мы хотя бы обратно долететь не можем без эксцессов?

Едва я уселся, новоиспеченный капитан принялся чеканить:

– Обойдемся без вступлений. Мы прибыли в звездную систему и в настоящее время находимся на верхней орбите планеты земного типа. Но это не Земля.

Он полез правой рукой под панель, щелкнул кнопкой – и перед нами сверху вспыхнуло зелено-голубое изображение. Разумеется, планета. С одним большим континентом и несколькими крупными архипелагами. Разумеется, не Земля. И не Аган.

– Бортинженер Сунь, я хочу выслушать ваши объяснения.

Сунь молчал, задумчиво глядя на голограмму.

– Бортинженер Сунь, я приказываю вам говорить.

– Да, капитан. – Голос китаец показался незнакомым – настолько я отвык от него за прошедшие месяцы. – Как известно, программа старта, цели и конечного торможения была задана для «Аркаса» еще на Земле. В мои обязанности входит проверить и при необходимости корректировать задачу в точке старта с Агана.

– И вы проверили?

– Так точно. Когда мы стартовали, я просмотрел параметры.

– Конечной точкой полета стояла Земля? – Речь Тези Ябубу все более походила на допрос, мы с Васей оставались немymi свидетелями, которые, по-видимому, просто ждут своей очереди.

– Да.

– Вы уверены?

– Я проверял автоматический бортовой журнал. Координаты были установлены на систему Солнца.

– Значит, на Агане сангхиты не вносили корректив. Следовательно, они были внесены в пути. А поскольку точку первой связи с ЦУПом мы пересекли успешно, логично сделать вывод, что изменения появились после этой даты.

– Не обязательно, – спокойно возразил Сунь. – Параметры могли быть скорректированы заранее с учетом прохождения точки связи, так удобнее всего усыпить наше внимание.

До меня постепенно начала доходить вся дикость ситуации. Нас занесло не пойми куда, а эти

двое обсуждают это, словно положения чьей-то диссертации!

- Бортовой журнал должен был отметить дату изменения курса, не так ли?

- Так. Однако изменений не зафиксировано. Я проверял. Судя по всему, сбиты сами навигационные настройки. Компьютер считает, что доставил нас в Солнечную систему. Моих навыков недостаточно, чтобы проследить такой уровень программных изменений.

- Для этого у нас есть программист, - гробовым тоном произнес Тези Ябубу и обернулся ко мне. - Я слушаю вас, Зеберг.

Прежде чем ответить, я откинулся на спинку стула, чтобы хоть как-то снять напряжение. А то еще, не приведи Господь, голос дрогнет, как тогда, у старца в келье...

- Я думаю, это дело рук сангхитских пацанят.

- Ты считаешь, что перепрограммирование корабельного компьютера сделали два малолетних подростка, которые даже ложкой есть не умеют?

Я развел руками:

- Зачем гадать? Давайте проверим. Навигационные изменения можно внести только с терминала, который находится в рубке. Достаточно просмотреть записи камер-самописцев по этому отсеку. Не обязательно смотреть все. Только фрагменты, в которых зафиксировано появление людей.

- Сколько времени это займет?

- Полчаса максимум.

- Возможно, это не людских рук дело, - тихо проговорил Софронов.

- Позволь мне все-таки сначала проверить мою гипотезу, хорошо?

Он пожал плечами.

- Ты можешь провести эту операцию здесь? - поинтересовался капитан, сбиваясь на «ты».

- Если прикажете, - не удержался я.

- Приказываю.

- Слушаю и повинуюсь.

Я достал из-под столешницы сенсорную панель, активировал, ввел свой пароль. Вместо медленно вращающейся планеты над нами возник шестиугольный экран - ненавязчивое напоминание о тех временах, когда за этим столом не пустовали два кресла. Далее - перейти к самописцу, выбрать необходимый раздел, загрузить параметры - дело трех минут. Все три минуты в кают-компании висело молчание, только Вася однажды тяжело вздохнул.

Наконец пошли записи. Первый фрагмент, естественно, был записью старта с Агана. Я включил двойную скорость. На экране маленький Сунь в скафандре на несколько мгновений склонился над панелью терминала. Было видно, что он только проверяет, а не задает параметры. Затем уселся в кресле, застегнулись ремни, и минуты полторы бортинженер просто сидел - хотя, конечно же, всем было ясно, что Сунь переносил при этом сильнейшие стартовые перегрузки, когда мы лежали в «саркофагах».

Потом изображение дрогнуло, перескакивая на следующий фрагмент. В рубку снова вошел Сунь, на этот раз без скафандра. В руках у него был бумажный прямоугольничек, который Сунь аккуратно прикрепил прямо над панелью. Потом, отступив, неловко перекрестился. Только тут до меня дошло, что это иконка. Распечатав на принтере, мы их всюду расклеивали сразу после старта.

А на экране маленький Сунь обратился к панели и снова просмотрел параметры. Но никаких новых данных не вносил, почти и не касался. Затем, еще раз глянув на иконку и почему-то поклонившись ей, ушел.

И опять изображение дернулось. Новый фрагмент. В пустую рубку входит лысый подросток. Сангхит! Мы вздрогнули, я почти физически ощутил, как напряжение хлестнуло по всем нам. Вася импульсивно подался вперед, а капитан даже привстал.

Тем временем пацаненок, хмуро озираясь, приблизился к пульту, оглянулся на вход и начал стучать по кнопкам, вводя информацию.

Тези Ябубу с шумом вскочил.

- Вася, это какой из них?
- Магану, - механически ответил ошарашенный Софронов.
- Сунь, лови! - Капитан бросил бортинженеру черный прямоугольный брусок с красной окантовкой.
- Тези Ябубу, ты что задумал? - очнулся русский. - Не забывай, это всего лишь ребенок!
- Я помню. А это всего лишь парализатор. Выходим! Зеберг, пойдешь с нами. Софронов, останешься здесь. Это приказ.

Мы вылезли из-за стола и втроем направились к выходу.

- Куда вы? Не надо глупостей! - крикнул нам в спины Вася.
- В оранжерею, - процедил, не оборачиваясь, капитан. - Жди нас здесь.

Мы выскочили в коридор. Внутри у меня зудело, а в голове никаких связных мыслей не наблюдалось. Тези Ябубу шагал не просто быстро - стремительно, мы с Сунем едва поспевали за ним. Все-таки почти полгода «спячки» явно не к добру в плане физической формы. Переходить к активным действиям тяжело.

По пути, в коридоре второго жилого, мы наткнулись на одного из электронно-пластиковых болванов.

- А-723, мальчик находится в оранжерее?
- Да, капитан.

И - дальше, оставив робота позади. Я нахмурился. На секунду мне показалось, что сквозь глаза-диоды пластиковой маски на меня взглянул кто-то. Кто-то живой. Очень глупое, но навязчивое ощущение.

Некогда было рефлексировать - обойдя вход в оранжерею, мы ворвались внутрь.

Беглого взгляда было достаточно, чтобы изумиться. Давненько я сюда не заглядывал. И даже представить не мог, до какой степени можно изгадить это милое место! По полу была рассыпана земля, листья пооборваны, стены вымазаны какой-то гадостью...

Повинуясь приказу, Сунь пошел по левой стороне от зарослей, Тези Ябубу по правой, а мне велели оставаться у выхода. Поймать гаденыша удалось не сразу. Почувяв, к чему дело идет, он стал метаться, потоптал папоротники, опрокинул гортензию, укусил замешкавшегося Суня... Один раз выбежал на меня, весь грязный, вонючий, с горящими от злобы глазенками - я растопырил руки, пригнулся, готовясь схватить его, но сангхит в последний миг увернулся и драпанул обратно, тут же угодив в цепкие объятия Тези Ябубу.

Пацаненок стал вырываться и даже пытался пнуть его, и немедленно получил разряд парализатора, после чего обмяк. В общем, то еще приключеньице выдалось.

Запихав пацаненка в старую каюту Бонго, заперев и заблокировав снаружи, мы, наконец, выдохнули и вернулись в кают-компанию. По пути Тези Ябубу распорядился, чтобы роботы навели порядок в оранжерее.

Вася сидел в своем кресле и взирал на нас с самой крайней мрачностью. Не понравилось, наверное, что Тези Ябубу наконец стал капитаном не только по статусу.

- Что вы с ним сделали?
- Заперли в каюте.
- И что дальше?
- Об этом сейчас и поговорим, - ответил индеец, усаживаясь на капитанское место. Мы, естественно, тоже расположились. Сунь отрешенно потирал укушенную руку, а я, не дожидаясь приказа, начал вводить ограничения доступа и временно блокировал все пароли, кроме собственного и капитанского. А далее...
- Магану не мог это сделать сам!
- Вася, ты же видел запись, - кажется, Тези Ябубу несколько успокоился и отбросил, наконец, этот глупый официоз на манер Мусы. Вернулись собственные интонации, но общая решительность осталась. Надеюсь, надолго.
- Вот именно. Я смотрел ее целиком, в отличие от вас. Дальше на записи явственно видно, что

Магану постоянно оглядывается на кого-то, кто стоит в дверях, иногда спорит. Но выполняет то, что ему диктуют. – Последние слова Вася выделил голосом.

Мы переглянулись.

– Клаус, покажи еще разок запись этого момента.

– Да, капитан.

Мне пришлось прерваться, чтобы перейти по знакомым файловым схемам к нужному разделу. Задал параметры, поднял взгляд вместе со всеми и уставился на экран. Знакомое начало: чумазый бритый мальчонка пробирается к пульта, оглядывается... и тут запись оборвалась, сменившись красной табличкой: «файл поврежден».

Мне это очень не понравилось. Повеяло сразу чем-то тухлым от такого фортея. Хотя, может, действительно совпадение...

– Зеберг, в чем дело?

Эх, Тези Ябубу! Все-таки официальные полномочия делают человека тупее. Набравшись терпения (разговор с начальством, как и с душевнобольными, требует исключительного терпения), я ответил:

– Файл поврежден.

– Не паясничай, Клаус. Почему поврежден? Кем? Есть ли возможность восстановления?

– Сейчас посмотрю. Проверяю резервные копии... Пожалуйста, секунду терпения... Хм!

– Тоже повреждены?

– Видимо, да.

– Причина?

– Нужно время, чтобы узнать.

– Можно попробовать посмотреть записи камеры в коридоре у входа в рубку, – сказал Вася. – Там должен быть виден тот, кто управлял Магану.

Скептически покосившись на русского, я промолчал, продолжая анализ поврежденного файла.

– Сделай, как он говорит, – подал голос Тези Ябубу.

– Хорошо, – вот теперь подчинюсь.

А то Вася никак не отвыкнет командовать. Серый кардинал, тоже мне.

Запись с этой камеры за соответствующее число также оказалась фатально повреждена, вместе со всеми копиями.

– Продолжай искать причины, – кивнул капитан. – Мы не выйдем отсюда, пока не будет ясно, кто и как ведет диверсионную деятельность на нашем корабле. А пока вернемся к первому вопросу. Сунь, можешь ли ты установить наше местоположение?

– Я успел провести только стандартную проверку. Безрезультатно. Диверсант не корректировал курс «Аркаса», но искажил саму систему навигационных координат. Мне нужно время.

– Приступай здесь и сейчас.

Китаец отвесил легкий поклон и достал из-под стола панель. Я своевременно отвлекся и снял блокировку с его пароля, дабы не возникло лишних вопросов.

– Что ж, а мы с тобой, Вася, побеседуем о Магану. Насколько я знаю, за все время пути самое большее, в чем нам удалось достичь взаимопонимания – так это приучить его справлять нужду в туалете.

Я невольно хмыкнул.

– Мне казалось... – Вася запнулся, глядя на сцепленные у живота руки. – То есть я надеялся, что с течением времени он обвыкнется и поймет, что мы не представляем для него угрозы, мы не тюремщики... Ведь поначалу ему тут нравилось. А потом... не знаю, что он себе напридумывал. Я даже перестал закрывать его дверь. И когда он переселился в оранжерею, оставил как есть, рассчитывая, что Магану из опыта своей реальной свободы поймет собственное заблуждение и переменит мнение о нас.

– Однако этого не произошло.

– Да. Но что я должен был сделать?

- Запереть гаденыша в каюте Бонго и держать, пока вся дурь из него не выйдет, - вставил я «свое веское», не отвлекаясь от экрана. - По крайней мере нас бы не занесло не пойми куда.

- Ты всерьез говоришь, Зеберг? - развернулся ко мне Софронов с ястребиным взглядом. - Посадить ребенка под замок в совершенно чужом для него помещении? Почти на год?

- Да какие уж тут шутки! Видел я сангхитские апартаменты, ненамного больше они наших кают. Посидел бы пацан, ничего б с ним не случилось.

- Может, тебе будет интересно, - мрачно проговорил Вася, буравя меня взглядом. - Я знаю одного здорового мужика тридцати двух лет, который, оказавшись в инопланетной тюрьме, за сорок минут успел устроить две истерики.

- Вот, значит, как? - тут уж и я развернулся, ощущая, как хлынула к лицу кровь.

- Зеберг, ты закончил свое задание? - мягко спросил Тези Ябубу, но из-под этой мягкости рубануло таким холодом, что мне сразу стало не до препирательств.

- Простите, капитан. - Я снова уставился в экран, твердо зарекившись молчать и в разговоры с этими двумя не вступать вовсе, кроме прямых вопросов. Воистину, Сунь поступает мудро. Вот у кого стоило поучиться, вот кого стоило наведать вместо старца. Впрочем, он наверняка бы тоже молчал. Ну и пусть. Как там Эпихроний сказал? «Если молчание мое не назидает, то и слова бесполезны». Да, молчание Суня назидает, реально. Надо было пообщаться с ним. Жаль, не догадался раньше.

Пока мысли мои витали в подобных эмпиреях, рабочая часть сознания фиксировала последовательность шагов по распознаванию механизма диверсии. Кое-что интересное вырисовывалось. Полностью погрузиться в дело мешала болтовня Тези Ябубу и Софронова. Давно не приходилось работать в столь некомфортных условиях. Они все бубнили и бубнили на фоне. А я ловил себя на том, что невольно прислушиваюсь.

- Нам нужно будет разговорить его. Говорить буду я, ты - переводить.

- Я уже пробовал беседовать с ним. Неоднократно. Он просто убегает или молчит, или... в общем, не идет на контакт. Я уверен, и сейчас будет молчать.

- Смотря что сказать. Клаус в чем-то прав. Мы дали ему слишком много воли. Парень использовал это против нас. Это серьезная провинность, за которую он будет наказан. Эффект от наказания, тем более с учетом его страхов, может быть весьма ощутим.

- Это чудовищно! - Вася хлопнул ладонью по столу, и я от неожиданности вздрогнул. - Ребята, да вы что, с ума все посходили? Это ребенок! Один из двоих сангхитов, которых мы спасли сами знаете от чего. От того же, что ожидало и нас. Зачем ты хочешь его сломать? Зачем его вообще ломать? Чего ради? Ясно, что он был просто чьим-то орудием.

- Пусть назовет имя. Вася, мне неприятно это делать, но Магану должен стать на нашу сторону, либо придется ограничить вред с его стороны. Что еще ты предлагаешь?

Я локализовал внесение нарушений. То, что файлы запороли во время нашей «охоты» в оранжерее, и так было ясно, но точная привязка до миллисекунды дала точку опоры для истории изменений. Вхождений...

- Можно попробовать разговорить его через Энмеркара. В последние дни они постепенно налаживают отношения.

- Я думал над этим. Энмеркар может быть в сговоре с ним. Не надо махать руками, до тех пор, пока я не буду знать наверняка, мне придется иметь в виду все возможные версии.

- Но ведь в каюте Магану есть скрытая видеочкамера. Мы будем отслеживать их разговоры, чтобы ты мог убедиться, что Энмеркар не лжет нам. Хотя я и это считаю лишним, просто паранойя какая-то...

Гениально! Диверсант был явно не дурак. Хорошо выполнена обводка, слава Богу, что мы не успели совершить приземление! Теперь осталось найти, с каких дверей этот умелец заходит в систему... земные инженерные входы... нет, хотя было бы логично. Теперь пароли здесь присутствующих... мимо, мимо, мимо... совсем близко...

- Вася, то, что мы находимся на орбите неизвестной планеты, - не паранойя. То, что мы делаем с Магану, - вынужденная мера самозащиты. Видит Бог, я не хотел ничего подобного. Мне

нравится твое предложение задействовать второго мальчика, но, даже если Энмеркар никак не замешан, нам будет сложно объяснить, чего мы от него хотим, и еще сложнее убедить его сделать именно то, что нам надо.

- Но попробовать-то стоит. Это же самое логичное. Не надо давить ни на кого. Я все объясню. Я все сделаю.

- Вася, подумай, какую ты ответственность на себя берешь. Ни ты, ни я не психологи. Вот бы где Бонго пригодился.

- Ха! Готово! - Я осклабился, удовлетворенно откидываясь на жесткую спинку. - Прошу внимания. Важные новости! Во-первых, к вашему сведению, коллеги, мы все мертвы. А во-вторых, наш друг Бонго находится на корабле и, по версии компьютера, именно он является настоящим капитаном «Аркаса». С чем вас и поздравляю!

Спустя несколько ушев Магану смог пошевелить пальцами. Он лежал на холодном голом полу, в полутемной комнате, куда его бросили рассвирепевшие земляне. Магану плакал, беззвучно, чтобы не услышали эти, если они стоят под дверью. Плакал от страха и боли. Слезы стекали по чумазым щекам, а он не мог даже поднять руку, чтобы вытереть их. За что они схватили его? Не зря он так боялся Тесипу! Красный оказался самым злобным из тюремщиков! Почему А-723 не помог? Да, он раб землян, рабу невозможно выступать против господ. Но почему не предупредил? Не подсказал? Не помог спрятаться? Ведь Узкий называл себя другом...

Через два уха оцепенение начало спадать, руки, ноги, спину и даже живот неприятно кололо, но теперь удалось согнуться, уткнуться в ладонки и... Магану не выдержал и рассмеялся.

Получилось! Раз тюремщики так взбесились, значит... значит, не зря он промучался в ту ночь, нажимая на бесконечные квадратики. Получилось! Коробка-тюрьма вернулась домой. На Аган! То-то разозлились земляне! Некого вам теперь будет изучать!

Магану вскочил и от радости попрыгал на одной ноге, туда и сюда вдоль унылой тесной норы. Как же мудро было убежать отсюда в сад! Оставшись здесь, он не познакомился бы с Узким! Ах, как здорово! Скоро за ним придет отец. Вместе с воинами! И заберет их, его и Энмеркара, а глупые тюремщики останутся ни с чем!

Интересно, как папа попадет в коробку? Может, просто разрежет ее! Или разломает! Или перенесется сразу внутрь! Или его отсюда в один миг заберет! Уж что-нибудь придумает! Анаким могут и не такое, а у отца сильные анаким!

Магану запрыгнул на лавку и, усевшись, начал дрыгать ногами. Скоро. Скоро отец придет. Он им всем покажет! Ох, быстрее бы! Наружу, под переливчатую пелену неба, позолоченную очами Уту! Полетать над городом! А потом - к речке, искупаться, поиграть с рыбами! А потом - в сады, лазать по деревьям! А потом - в Дом Табличек, и всем рассказать про свои приключения! А потом - домой, обнять маму! Скорее бы...

Вдруг на стене возле двери замигал зеленый огонек. Магану соскочил с лавки и подбежал к нему. Послышалось тихое шипение откуда-то рядом. А еще запахло странно. Может быть, это А-723 пришел его выручить? Или... неужели отец? Но как... Магану ощутил слабость. Немыслимо захотелось спать.

Он сел на пол. Затем лег, свернувшись калачиком. Потом зевнул, закрыл глаза и уснул.

- Очень умно все обставлено. Сначала были подделаны сигналы с наших чипов и мы все разом оказались мертвыми. Кроме Бонго. В соответствии с инструкцией он стал капитаном «Аркаса» и получил со своего пароля неограниченный доступ к программным уровням. Затем настала очередь редактировать навигационные настройки. Мы прошли точку связи, а после этого свернули и оказались здесь. Кстати, если бы мы приземлились сразу, на автоматике, то скорее всего просто погибли, поскольку система не обеспечила бы нам саркофаги - как уже мертвым. На нас готовилось покушение!

- Но Бонго здесь нет! - воскликнул Вася.

- Конечно. Есть кто-то, пользующийся его паролем.

- Кто именно?

- Выясняю, капитан.

- Выясняй. И кстати, Клаус, как идет сканирование планеты?

- М-м... пока никак. В программе не было заложено сканирование Земли.

Муса бы за такой ответ получасовой разнос бы устроил. Помню, попал как-то под раздачу. «Вы - не придаток компьютера и не хронист программной деятельности. Вы - ответственное лицо, потому и отвечаете за промахи вы, а не программа», и так далее.

Однако Тези Ябубу просто сказал:

- Ну так заложите. Нам нужна карта и более детальное представление о планете.

Что ж, я мог бы догадаться и сам. Надо было раньше поставить. Запарка с диверсиями не извиняет тупости. Да, если тебя не ругает начальство, это приходится делать самому.

Я снова повернулся к экрану, а капитан - к бортинженеру.

- Удалось ли хотя бы примерно установить, где мы находимся?

- Где-то на окраине Млечного Пути, - вздохнул Сунь. - С того же краю, что и Солнечная система. Более точно установить пока невозможно. Кажется, тот, кто вносил коррективы, обладает заведомо большим знанием, чем вся земная астрономия.

- Сангхитские штучки, - вырвалось у меня.

- Анаким, - прошептал Вася.

- И что же, совсем нельзя узнать? - уточнил Тези Ябубу.

- Шанс есть. Небольшой. Если стереть все настройки и составить здешнюю звездную карту. Затем взять из базы звездную карту Земли, а потом - отсканированную карту Агана и сопоставить, идентифицируя звездочку за звездочкой, скопления, галактики, пульсары... Может получиться. И тогда будет шанс ввести правильные настройки и вернуться на Землю. Но эта работа требует очень много времени.

- Сколько именно?

- Затрудняюсь сказать, капитан. Сами понимаете, чем грозит ошибка в расчетах: мы просто заблудимся.

- Ну примерно? Неделю? Месяц?

- Несколько лет, - бесстрастно ответил Сунь.

Мы сидели, разинув рты и пытаясь переварить жуткое известие... А я-то, дурак, думал, что мое препарирование диверсии - самое важное, что сейчас происходит. Как же нас на самом деле глубоко макнули! Обвели! Опять! Как слепых котят! Поиграли!

Я ударил кулаками по столу и вскочил.

- Сейчас пойду и выбью всю дурь из этого гаденыша!

Вася неуклюже поднялся.

- Сядь на место! - заорал индеец, так что меня даже сквозь клокочущую ярость пробрало, и я успел удивиться - впервые довелось увидеть, как Тези Ябубу вышел из себя.

Постояв пару секунд, я заставил себя сесть.

- Надо узнать, кто управлял Магану, - опять Васькино словоизвержение, вот неугомонный, просто рот с пропеллером. - Он же испортил файлы, пока вы отлавливали пацана.

- Привлекать второго сангхита слишком рискованно. И долго. Ответ нужен немедленно. Я помню, Вася, ты работал над программой по переводчику с сангхила?

- Да, но он еще далеко не полон...

- Сгодится. Клаус, ты сможешь загрузить Васину программу в транслят?

- Пять минут работы.

- Так сделай. Я сам поговорю с Магану.

- Это ничего не даст! Он обижен, замкнут, если мы начнем давить на него, парень просто потеряется окончательно. Вот если бы можно было его как-то встряхнуть, вырвать из этой «тюремной реальности», поменять отношения... - Вася запнулся, и я вдруг почувствовал, что мы одновременно подумали об одном и том же. - Слушай, Зеберг, а что, если Магану поместить в виртокамеру... в эмуляцию земного города... те же столицы мира...

Я усмехнулся. Взвесил все «за» и «против», глядя, как пальцы правой руки барабанят по столу. Решился:

– У меня есть идея получше. Использовать другую эмуляцию. Я сам ее разработал в последние месяцы. Короче говоря... только не шибко ругайте меня, ладно?

Мы забились в виртокамеру, Сунь с Тези Ябубу занесли пацаненка, пока я снимал со стены виртокостюм.

– Не мешкай, – предупредил капитан. – Парень скоро проснется.

– Только две минуты! – Расстегнув молнию, я всунул ноги в штанины. Затем натянул костюм до плеч, прямо поверх комбинезона. – Я запрограммировал эту эмуляцию и знаю, что делать. Не забудьте раздеть мелкого.

Ну вот и все. Прodel руки в рукава, наспех засовывая пальцы в перчатки, рывком застегнулся и под напряженные взгляды напялил шлем.

Темнота. Инициация входа... меню... выбор: «Эпихроний»...

Я в пустыне. В груди заныла ностальгия, едва я огляделся. Надо же, оказывается, успел соскучиться по изломанному рельефу безжизненных скал, по застывшим бурунам песчаного моря, по пронзительно-голубому высокому небу...

Но вот солнышко уж слишком припекает. Конечно, подвальной частью сознания я понимаю, что на самом деле это всего лишь пластины шлема нагреваются батареями и можно подрегулировать температуру до вполне комфортного уровня, но... лучше этого не делать. Я так чувствую. Почему – долго объяснять. Даже себе.

Надо спешить! Сбрасываю оттягивающие плечо мехи с водой, бегу к скалам. Туда, где стоит келья. Темно-серая коробочка с окошком... Только сейчас ее почему-то не видно. Что такое?

На бегу, не сбавляя темпа, верчу головой. Что же это? Куда делась келья? Ведь по параметрам задан вход в пределах видимости... Неужто я перепутал... забыл... заблудился... или?..

Стоп. Останавливаюсь. Утираю лоб рукавом, пытаюсь совладать с одышкой. До рези в глазах вглядываюсь в окружающий пейзаж. Камни, песок, песок, камни... Внутри ужом сжимается страх, тянет все сильнее... Где же она? Господи, помилуй! О Боже, только бы не... Вот! Нашел! Скорее! Бегу, отталкиваясь ногами от вязкого, осыпающегося песка. Келейка потихоньку растет впереди, как и скалы за ней, можно уже различить промазанные глиной пальмовые стволы, черный прямоугольничек окна. Забавно я сейчас, наверное, выгляжу там, перед ребятами – бегущее на ровном месте и мотающее из стороны в сторону головой чучело. Ладно, плевать, пусть повеселятся. Хотя вряд ли им сейчас до веселья. Ох уж этот проклятый песок, ноги так и вязнут...

До двери добежал уже взмокший. Надо будет потом в душевую сходить. Забарабанил кулаком, скороговоркой протараторил молитву. Едва услышав «Аминь», ворвался внутрь, в полутьму, и мимо удивленного Филиппа, сразу на колени, к старцу:

– Батюшка! Простите! Помогите! Мы сейчас к вам паренька пошлем. Он... не обычный человек. И не христианин. Но с ним очень нужно... Примите его, пожалуйста. Мальчик сделал нам вред, но мы не хотим наказывать, просто хотим узнать, зачем он так поступил и кто его надоумил. Простите, я понимаю, что это все неудобно, что у вас тут своя жизнь, корзины, молитвы, но... нам это очень надо. Поговорите с ним, пожалуйста. Он не хочет общаться с нами, вообще нас не любит...

– А есть за что? – не поднимая головы, тихо, совершенно без укора спросил старец.

Я замолчал, хлопая глазами, будто споткнувшись и разом растеряв весь ворох эмоций...

– Встань, Клаус, – снова тот же негромкий, с еле слышной печалью, голос. – Чего перед скриптом-то на коленях ползать? Да и друзья ведь твои смотрят на тебя.

Мороз продрал по спине. Мышцы обессилели, а из головы словно разом вытряхнули все мысли. Не в силах подняться с колен, я осел вбок и замер, тупо глядя, как мозолистые пальцы старца неспешно сплетают прутья.

– Я просил тебя не приходить более, но ты пришел, – продолжал авва. – Я просил не играть с

этим, а ты втянул в игру и друзей своих. Ты просил у меня совета и клялся исполнить. Исполнил ли?

Горло стянула горечь и стыд.

– Прости, авва, – только и смог я из себя выдавить.

– У кого ты просишь прощения? – Голос стал строже, а пальцы старца вдруг замерли, и мне стало страшно. – Ты все равно сделаешь по-своему, что бы я ни сказал. Но хотя бы запомни то, что скажу сейчас. Запомни хорошенько, Клаус. Ради Господа.

– Да, отче!

– Меня нет. Есть лишь ваши хитроумные приспособления, которые выкачивают знания из древних книг и составляют по ним мои речи и поступки. Ты обманываешься сам, а теперь вовлекаешь в обман и остальных. Химеры, порожденные этими приспособлениями, никогда не могут стать живыми, никогда не могут сказать «я» сами от себя. Если они говорят словами или поступками самостоятельное «я», это значит, что через химеры говорит кто-то иной, кто был «я» изначально. – Старец помолчал, а потом горько улыбнулся и покачал седой головой: – Ты все равно не слышишь.

И тут меня кто-то невидимый ударил в бок. Несильно, но ощутимо. Я аж подпрыгнул. А в ухо зашептали:

– Зеберг, ну давай быстрее, а то проснется!

– Авва... я запомню. Я не приду больше, обещаю. Хотя мне это очень нужно. Умоляю, помоги нам с мальчишкой!

Старец не ответил и снова принялся плести прутья. Я неловко поднялся, оглядывая келью. Перекрестился на икону.

– Прости, авва... и ты, Филипп... ой... прости, что... прошу прощения... я...

Я не вышел – выскочил из кельи, сгорая от стыда, проклиная свою затею... Захлопнув дверь, прислонился, с тоской глядя на высвеченные солнцем контуры скал. Внутри было больно и душно и впервые за много лет хотелось плакать. Я вдохнул поглубже раскаленного воздуха. Потом побрел в пустыню. Отойдя метров на двадцать, оглянулся на келью. Наверное, в последний раз. Да, моя рациональная часть говорила, что это лишь эмуляция, и если подчистить кое-что в памяти компьютера и задать иные параметры, то старец «забудет» об этом разговоре и о том, что ему предшествовало, и примет меня вновь, но...

Я понимал, что никогда этого не сделаю. И ничего не мог поделать с тем мучительным чувством, будто это меня выбрасывают из настоящего мира в химеру-эмуляцию тоскливой корабельной жизни на «Арксе». Все проблемы с поиском диверсанта и даже невозможностью вернуться на Землю показались сущей мелочью по сравнению с тем, что я теряю сейчас... И тем, что творится со мной...

– Зеберг, ну скоро ты? – нетерпеливо зашептали в левое ухо.

– Сейчас, сейчас. – Я обхватил руками шею, нащупал невидимые захваты и снял с себя шлем.

Перед глазами прокатилась граница, словно волной на пустынный пейзаж нахлынул унылый интерьер виртокамеры, бежевые стены, озабоченные лица, спящий подросток на полу... Отдав русскому шлем, я расстегнулся и быстро вылез из нагретого до уровня «пустынной атмосферы» виртокостюма. Затаскивали пацана они втроем: Сунь и Тези Ябубу осторожно поднимали, а Софронов натягивал штанины... Я вышел в коридор – в каморке стало слишком тесно.

Наверное, с минуту стоял, тупо глядя на голые стены и ряды бледных плафонов, слушал, как за спиной шуршат комбинезоном и пыхтят друзья, думал... Пытался думать, но мысли не шли. Только чувства. Чувство утраты, горя, ошибки и еще... чего-то ускользающего, такого ясного, и... Я глубоко вздохнул.

Слева из виртокамеры вышел Вася, нервно сжимая и разжимая пальцы. Следом за ним – сосредоточенный Тези Ябубу.

– Пойдем к экрану, – скомандовал он. – Сунь присмотрит за мальчишкой здесь. Быстрее! Нам нужно оперативно отслеживать эмуляцию!

- Да. - Я повернулся и зашагал в сторону кают-компаний.

Магану проснулся оттого, что было очень жарко. Первое, что он увидел, - песок. Много песка, на котором он лежал. Настоящая, живая земля! Такая была с юга от Города и еще немного у реки, рядом с Южными воротами... Ой, неужели... А-723 сдержал слово и теперь он дома! Магану вскочил и тут же сощурился. Вокруг было очень светло. А если прикрыть глаза ладошкой и посмотреть сквозь щелочки между пальцами?

Здрав голову, мальчик замер.

Неба не было.

Вместо него оказалось что-то высокое и голубое. Скучное совсем. А вместо глаз Уту... Ой! Магану зажмурился. Он и не знал, что от света может быть больно. Подождав, отвернулся от яркого огня вверху и посмотрел перед собой. Невдалеке возвышались башни, но какие-то странные... Неровные, перекошенные, да еще и наваленные друг на друга, будто строили страшные неумехи. И на них не было садов. Кажется, Мелуххе рассказывал про мертвый город, что находится далеко-далеко, справа от заката, где люди не живут уже много шестидесятилетий и все башни стоят порушенные... Неужели он сейчас в этом городе? Что же теперь делать?

И куда могло деться небо? Магану вспомнил, как в Доме Табличек учитель говорил про редкие годы, когда зимою переливчатая пелена ненадолго расступается, приоткрывая однотонную высь и два глаза Уту сливаются в единое пепелящее око...

Надо же, как неудачно оказаться зимой, под палящим оком и в заброшенном городе! Как же попасть домой? Отчего так? Может быть, тогда, в странной комнате он нажал неправильный квадратик? На последних командах он клевал носом, хотя Узкий настаивал, что очень важно делать точно, как он велит... Или так и надо? Чтобы не сразу из коробки вернуть домой, а через мертвый город?

Магану не успел подумать над хлынувшим ливнем вопросов - он заметил почти прямо перед собой неровный куб, торчащий из песка. Чуть меньше, чем седьмой ярус на самых маленьких окраинных башнях. Мальчик сделал несколько шагов к диковинному ярусу. Оказалось, что куб сложен не из камней, а... из разломанных деревьев!

«Неудивительно, что у них исчезли все сады», - с неодобрением подумал Магану. Чувствовалось, что внутри куба есть люди. Он подошел и осторожно дотронулся до стены из мертвых деревьев. Стена не пропускала сквозь себя. Поразмыслив, Магану обошел здание и встал с другой стороны, в тени, где не было так жарко.

И тут короткая стенка отошла, как двери в тюрьме землян. Магану отпрянул, споткнулся и рухнул попой в горячий песок. За стенкой открылась темная комната, из которой выглянул мохнатый здоровяк в серый тряпках. Волосы у него росли даже внизу головы, совсем как у дваров на картинках Дома Молчания...

«Да это же двары!» - догадался Магану и внутри стало веселее. Он неуклюже поднялся. Все же лучше, чем эти бешеные тюремщики. Двары свои. Они доставят его домой, к отцу и маме...

- Заходи, - позвал плечистый двар. - Отец ждет тебя.

Сердце застучало сильнее. Неужели папа здесь? Он прилетел сюда, за ним! Неужели...

Магану забежал внутрь, в темноту. Здесь было приятно, не жарко, правда, пахло чем-то странным. Мальчик кинулся к сидящему на полу, но тут же остановился. Это оказался двар с еще большей бородой и совсем сморщенный, он смотрел перед собой, а в руках крутил ободок с дрожащими темными палочками. Видно, это и есть отец того плечистого, что открыл дверь. Волна разочарования затопила Магану.

Оказаться неизвестно где, с двумя дварами, которые к тому же еще и простолюдины, а может, и рабы, раз делают работу своими руками...

Плечистый здоровяк прошел в угол, там стукнул и зажурчал чем-то. «Не такой уж он и низкий, как болтал Мелуххе, - подумал Магану. - Опять наврал небось. Ну ничего, я ему таких теперь историй понарасказываю, что он мне на все годы вперед домашние задания делать будет».

Высокий двар вернулся, неся в руках чашу с водой. Мальчик охотно осушил ее – после жаркой улицы и впрямь захотелось пить.

– Вы рабы? – спросил он, отдавая чашу здоровяку.

– Да. – Старый двар ответил столь спокойно, что Магану не побрезговал. Словно так и надо. «Даже двары-рабы лучше, чем эти тюремщики с Дальнего Дома», – подумал он и уселся напротив старика.

– Меня тоже хотели сделать рабом, – сообщил он, с интересом разглядывая темную комнатку. – Но я убежал от них.

Старик ничего не ответил, продолжая теребить в руках разрезанные веточки, однако и молчание его не казалось обидным, будто двар не решался непрошеной репликой нарушить речь свободного. «Как и положено рабу», – вспомнил Магану.

– Они хотели увезти меня в свой край. А я взял и сломал их коробку. – Он рассмеялся, было радостно наконец кому-то все рассказать и похвастаться. – Теперь меня вернули сюда. А где я?

– В комнате грез. – Старик, не поднимая глаз, начал сгибать переплетенные ветки в круг.

– Смешное название. За мной скоро придет отец. Я ему все про этих тюремщиков расскажу. Они меня заставляли жить в конуре, которая меньше, чем дом самого последнего раба на Агане. – Магану запнулся, сообразив, что комната дваров, пожалуй, будет поменьше, чем его тюрьма. – Но я сбежал от них и жил в саду. А Энмеркар меня предал, он стал дружить с Волосатым Пузом и другими тюремщиками! Только Узкий приходил ко мне. Он тоже был рабом. От него я и узнал, какие злобные эти тюремщики. А потом я сломал их коробку и вернулся на Аган! Вы сообщили царю обо мне? Мой отец большой человек при дворе. Он хорошо вознаградит вас. Может быть, даже даст свободу.

– Нет, сынок, ты не на Агане. – Пальцы старика-двара замерли, и он, подняв голову, внимательно посмотрел на Магану. – И отец за тобой не придет. И тот, кого ты считаешь другом, не друг тебе, а те, кого считаешь врагами, – не враги. Скоро ты вернешься к ним. А пока...

Старик отложил сплетенные прутья и поманил его пальцем. Ошарашенный Магану, не раздумывая, встал и шагнул. Двар тотчас же протянул руку, схватил за пояс и ловко вытащил статуэтку Гун.

– А вот это лишнее. Совсем лишнее, – сказал он, глядя на мальчика. – От него-то и беды.

Магану не успел опомниться, как старик, не глядя, бросил статуэтку за спину и удивительно точно попал в маленькое окошко.

– Кто чем побежден, тот тому и раб, Магану. Посуди сам, что хорошего быть рабом напрасных обид? Да не горюй, – старичок улыбнулся и погладил его по голове, – все наладится, все будет как надо.

Тези Ябубу и Софронов возбужденно переговаривались, тыча в экраны.

– Идол! Да он протащил с собой идола! Надо связаться с Сунем, пусть...

А меня зацепило другое. Достав из-под стола шарики-наушники, я сунул их в уши и переключил свою грань экрана в инфорежим. Хорошо, что коллеги сидели напротив меня и не заметили этого. Меньше лишних вопросов. Кое-что хотелось проверить самому. Странно, что это не пришло в голову раньше.

Отыскав нужную панель, ввожу команды, фильтры, запускаю... Вспыхнула картинка – вид на оранжерею сверху из левого угла. В открытый проем зашел лысый пацаненок, таща за собой спальник. Распихивая горшки с цветами, залез внутрь, в заросли. Сквозь листья было видно немного – как он тащится к дальнему концу, а потом копошится там. Я щелкнул по панели, переключая на следующий фрагмент. Я просмотрел, как в оранжерею зашел Вася и звал пацаненка, а тот бегал, скрываясь от него за кустами. Потом пришел второй, Энмеркар. Пришлось послушать, что они говорят. Разумеется, болтали на сангхиле. Покуда Васины словарные наработки не интегрированы в транслят, мне осталось довольствоваться интонациями.

Было ясно, что пацанята ссорятся. Говорили на повышенных тонах, а потом Энмеркар ушел. Следующий фрагмент – вечерний, робот принес ужин. А вот уже на другой день – второй пацаненок снова пришел, они опять ругались, а потом даже подрались. Я видел, как Магану бросает тяжелый горшок вслед убегающему другу, а потом вытирает окровавленные пальцы о стену. Видел, как вечером он рвал листья, связывал их в узелки и играл с ними и пищевым контейнером, как в игрушки. Видел, как приносит раз за разом красноголовый А-723 завтраки, обеды и ужины. Видел, как Магану следит за нами, довольно неуклюже – это было известно всем.

А потом я наткнулся на кадр, где маленький сангхит и робот разговаривают. Убрал ускорение, включил звук... Так и есть: они говорили на сангхиле! Внутри зашевелились щупальца страха. Вспомнилось странное ощущение, которое я испытал, когда мы шли в оранжерею...

Нахмурившись, я отвел взгляд от экрана и тут увидел побледневшие лица друзей. Тези Ябубу и Софронов, как один смотрели вверх с таким видом, словно увидели призрака.

Я вытащил наушник и спешно переключил свой экран на эмуляцию.

В пустой келье сидел Эпихроний и смотрел прямо на меня. И говорил:

– ...как следует. А ты, Клаус, вспомни, что я тебе сказал.

Слово пронзило меня, как стрела, достигло самых глубин сердца. Я понял.

– Да, отче, – сказал я, глядя на экран. – Спасибо!

Он лишь покачал головой в ответ, а затем подобрал с пола прутья и принялся сплести их заново. Экран погас.

– А где Магану? – только сейчас сообразил я.

– Ты что, не смотрел? – Капитан обратился на меня ошарашенный взгляд. – Старец показал ему, как снять шлем и выйти из эмуляции. Что ты здесь навертел, Зеберг?

Оперевшись о столешницу, я встал.

– Вася, у тебя осталась та вода, которой ты нас крестил?

– Да. В каюте.

– Пойдем со мной.

– Куда вы?

– Капитан, мы сейчас вернемся.

А дальше все было как во сне. Конечно, я прекрасно осознавал то, что происходит вокруг, но вместе с тем сами события и невероятное нервное напряжение придавали ощущение ирреальности происходящему. И когда мне доводится вспоминать об этом, я всегда почему-то вижу те события как бы со стороны. Даже то небольшое, что было сделано лично мной.

Мы зашли к Васе в каюту, чтобы взять воды, она у него хранилась в бутылке из-под сока. Потом перебрались в пустую каюту Бонго, и я вызвал по фonerу А-723. Когда робот ступил внутрь, на несколько секунд мы оказались наедине. Помню, было очень страшно, меня чуть не трясло и сам не понимал, откуда такой мандраж взялся, – вроде бы просто стоит напротив служебный робот, которому я подводил настройки еще на Земле и отвечивал подзатыльники в пути, а я аж взмок. Смотрю на его пластиковую рожу и не могу оторваться. А потом вошел Софронов и с ним Тези Ябубу, он догнал нас. Капитан закрыл дверь и запер изнутри. И тут началось что-то чудовищное. Робот, заведя коробку из-под сока, заметался по каюте, стал рычать, хохотать, подбежав ко мне, заговорил голосом моей матери, просил спасти... Вася стоял у входа и бормотал что-то на славянском, и я помню, как тряслась его рука, сжимавшая коробку с водой, а еще лицо Тези Ябубу – каменное и блестящее от пота. А-723 пронзительно завизжал, так что я схватился за уши, – казалось, кости трещат и раскалываются от этого звука. Софронов взмахнул, упало несколько брызг... и самое страшное закончилось.

Робот остался на месте, выпрямился, механическим голосом назвал свою модель, серийный номер и дату выпуска. И я уже чувствовал, что сквозь его глаза никто не смотрит. Мы вывели его в коридор. Вася остался в каюте, бормоча и брызгая водой на стены. Я видел, как он качнулся пару раз. За те три минуты мы вымотались невообразимо, будто неделю камни

таскали. И внутри все выхолощено...

- Дезактивируй, - сказал мне Тези Ябубу, и я заметил, как у него из уха сочится кровь.

Я молча подчинился. Вскрыл панель на спине робота, ввел код, отключил питание. А-723 не сопротивлялся, да, собственно, в нем уже никого не осталось, кто бы мог воспротивиться. Наконец, дрожащими от усталости руками я вырвал центральный чип и отдал капитану.

У остальных еще оставались дела - с Магану и с каютой, и еще с чем-то, а я отпросился, кое-как дополз до своей каморки, рухнул на койку, тут же уснул и проспал двенадцать часов.

- Планета, на орбите которой мы находимся, - обитаемая, - рассказывал я, показывая на меняющиеся фотографии. - По климатическим условиям она идеально подходит для человека. На континенте разбросано четырнадцать городов. Еще один, пятнадцатый, находился на крупном острове в трехстах километрах от материка. Характерно, что между континентальными городами совсем не видно следов инфраструктуры. Хотя, если допустить, что здесь в ходу сангхитские «летатели», дороги в обычном смысле излишни. Но сами города, насколько можно определить по снимкам, типологически отличны от городов сангхитов. Ближе к земным. Средневековым. Хотя намного свободнее в плане пространства. Скорее всего перед нами одна из колоний, которую населяют другие народности. Вокруг городов заметно гораздо большее техногенное воздействие на природу, чем мы видели на Агане...

- Спасибо, Клаус, - кивнул капитан. - Итак, ситуация ясна. Перед нами два пути. Или здесь, или вниз. Слушаю ваши соображения.

- Нужно остаться на орбите и самостоятельно определить наше местоположение, - снова заговорил я. - Готов помогать Суню целые сутки, продумать и написать программы для обработки данных. Мне кажется, это займет меньше времени, чем он сказал. Мы можем задействовать больше возможностей вычислительной техники...

- Она уже показала свою надежность, - покачал головой Тези Ябубу. - Глупо не учиться на собственных ошибках. Вася, твое мнение?

- Я считаю, что стоит приземлиться, - поджав губы, выговорил ксенолингвист. - Мы рассматриваем ситуацию как заведомую агрессию против нас. Но не обязательно связывать ее с жителями планеты, к которой нас занесло. Они могут быть и ни при чем. Прости, Зеберг, но твоя вчерашняя версия о «покушении» несерьезна. Те, кто вносил столь хитроумные искажения, без труда могли убить нас через любое нарушение системы жизнеобеспечения. То, что этого не сделали - обнадеживает. Мы стоим на пороге контакта с новой колонией сангхитов. Да, есть вероятность, что именно они скорректировали наш полет. Возможно, они просто хотят познакомиться. В любом случае именно у них есть необходимая нам астрографическая информация. Получив ее, мы уже через пару дней сможем продолжить путь. Да, есть риск, но, думаю, он оправдан.

- Ясно. Сунь, что скажешь?

Китаец ответил не сразу, собираясь с мыслями. Молчал он так долго, что в какой-то миг мне подумалось, что Сунь снова вернулся к своему безмолвию, но стоило этой мысли промелькнуть, как мы услышали:

- Нужно садиться. Я не уверен, что смогу верно вычислить координаты.

- Ребята, прошу вас! - Я почувствовал себя по-детски беспомощным. - Послушайте меня. Этого нельзя делать. Неужели вы не понимаете? Они играют нами. Играют опять. Как тогда, на Агане. Нельзя позволять им это делать. Не думайте, что все закончилось вчера. Нельзя расслабляться, нельзя поддаваться. Вася, ты же понимаешь, к чему это приведет.

- Но иначе мы просто погибнем! - Он всплеснул руками. - Несколько лет мотаться на орбите, а потом умереть от истощения по пути в никуда!

- У нас сейчас есть выбор. Понимаете? Они теперь не могут нас заставить, как тогда, на Агане. И поэтому строят комбинации. Многоходовки. Если мы начнем играть в эти игры, то проиграем. Вы же понимаете. Пока у нас есть возможность выбирать не то, куда нас направляют, - мы должны это делать. На планете нас не ждет ничего хорошего. Давайте хотя

бы создадим видимость того, что пытаемся решать что-то сами, а не просто катимся туда, куда нас толкают.

– Зеберг, то, что ты говоришь, во многом справедливо, – ответил Софронов, развернувшись в мою сторону. – Очень вероятно, что все так и есть. Или даже хуже. Но ты забываешь кое о чем. Существуют не только анаким и мы, их планы и наши планы. Есть еще Тот, Кто не подчиняется ничьим планам. Мы в такой ситуации, когда остается довериться Его воле и сделать шаг. Я верю, что Он выведет все наши тропки, несмотря на ухищрения бесовские, к такому выходу, о котором ни мы, ни они и помыслить не можем. Если мы будем с Ним, то не окажемся в проигрыше.

Меня подмывало напомнить русскую поговорку про «на Бога надейся», но... что толку, в этих вопросах Васька подкован куда лучше. Осталось лишь махнуть рукой да закрыть лицо ладонями, облокотившись о холодный стол, отгородившись от них...

– Делайте что хотите, – даже про то, что я предупреждал, говорить не стал – глупо и бесполезно.

Еле слышно вздохнув, Тези Ябубу подытожил:

– Мы осуществим посадку завтра в десять по корабельному времени. Сунь, введи координаты. Садиться будем здесь, в черте города. Вот это поле. Зеберг, настрой переводчики с сангнхилиа и проверь систему жизнеобеспечения, нам не нужны сюрпризы. Софронов, подготовь детей к саркофагам, а сам готовься к переговорам. Вести их будешь снова ты.

Все, что произошло позднее, было так удивительно и страшно, как никогда прежде за все пребывание в тюрьме. Старый двар с добрыми глазами научил его сделать ритуал перехода, и Магану немедленно оказался снова внутри коробки землян, в комнате с бежевыми стенами. Тело покрывал диковинный черный костюм, который обхватывал даже пальцы на руках и шею. А еще рядом сидел Желтая Рожа. Он улыбнулся и сказал:

– Здравствуй.

И тут Магану запоздало догадался, что означали эти «засуй» и «расту», которые тюремщик говорил при встрече. Мальчик забился в угол, затравленно глядя на землянина. Было совершенно ясно, что они знают обо всем. И про А-723, и про ту ночь в комнате с квадратиками... Но Желтая Рожа больше не сказал ничего, а просто смотрел на Магану и ободряюще улыбался.

От этого становилось еще страшнее. Непонятно. Магану боялся думать, надеяться, вспоминать, – словно оцепенел изнутри.

А потом тюремщик потупил взгляд, закивал и сказал несколько слов на своем языке кому-то невидимому, после чего подошел к Магану, чтобы снять с него черный костюм. А надевать старую одежду пришлось самому. Желтая Рожа открыл дверь и, придерживая за плечо, повел его по коридору. Проходя мимо развилки на прежнюю «нору», мальчик успел заметить Тесипу и Бледного Вонючку. Они копались в спине А-723, а «рубо» застыл, неестественно наклонившись и свесив узкую голову.

Почему-то Магану понял, что больше его никогда не увидит. Земляне узнали про измену и казнили раба. А что же сделают с ним?

Но пока тюремщик привел его в «нору», где жил Энмеркар. Друг соскочил с лавки при виде их, улыбнулся – не ему, а землянину. Желтая Рожа тоже ответил улыбкой, они перекинулись несколькими фразами на варварском языке, а затем их оставили одних и заперли.

– Что случилось? Что ты натворил? – спрашивал Энмеркар. – Сун сказал, ты будешь ночевать сегодня здесь. Почему? Отвечай мне!

Но Магану ни слова не ответил и даже не смотрел в его сторону. Он отошел в другую сторону и лег на пол, повернувшись лицом к стене. Так и пролежал много ушев. Слышно было, как заходил Волосатое Пузо, его легко узнать по голосу. Землянин тяжело дышал, недолго пошептался с Энмеркаром и оставил одеяло. То самое, вытащенное из «гнездышка», на нем даже некоторые опавшие листочки остались.

Еще позже зашел «рубо», только другой, с желтой головой. Он ничего не говорил, только принес две пищевые шкатулочки и вышел. Поели мальчики вместе, и после ужина Магану все рассказал...

А ночью, когда легли и свет погас, он спохватился: Гун пропала из поясного кармана.

Нарастающий гул. Тяжесть. Вибрация переходит в тряску. Я лежу в «саркофаге», переживаю спуск. Как и все остальные, кроме Суня.

Думаю.

Об Эпихронии.

Тези Ябубу и Вася были шокированы «старцем». Кстати, я так и не узнал, чего же он им наговорил, пока я смотрел записи в оранжерее. Ну, кое-как удалось растолковать им про эмуляцию. Сам-то лишь недавно понял, что натворил. Я ведь загружал в качестве основного параметра «прозорливость». Анализатор истрактовал это как максимальную осведомленность. Обеспечить ее возможно было, только открыв для моделируемого сознания старца всю информацию, доступную самому компьютеру. Включая и память о всех моих предыдущих заходах. Интересно, где она хранится? Вот оно, кстати, косвенное доказательство того, что с наших виртуальных посещений автоматика тайно снимает копии, хотя в ЦУПе нам клялись, что виртокамера совершенно «чиста». Ох уж эти лживые цуповские туши, психологи недоделанные! Да, похоже на Хорнекена. Надо будет найти и стереть все наши заходы в «веселый пражский дом».

Я сообразил это в мое предпоследнее посещение, когда Эпихроний заговорил со мной о Васе. Но мне и в ум не пришло, что программа учтет также знание о том, что сам старец – эмуляционный скрипт. И компьютер вынужден был смоделировать чудовищную, заведомо невозможную ситуацию – как бы себя повел и что бы сказал христианский старец, если бы знал, что он – лишь программа. Если вдуматься – ум за разум заходит.

Немудрено, что Эпихроний воспринял все очень негативно. Еще бы. Кому такое понравится? Компьютер ответил наиболее логично на поставленные условия. Да, теперь-то можно условия поменять, убрать «прозорливость», ограничить доступ к памяти и получить то, на что я первоначально рассчитывал: интерактивный способ восприятия информации из патериков... но с таким Эпихронием мне уже почему-то не хочется встречаться.

Я все понимаю. И сам старец предостерегал меня. Но уже не могу, вспоминая наше общение, думать о нем, как о скрипте. Когда я встал тогда перед ним на колени, это была не игра. Для меня он не скрипт. Поэтому я сдержу слово, которое дал старцу, и никогда больше не войду в эмуляцию. Даже в виртуалку не буду ходить, чтобы не искушаться. И вспоминать не надо. Все, забыть! О боже, но почему душа так тоскует по пустыне, скалам, тени и прохладе келейки, запахе вымоченных прутьев и сохнувших корзин?

Когда вернусь на Землю, обязательно поеду в современные монастыри. Те, которые в пустынях. Понимаю, конечно, что там сейчас, наверное, многое не так... Но убедиться надо. Проверить. Вдруг главное осталось? То самое ускользающее чувство близости иного, неведомого, подлинно реального мира.

Интересно все же, откуда здесь этот анаким взялся в такой форме? Ребята решили, что Магану его в идолу перенес. Может, и так, но... уж очень эти «случайные» стирания файлов похожи на тот сбой в инфобазе, который произошел по вине Васи, когда мы еще только летели на Аган. И никаких сангхитских пацанов или статуэток здесь не было. А взять Тези Ябубу... Мы до крещения все были кондовыми атеистами да агностиками, а он-то – настоящим язычником. И «деды», которым поклонялся, которых вызывал и беседовал, – не те же ли анаким? А изображения «дедов», что у него в каюте висели, не те же ли идолы? Прежде я считал это просто национально-культурным закидоном, а теперь, если разбираться... Ох, сложно все. А Сунь молчит. Совсем нелюдимый стал. Даже после того, как Тези Ябубу заставил его говорить – китаец отвечает только на прямые вопросы, да и то отчужденно. Что у него внутри творится?

Гудение прекратилось. Тяжесть отпустила. Неужто сели? У местных сейчас ночь. А у нас через час обед.

Скоро долгожданный щелчок. Крышка уйдет вверх, надо будет встать, выйти, начать подготовку к первому контакту с аборигенами... Но пока еще в эту последнюю минуту можно спокойно побыть наедине с собой. Подумать или... помолиться, что ль?

* * *

Проходя по коридору второго рабочего, я заметил открытую дверь оружейной и, не удержавшись, заглянул туда. В тесной каморке стоял Тези Ябубу, оглядывая арсенал. На стенах были зафиксированы четыре гранатомета, а ниже – шесть винтовок-универсалок. По углам пузатились кофры с боеприпасами, на другой стене растянулись две снайперки, правее – пулемет, ряды гранат и противовоздушка.

Оглянувшись на меня, капитан кивнул:

– Инвентаризирую. После позавчерашнего... мало ли?

– Возьмем с собой наружу?

– Разумеется, нет. Мы ведь хотим, чтобы нас приняли как гостей. А гости с оружием в руках – уже не гости.

– Здесь нас никто не обещал встретить как гостей, – напомнил я, не сводя взгляда с промасленных стволов. – Всякое может случиться.

Капитан кивнул:

– Положимся на волю Божию.

– На Бога надейся, а сам не плошай. Какая-то пара гранат в критической ситуации может спасти все положение.

Тези Ябубу усмехнулся и, прищурившись, покачал головой:

– Лучше бы нам обойтись без таких «спасений» гранатами. Сангхиты до сих пор еще, наверное, не разгребли завалы на поле боя с нашими «искателями».

– Не жаль. Они убили Мусу.

– Думаешь, пара гранат могла спасти его тогда?

Я запнулся. Да, тут он меня уел. Но выходить безоружным в чужой мир по-прежнему не хотелось.

– Нет. Но вдруг это сможет спасти нас в будущем?

– Не сможет, – спокойно заявил индеец и, кивнув, повернулся к выходу.

– Так говоришь, словно знаешь все наперед. Уж не деды ли нашептали?

Рывок – и смуглое лицо оказалось передо мной. Глаза горят, ноздри вздуты. Я отшатнулся. «С дедками был перебор», – екнуло сердце.

Тези Ябубу помолчал, «пришпилив» меня взглядом. Потом вздохнул и ровно проговорил:

– Не надо так шутить, Клаус. Особенно сейчас. Ты ведь помнишь, что произошло? Что мы все вместе решили? Здесь нет места шатаниям. Либо мы доверяемся целиком и полностью Ему, либо – себе и технике. В прошлый раз мы уже ходили вторым путем. Ты хочешь, чтобы это повторилось?

– Нет. Прости, капитан. Я не хотел тебя обидеть.

Тези Ябубу снова улыбнулся и отступил:

– Главное, что мы поняли друг друга.

– Конечно. Я хотел проверить здесь самописец, – соврал я. – Для этого и шел. Не возражаешь?

– Проверь. Мы ведь поняли друг друга?

– Абсолютно.

– Что там с пробами воздуха и грунта?

– Экспресс-анализ говорит, что никакой заразы для нас здесь нет.

– Как бы мы сами сюда какую-нибудь заразу не занесли. Ладно, жду тебя в кают-компании через пять минут.

– Да, капитан!

И он ушел. Выждав минуту, я вытащил из ячеек две гранаты-трансформеры и сунул в карман. Пустые ниши загородил стволом противовоздушки. При беглом взгляде сойдет – не заметно. Потом для очистки совести проверил здешний самописец. Наконец вышел, аккуратно закрыв за собой дверь. Теперь нужно успеть за две с половиной минуты заскочить в свою каюту, спрятать гранаты, и дойти до кают-компаний.

«Авва Агафон сказал: если кто обращается с братом с хитростью – не минует печали сердечной».

Снаружи оказалось прохладно и ветрено. Сильно пахло травой, черноземом и... навозом. Небо пасмурное, с низкими, лохматыми облаками, но вполне земного типа. Не то что на Агане. Вдалеке виднелась линия аккуратных домиков за коричневыми заборами в обрамлении пышных деревьев. Утро явно выдалось непогожим, но по сравнению с серыми коридорами все вокруг пестрело сочными цветами. Просто буйство красок.

Возле борта стоял хмурый коротышка с рыжей бородой-мочалкой и убранный в хвост копной волос. Широкие черные штаны, распахнутая кожаная куртка. В руках – толстая синяя трубка, которой он деловито водил по обшивке нашего звездолета. На нас даже не оглянулся. С четверть минуты мы молча присматривались к первому увиденному нами двару. То, что нас занесло именно к ним, стало ясно по первым съемкам после приземления.

Наконец Тези Ябубу кивнул Васе, и наш ксенолингвист нерешительно прошел вперед. Но даже когда он стал вплотную, туземец, не обращая внимания, деловито продолжал водить трубкой, которая то и дело щелкала. Мне вспомнился один нищий безумец, которого я когда-то давно увидел в берлинском метро: он держал в руке пустую бутылку из-под минералки и с сосредоточенным видом тряс ею вокруг, словно чертя невидимые линии...

Вася откашлялся и залопотал что-то на сангхиле. Пауза. Мужичок повернул голову. Мы с капитаном невольно подались вперед. Двар направил трубку прямо в Васиного пузо. Раздался щелчок.

– Эй! – Русский импульсивно отпрыгнул.

В тот же миг двар направил «ствол» в нашу сторону. Щелк-щелк! Я дернулся, а капитан остался неподвижен.

Затем бородатый коротышка отвернулся и снова начал водить трубкой по обшивке «Аркаса». Вася растерянно посмотрел на нас. Убедившись, что ничего страшного не стряслось, я хмыкнул.

– Попробуй еще, – скомандовал Тези Ябубу.

Софронов попробовал. Безрезультатно. Для коротышки в распахнутой куртке нас как будто не существовало. Конечно, прекратить это безобразие было не сложно – вырвать бы у него эту дурацкую трубку, и заговорит как миленький. Но капитану такие идеи не по нутру, так что я и предлагать не стал – пусть придумают что-нибудь лучше. Если смогут.

Тем временем бородач закончил свои манипуляции, спрятал за пазуху синюю трубку и обернулся к нам. Капитан кивнул и Софронов снова забормотал, в этот раз отчетливее. Транслят отозвался в ухе, нашептывая перевод:

– Мы прибыли с Земли, с Далекого Дома, – говорил Вася, пытаясь удержать на себе рассеянный взгляд туземца-коротышки. – Мы хотим встретиться с вашим правителем. Мы просим тебя, чтобы ты провел нас к нему.

Коротышка тускло глянул на нас, затем развернулся и бойко зашагал через поле. Не говоря ни слова.

Переглянувшись, мы решили последовать за ним. Точнее, решил капитан, мне-то показалось, что туземец просто пошел по своим делам. Немые они, что ли? Или нам тоже попался безумец? Минут пятнадцать мы брели по клеверному полю. Несколько раз чуть не вляпались в коровьи лепешки. Разговаривать никто не решался, и все это время был слышен лишь шелест травы под ногами да нарастающий спереди шум города. Когда мы достигли крайних домов и вышли

на улицу, шум вылился в топот и гомон.

По дороге ходили аборигены, все невысокие и бородатые. Что интересно – нигде в воздухе мы не видели летающих плит, как у сангхитов. Вообще ничего летающего. Все передвигались по земле. И машин было много. Точнее, роботов. Контейнеры, груженные битым камнем или неотесанными бревнами, шагали по брусчатке на трех или четырех металлических ногах, вслед за «погонщиками». Никаких следов колесной техники.

– Инки тоже не знали колеса, что не помешало им создать цивилизацию, – заметил Вася по этому поводу. Он был в весьма приподнятом настроении и разглядывал все с нескрываемым восторгом. Ну еще бы – новое применение его лингвистическим способностям. Да и вообще, новый контакт...

Но лично меня ничего здесь не впечатляло. Ну заборы, ну дома, ну пятиугольные окна с цветными стеклами, ну ворота с изогнутыми бычьими рогами, дровники у стен... Ну и что?

Пока мы шли, я успел озябнуть, да и ноги, отвыкшие от ходьбы, подустали. Деревья оказались обыкновенными липами. Почки, видно, только недавно распустились, на ветках зеленели маленькие, блестящие листочки. Весна здесь шла к середине. Оттого и было так холодно под небом, плотно затянутым облаками. Местные оказались вовсе не немymi. Многие перекрикивались на улице, прямо по ходу, отчего стоял гвалт невыносимый, транслят пытался перевести то один обрывок фразы, то другой, но выходила такая каша, что я предпочел его отключить. Двары совершенно не обращали на нас внимания, словно прибытие земных делегаций здесь в порядке вещей. Только дети испуганно глазели нам вслед да редкие женщины отворачивались.

А мне были интересны именно они. Все-таки представительниц прекрасного пола я не видел уже почти полгода. Дварки оказались широкоскулы, это бросалось в глаза сильнее, чем у мужчин, черты лица которых сглаживали густые бороды. А еще у них были большие глаза. Крупнее, чем у людей, и меньше, чем у сангхитов. В целом, весьма миловидные лица. Встречались пока только женщины зрелые либо старухи, но ни одной девушки. Одевались они весьма строго, в темно-коричневые или зеленые плащи, покрывавшие все тело и еще голову чем-то вроде капюшона. Впрочем, по такой погоде и неудивительно. Но и под столь плотной одеждой читалось, что с фигуркой у этих дюймовочек все в порядке.

Покуда я визуально знакомился с дварками, мы подошли к высокому каменному зданию, сходящемуся кверху остроконечной двускатной крышей. Я бы принял его за амбар, если бы не празднично-яркие узоры на выкрашенных охрой стенах и ряды тонких стрельчатых окон.

Доведя нас до высоких резных ворот, наш провожатый просунул синюю трубку в круглое отверстие и молча покинул нас.

Я едва сдержал усмешку. Ведь так и знал, что этот бородач просто ходит по своим делам, а не ведет непрошенных гостей к царю, или кто у них тут?

Тези Ябубу, не смутившись, толкнул дверь и створка медленно отошла внутрь, открывая взгляду высокий зал с узкими окнами. Внутри стоял лишь один человек в пестром камзоле, неимоверно бородатый, от глаз и до пояса. Занимался он тем, что пристально разглядывал синюю трубку, принесенную нашим провожатым.

Следуя за капитаном, мы осторожно приблизились к нему. Нестройные шаги по мраморному полу гулко отдавались от высоких сводов. Стены здесь были выложены затейливой мозаикой на растительные темы, но почему-то в синих тонах, а у противоположной стены на двойном постаменте возвышался массивный, вытесанный из дерева стул. Трон?

Судя по всему, нас все же привели по адресу. Хотя видеть главу государства одиноким, без вечной толпы помощников, советников, охранников и прочих нахлебников было непривычно.

Интересно, зачем эти коротышки строят столь просторные хоромы? Хотя во времена Возрождения у нас тоже возводили дворцы с потолками в несколько человеческих ростов. К тому же не надо забывать, что высокими эти потолки кажутся лишь по сравнению с полугодовым заточением в низких коридорах-каютах «Аркаса». Как еще мы агарофобии не заработали, удивляюсь.

По знаку Тези Ябубу Софронов заговорил, издавая гортанные звуки. Я щелкнул кнопкой на призапе.

- Вы являетесь правителем этого места? - пробубнил бесстрастным голосом транслятор в правом ухе.

Вместо ответа бородач кивнул, продолжая спокойно смотреть на нас - появление землян было явно не тем, что могло его удивить.

- Мы прибыли с Земли, с Далекого Дома, - продолжал Вася. - Мы рады приветствовать вас от лица всех землян. Это наш правитель, которого зовут Тези Ябубу. Он главный среди нас. Это наш мудрец, которого зовут Зеберг. Я - передающий слова, меня зовут Вассиан.

«Мудрец» - однако! Даже как-то неловко стало. Ну Вася загнул! Шутник. Как бы эта шутка мне потом боком не вышла...

Хозяин буркнул: «хэсаргу», и транслятор передал:

- Привет. Я - Сарг.

- Правитель Сарг приветствует нас, - прошептал Софронов, обернувшись к нам, - и выражает взаимную радость.

Я хмыкнул.

Коротышка буркнул снова, секундой позже в ухе прозвучало:

- Здесь зачем?

- Правитель спрашивает о цели нашего визита, - с серьезной миной передал русский.

- Вася, у нас есть трансляты, - терпеливо напомнил Тези Ябубу. - Не отвлекайся, продолжай.

- Что продолжать-то? Что ему ответить?

- Правду.

Хмурого Сарга наши разговоры между собой явно тяготили, во всяком случае, он со странной задумчивостью глянул на дверь. Софронов тут же залопотал, а нам оставалось только слушать.

- Мы не собирались приземляться у вас. Мы посещали сангхитов на Агане и летим обратно, в Далекий Дом. Однако наш корабль сбился с пути и принес к вашей планете. Это вы сделали?

- Нет. Зачем?

- Кто-то испортил направление корабля. Как вы думаете, кто это мог быть?

Бородатый царек совершенно по-земному пожал плечами:

- Лысые, наверное.

- Кто эти лысые?

- Ты знаешь.

Вася вздохнул и поджал губы. В этот момент я ему не позавидовал. Давно знал, что вести переговоры - дело чудовищно сложное, но тут пришлось убедиться, что в реальности оно еще тяжелее. И немудрено, ведь для нас это всего второй контакт, а первый по всем параметрам провалился. И снова приходится говорить с представителями цивилизации, о которой мы вообще ничего не знаем.

- Мы хотели бы некоторое время пожить рядом с вашим городом и просим на это позволения.

Да, тут ничего умнее и не придумаешь, надо взять тайм-аут и закрепиться. Все-таки Вася парень смысленный. Неплохой из него переговорщик, надо отдать должное. А ведь даже не готовился! Бонго должен был выступать... Интересно, что он сейчас поделявает на Агане?

- Конечно, - ответил Сарг. - Оставайтесь.

И, кивнув нам, шагнул в сторону двери. Вася чуть не схватил его за рукав, но, разумеется, удержался и не забыл при этом отвесить низкий поклон, бормоча:

- Я понимаю, что государственные дела не дают вам возможности уделять столько времени на беседу с нами, сколько бы нам хотелось. Может быть, вы назначите кого-то, кто может ответить на наши вопросы и познакомить с вашей культурой?

- Да, - ответил Сарг с явным нетерпением, просеменил к окну, сложил на правой руке пальцы, поднес ко рту и пронзительно свистнул. А потом еще махнул кому-то на улице. Мы с некоторой оторопью созерцали подобную непосредственность.

- Когг, - сообщил нам правитель и зашагал к двери.

На полпути обернулся, словно забыл что-то:

- Металл торгуете?

- Что вы имеете в виду? - озадачился Вася.

- Вашу летучку. Много металла. - Он потряс синей трубкой. - Отдайте весь. Хорошо заплатим.

Мы с Тези Ябубу тревожно переглянулись. Капитан явно напрягся.

- Нет, не продаем, - ответил Вася. - Нам нужно на ней вернуться на Далекий Дом.

- Зачем? - удивился Сарг. - Живите здесь.

- Большое спасибо за гостеприимное предложение, однако нам все-таки необходимо вернуться на родину, где нас ждут семьи.

Бородач пожал плечами, молча развернулся и быстро зашагал к выходу. Раскрылись створки, закрылись, и мы остались одни в зале.

- Я... все правильно говорил? - спросил Вася.

Только тут я заметил, что лоб у него в испарине, хотя под этими сводами совсем не жарко. Надо же как перенервничал, бедняга! А держался-то молодцом.

- Да. - Тези Ябубу словно заразился лаконичностью двара, впрочем, он просто глубоко задумался. И то верно - есть над чем пораскинуть мозгами. Все надежды на местных кудесников пошли прахом, сюда нас никто не звал и никто особо не рад.

- Ты все правильно сказал, старина, - подбодрил я Васю, он это действительно заслужил. - Вот только почему я - мудрец?

- В смысле?

- Когда ты нас представлял этому царьку, то зачем-то называл меня мудрецом. Спасибо, конечно, но с чего бы?

- Так вам транслят перевел? - Вася усмехнулся. - На сангхиле нет слова «программист», по крайней мере Энмеркар такого не знал. Я употребил «ученый». Но, конечно, многие слова полисемантичны и в данном случае...

Ворота снова раскрылись, и мы обратили к ним взгляды.

В зал вошел еще один коротышка, молодой, у него даже бороды не было, лишь обвислые усики. Парень с интересом осматривал нас, проходя через тронный зал. На расстоянии трех шагов остановился и молвил:

- Привет. Я - Когг. Что нужно?

Узнав, что мы хотим поболтать, паренек пригласил нас в дом своего отца. Выйдя из «царских хором», мы поплелись дальше по улице в направлении центра. Все так же тянулись однообразные каменные дома с пятиугольными окнами, все так же перекрикивались хмурые бородатые мужички, ведущие вереницы грузовых роботов. В одном месте из-под земли что-то гулко и ритмично грохотало, камни мостовой вздрагивали в такт ударам. Все так же гулял пронизывающий ветер по улицам, заставляя ежиться в парадном комбине зоне. Справа вдалеке над крышами домиков возвышалась башня.

Среди прохожих стало попадаться больше женщин. И молодых в том числе. Парочка встретила так и вообще красавиц. Жаль, что они быстро отворачивались, если чувствовали взгляд, а то и капюшоны приспускали.

Улица вывела нас на площадь, не шибко большую. Первое, что бросилось в глаза, - скромный постамент сбоку, над которым под прямым углом друг к другу торчали две разрисованные стелы и маленький столбик между ними.

Мы, не сговариваясь, переглянулись. Тези Ябубу потянулся к груди и щелкнул кнопкой, выключая транслят. Я и Вася сделали то же.

- Будем осторожны, - процедил капитан. - Надо выяснить отношения дваров с сангхитами. И отношение к нам. Не хотелось бы застрять здесь надолго. Однако в сложившихся обстоятельствах такой вариант возможен. Более того. Не исключено, что мы тут останемся навсегда.

- О Господи! - Русский с ужасом перекрестился. - Только не это!

- Вася, где твое смирение перед волей Божией? - усмехнулся я.

Софронов обернулся и так посмотрел, что мне даже стало неловко. Вспомнилось, как дрожал листок в его руках, когда он перечитывал написанное мною стихотворение Анне. К ней он, что ли, спешит? Неужто и впрямь на что-то надеется? Разве можно всерьез думать о женщине, с которой лишь раз говорил и даже не помнишь толком, как она выглядела? Тут вон настоящих хоть отбавляй. Пусть и малорослые, но для Васи в самый раз, он и сам не шибко высок. Фигурой ладны, на лицо приятные. Весьма. И наверняка не эмансипированные. Я не удержался и подмигнул очередной дварке.

С площади мы свернули в другую улочку, поуже и поспокойней. Прохожих здесь почти не было.

Так чего рваться к замученной блондинке-операторше? Думать, что у нее совсем никого нет, мягко говоря, самонадеянно. А если даже нет, много ли шансов у Васи с его комплекцией? А после Агана еще и бородку вздумал отращивать...

Хотя если мы вернемся, то уж точно станем героями новостей. И не только новостей. Ордена какие-нибудь на грудь повесят, премиями осыпят, в учебники впишут... Даже если та блондинка-операторша и подыскала кого-нибудь себе на время нашего полета, то по возвращении быстро догадается что к чему, сориентируется правильно. Кстати, уверен, что Марлен тоже ко мне прибежит. Это в ее характере. Даже побиться об заклад готов, да не с кем. Приползет, как миленькая... Надо будет заранее подыскать фразу, которой я ее припечатаю. Что-нибудь изысканно-язвительное, утонченное и обезоруживающее одновременно. Так, чтобы она молча убралась из моей жизни, на этот раз - окончательно. Неплохая задачка для ума. Впрочем, не много ли для нее чести?

Пока я размышлял, мы добрались до места. Пройдя ворота с обломанными рогами, оказались посреди захламленного двора перед двухэтажным каменным особнячком. Низкий дверной проем, куда устремился наш провожатый, был завешен грязно-бурой тканью. Когг, отстранив полог, юркнул в полутьму прохода. Вася пролез следом, капитан повернулся ко мне:

- Пойдем, Клаус!

Я прищурился, оглядывая дворик:

- Тези Ябубу, а можно я здесь останусь? Ну что мы будем таскаться всюду по трое? Переговоры ведет Вася и неплохо справляется. А от меня какой прок? Быть молчаливым статистом как-то не по мне. Вечером посмотрю записи Васиного призапа, вместе с Сунем. А сейчас - давай посижу тут на лавочке, понаблюдаю за жизнью местных. Если что - с тыла прикрою.

Он посмотрел на меня с сомнением, потом кивнул и шагнул в дом.

Я же остался во дворе. Поразмыслив, направился к лавочке под высокой липой, присел, вытянул ноги. За тот час, что мы здесь бродим, успел нагулять ощутимую усталость. Забор защищал от ветра, поэтому было не так холодно, как снаружи. Но и не жарко, совсем нет. В чередоблаков, плывущих сверху, то и дело случались прорехи, и тогда местное солнце на короткий миг освещало двор, а потом все снова темнело.

По двору бродили местные куры, копаясь в земле. Наверняка это какие-то другие птицы. Поменьше кур, с черными клювами и коричневыми перьями. Справа от ворот темнело выложенное закопченными камнями кострище со старой золой. Левее, возле дома, высилась поленица. Дальше стояла метла и бочка с темной водой.

Душу затопляла апатия, расшевелить которую было не под силу даже диковинкам неведомой культуры. Еще вчера, когда я готовился к огромному массиву работы по астрографии, меня распирало от планов, сил, решимости. Да, объем вырисовывался нешуточный, понимаю, почему Сунь в итоге спасовал. Это все равно что гору руками раскидать. Но можно было сдюжить. Можно. Жаль, что моей уверенности не хватило на остальных.

Они решили положиться на волю случая. Именно так, а вовсе не на волю Бога. Уж я-то патерики читал, может, и поболее Васиного. Не молились мы, не постились, не вопрошали и жребия не метали. Подменили волю Божию голосованием, теперь и получили поделом. Нет здесь волшебного ключика. Проблема все та же, но теперь уже действительно - нерешаемая.

Отсюда толком карту звездного неба не составишь. Оптика у нас не та, телескопы сквозь атмосферу не потянут.

Вот и пусть сами выкручиваются, как знают. А я отдохну. На лавочке посижу. На «Арксе» – тоже. Ну, за сканированием посслежу, много времени не займет, вроде как при деле, не придерутся. В политических интригах с дварами участвовать не намерен. Пусть сами.

Я спрятал зябнувшие кисти рук в подмышки и, склонившись, задумался над словами капитана. О том, что мы можем застрять здесь на всю жизнь.

А так ли в действительности дорога мне Земля? И чем? Что меня там ждет, что держит? С родителями я не общаюсь лет десять. Это если по-серьезному. А вообще, конечно, звоню время от времени, посылаю открытки на День Подарков и День Объединения, обязательно приезжаю на день рождения отца или матери, и на день их свадьбы тоже, если получается. Как и Кристи с Мартином... но стоит нам собраться за одним столом, общение ограничивается пересказом давно пережеванных скучных новостей друг про друга, отцовского хобби и приготовленной матерью еды. Нам нечего сказать друг другу.

Два часа я сижу, ем, улыбаюсь, киваю, а про себя лихорадочно соображаю, чем бы занять мозги, пока они окончательно не спеклись. Я признателен родителям за мое рождение и воспитание, но даже по телефону нам не о чем говорить дольше двух минут.

Я люблю их издалека. И отсюда бы, пожалуй, любил еще больше. Единственное, что смущает – хотелось бы, чтобы они знали, что со мной все в порядке, и не беспокоились.

Что еще? Эта дура Марлен уже три года как счастлива с новым мужем, если только и с ним не развелась. Друзей толковых нет. Пожалуй, Суня и Тези Ябубу я с куда большим основанием могу назвать этим словом. Но и здесь остаться... без цивилизации, без сети, без работы, без компьютеров, без старинных улочек и кафешек нашего городка...

А еще – раз я теперь крещеный, интересно бы встретиться на Земле с настоящими христианами. Носителями опыта и традиции. Вроде Эпихрония. Если такие остались.

Полог зашуршал и из дома вышла девушка. Глянув на меня, улыбнулась. И это была первая девичья улыбка, увиденная мною за полтора года. Те несчастные, которых к нам привели на Агане, не улыбались – куда уж там.

Легкой походкой она прошествовала к корытцу, а за ней следом побежали здешние «куры». Высыпала в кормушку горсть зерен, и несучки, толкаясь, застучали клювами по деревянному дну. Дварка снова посмотрела на меня и пошла к лавочке. Я нацепил на лицо вежливую полуулыбку, а сам внутренне напрягся от параноидальной мысли... Не такой уж глупой, если вспомнить, какой прием нам устроили сангхиты, и чем это в итоге закончилось.

Быть может, Вася и Тези Ябубу уже лежат сейчас с перерезанными глотками в темноте этого каменного склепа. Или еще что похуже...

Девушка остановилась в трех шагах от меня и сложила на животе руки, ладошка в ладошку. Красавицей ее не назовешь, но и дурнушкой тоже. Застенчивая улыбка смягчала широкое личико, сужающееся к подбородку, большие темные глаза светились любопытством.

Я нервно посмотрел за ее спину во двор – не готовится ли там кто выскочить, пока она меня отвлекает?

Дварка заговорила первой, и с небольшой задержкой транслят перевел:

– Привет. Я – Санэ. Кто ты?

– Мое имя Клаус. – Пока призап на груди озвучивал эту фразу на сангхиле, я как бы невзначай подобрал под себя правую ногу и опустил к штанине руку.

Теперь, если что, достать гранату будет делом двух секунд. Вот только будут ли у меня эти секунды?

– Откуда ты? – продолжала девчонка.

– С Далекого Дома.

– А где это?

Тут снова зашуршал полог, и я, дернувшись, схватил пальцами гранату сквозь ткань комбинезона. Во двор вышел двар с кучерявой бородой и строго посмотрел на нас. Загнув

штанину, я почти дотянулся до холодного металлического бруска. Девушка побежала к мужчине, тот ей что-то строго выговорил, хмуро поглядывая в мою сторону, а потом увел в дом. Я глубоко вдохнул, выдохнул и отпустил задранный штанину.

На следующий день мы снова ходили в гости к Тарму – так звали отца Когга. Нас угощали обедом, из всех блюд запомнились вареные клубни вроде картофельных, залитые соусом мясного вкуса, но ярко-зеленого цвета. Дочери хозяина – Санэ и Киа прислуживали за столом. Первая, уже знакомая со вчерашнего утра, всякий раз, как подавала мне миску или ломоть ржаного хлеба, улыбалась. Вторая, Киа, была постарше, намного красивее и держалась скромнее, если не сказать строже.

Когда я вышел во двор, посидеть на той же лавочке, Санэ подметала двор жесткой метлой. Я смотрел, как она метет, поднимая облачко пыли перед собой, и чувствовал, что, закончив с этим, дварка подойдет ко мне. Так и случилось.

Теперь она даже села рядом со мной, хотя и с другого края лавки. В ответ на мои благодарности в адрес обеда попросила рассказать про Дальний Дом, и я подумал, что ее подослали вытянуть из меня информацию.

Но чем дольше я говорил, тем больше сомневался в таком выводе. Уж слишком очевидные вещи интересовали девушку. Она даже не имела представления о космосе и планетах! По-видимому, местные жители не считают необходимым обременять простолюдинов излишними сведениями об устройстве мира и истории собственного народа. Мне пришлось поведать ей о великой пустоте, в которой висят на огромном расстоянии друг от друга небольшие огоньки-звезды. И вокруг этих огоньков кружатся пылинки, которые для нас кажутся столь огромными, что мы живем на них, не замечая их настоящей формы. Привел сравнение с муравьем и тарелкой, не знаю, правда, как транслирует это перевод.

Я объяснил, что пылинки, на которых мы живем, кружатся возле разных звезд, но когда-то все наши предки жили в одном месте, которое называлось Землей. А потом предки дваров и предки сангхитов покинули родину и заселили другие миры. Собственно, я просто пересказал ей услышанное с призапа Софронова еще на Агане. Санэ сидела рядом тихо, как мышка, и внимала, хлопая ресницами. Когда я выдохся, она восторженно протянула:

– Как ты длинно говоришь! Слово Форр!

– Кто такой Форр?

– Говорящий с богами.

Так я узнал про местного коллегу Кудур-мабука. Вспомнились результаты сканирования – картины с огромными могильниками под сангхитским Домом Молчания. Стало неприятно от мысли, что и двары творят ту же гадость. Пожалуй, не стоит все-таки здесь задерживаться.

Отложив эту тему, я поинтересовался у дварки об истории ее народа. Санэ рассказала несколько сказок и мифов, которые не восходили раньше того времени, когда их предки «пришли с севера» и основали этот город – Сиур. А первых предков сделали боги – ниягу. Насколько я уяснил, эти ниягу сами по себе равнодушны к дварам, но могут помочь, если их «покормить», а некоторые могут навредить и тогда нужно звать Форра, чтобы он обманул их.

Дварское мировоззрение оказалось неожиданно архаичным. Есть небо, о котором ничего не известно, есть города – здешний мир, и есть Город Мертвых, куда, как я понял, отправляются двары после смерти. Типичное языческое представление о том, что загробный мир представляет собой зеркальное отражение этого мира. На Земле, как рассказывал Софронов, по верованиям неписменных народов, ландшафт потустороннего мира подобен тому, какой известен туземцам из повседневной жизни. В преисподней нанайцев также течет Амур, есть свои деревни, сопки, тайга, озера. В преисподней даяков Калимантана – море, острова, заливы, джунгли, вулканы. А в преисподней дваров – те же города. Сельских жителей среди сиурян не было, к югу, за стенами тянулись поля, которые обрабатывало население ближайшего квартала. Остальные неустанно трудились по своим ремеслам, многие из которых для нас оставались загадками. На редкость трудолюбивые были эти туземцы, даже их правитель что-то

мастерил.

Мне казалось очень причудливым такое соседство древней мифологии и урбанистической цивилизации с выходом в космос, развитым машиностроением и робототехникой. Наверняка в Сиуре жили более образованные двары, но Санэ к ним явно не относилась. В последний раз, когда мы разговаривали с ней – позавчера, – я подарил девушке фломастер. Она как-то обронила, что ей нравится рисовать, вот мне и захотелось ее отблагодарить за все эти разговоры, которые мне, честно говоря, успели наскучить.

Если бы я только знал, к чему приведет несчастный подаренный фломастер...

А через день его снова пытали.

Волосатое Пузо и Тесипу отвели мальчика в прежнюю «нору», как и в тот раз, заставили влезть на постель и захлопнули крышку. Магану ждал подобного, так что не испугался. Как и тогда, все гудело, трясло и давило на грудь, но теперь он понял, что это не так уж страшно. И совсем не больно. Просто неприятно. Мальчик уперся ладонями в стенки и считал про себя. Когда пошел девятый круг по шестьдесят, тряска прекратилась. На десятом кругу ящик открылся.

Сидеть одному взаперти было очень тоскливо.

Спустя дюжину ушей или больше, дверь распахнулась и в «нору» вошел Тесипу. Он сел на стул и сложил руки на груди, пристально глядя на мальчика. Потом тюремщик заговорил на своей тарабарской речи, но едва он сделал паузу, как другим голосом стал говорить по-человечески, и этот голос исходил... из его сердца!

– Слушай меня, Магану. Ты сделал зло нам, хотя не видел от нас зла. Тебя обманул злой анаким, который вселился в нашего «рубо». Он обещал, что вернет тебя на Аган, верно?

Магану молчал.

– Он солгал тебе. Из-за того, что ты наделал, мы оказались на Раннуиме, планете дваров. Здесь нет твоих родителей, и они не прилетят за тобой. Ты ничего не получил от того, что навредил нам. Как видишь, ненависть ослепляет и делает игрушкой в чужих руках. Я хочу знать, почему ты нас ненавидишь. Разве мы сделали тебе что-то плохое? Говори, не бойся.

– Я не боюсь, – буркнул Магану, глядя на тюремщика исподлобья. – Вы сделали меня рабом.

Тюремщик ответил не сразу.

– Ты так думаешь? Скажи, чем занимаются рабы у тебя дома?

Мальчик отвернулся к стене.

– Неужели забыл? – Тесипу усмехнулся. – Так быстро ушли из памяти порядки твоего дома? Или рабы у вас ничем не занимаются?

– Мусор убирают. Стирают одежду. Еду готовят. Чистят нужники.

– Отлично. Значит, с памятью у тебя хорошо. Тогда напости мне, пожалуйста, как часто ты убирал за нами мусор, стирал нашу одежду, готовил нам еду и чистил после нас нужник? Сколько раз это было?

– Нисколько.

– Но, может быть, мы заставляли тебя делать что-то другое? Напости.

Магану покачал головой.

– Так с чего ты взял, что являешься рабом?

– Потому что вы меня украли из дома.

Тюремщик захохотал.

– Мы тебя украли? Да зачем ты нам нужен? Что ты сделал полезного для нас? От тебя одни неприятности. Тебя нам привез Нарам-суэн. Или ты забыл? Он передал мне просьбу вашего царя взять тебя на Дальний Дом. Я отказывался и говорил ему то же, что говорю сейчас тебе. Тогда Нарам-суэн сказал, что если ты останешься на Агане, то пойдешь на следующую Гарзу. Знаешь, что это такое?

Мальчик кивнул, хотя знал лишь то, что в такой день очень тяжело почему-то на душе, и жуть необъяснимая, и взрослые ходят молчаливые, а тот, кого избирают, уже не возвращается из Дома Молчания.

- Вы хотите забрать меня на Дальний Дом, чтобы изучать. Будете отщипывать кусочки кожи, просвечивать лучами, смотреть внутри, чтобы узнать все про таких, как я.

На сей раз Тесипу не смеялся и молчал дольше обычного.

- Кто тебе это сказал?

- Это правда или нет?

Главный тюремщик отвел глаза и с шумом выдохнул воздух.

- Да, правда. Но все не так страшно, как тебе рассказали. И, я уверен, изучение продлится недолго...

- А я не хочу! - Землянин невольно вздрогнул от крика. - Пожалуйста, Тесипу, отправь меня домой. Я не хочу к вам. Мне не нравится быть здесь. Я хочу домой.

«Некто из старцев говорил: когда волю закроют глаза, тогда он ходит вокруг мельничной машины; если же не закроют, то не ходит кругом. Так и диавол: если успеет омрачить очи сердца, унижает человека во всяком грехе; если же у человека просветились очи сердца, то он легко может бежать от диавола».

Последние два дня я оставался дежурить на «Арксе», пока ребята выходили в город. Утомился уже от дварской экзотики, захотелось отдохнуть. Побывать наедине с собой. Да и Суню надо проветриться.

Сегодня я остался совершенно один - Тези Ябубу решил взять в город сангхитских пацанят.

Поедая гречку с «грибными» кусочками, я отсчитывал в уме дни до окончания рождественского поста. Валялся в каюте, читал Патерик. Хотел сочинить что-нибудь о дварах. В голове вертелась пара строчек, но дальше не шло. Дабы подстегнуть музу, решил поглазеть, как там снаружи. Несколько команд - и на мониторе высветилась картинка камеры № 3 по корпусу. Поле. Черно-белые коровки щиплют клевер. Место нашей посадки оказалось городским пастбищем. Несмотря на махину «Аркаса», стадо продолжили гонять на выпас, прямо перед звездолетом. Пастухом здесь работает Канг, единственный веселый двар из тех, кого я пока видел. Мы с ним перекинулись парой слов вчера, когда знакомились. Простой мужичок. Вот он, кстати, ходит, кнутиком машет. Я переключился на камеру № 5 и увеличил фокус. Дома, деревья, сквозь них видна улица. На удивление безлюдная сегодня.

Разглядывая улицу от одного конца до другого, я заметил фигурку. Это оказался Когг, уверенно шедший через поле. «Наверное, Канга решил проверить», - подумалось мне. Но спустя десять минут стало ясно, что направляется парень к «Арксу». А пастух как раз повернул стадо и погнал обратно в город. Может, время обеденной дойки подошло, кто их разберет. Когда Когг и Канг разминулись, кивнув друг другу, я нехотя оставил каюту и, минуя серые коридоры, вышел к открытому шлюзу, включая на ходу транслят.

Двар меня ждал у трапа. Задрав голову, произнес:

- Привет! Я принес. От отца. Возьми обратно.

Пришлось спуститься. Внизу он мне сунул в руки фломастер.

- Отец извиняется. Санэ слишком юная. Рано еще. А ты чужой.

Я недоуменно повертел в руках отвергнутый подарок.

- Рисовать, что ли, еще рано?

- Нет. Для свадебных даров.

От неожиданности я едва не выронил фломастер.

- Эй! Это был не свадебный подарок. Я просто дал ей, чтобы она рисовала.

Когг пожал плечами.

- Отец сказал: «Верни». Я вернул.

- Передай ему, что он ошибся.

- Передам.

- Ладно. А что у вас сегодня на улицах так пусто?

- Собрались все.

- Куда?

- Война скоро. Каитане выступили. Нас мало. Нельзя победить. Форр говорил с ниягу. Ниягу просят Гарзу.

- Гарзу? - Меня охватило дурное предчувствие. - А без Гарзы никак нельзя?

- Нет.

- Слушай, мы можем прогнать ваших духов.

- Я знаю. Это не то. Нужно прогнать врагов. Вы можете?

- А сколько их?

- Тысячи три солдат. Двести железных зверей.

Я вспомнил наш арсенал. Эх, «Искателей» бы сюда... те бы, может, справились. А так - винтовки, гранатометы - считанные единицы. И то из нас четверых более или менее владеют стрелковым оружием лишь офицеры Сунь и Тези Ябубу. Конечно, на полугодовых армейских курсах кое-чему и меня учили, но за девять лет все из памяти выветрилось, да и стрелять по живым людям... совсем не хочется. Это же не виртуальные игрушки-стрелялки.

- А сколько сил у вас?

- Четыреста и двадцать солдат. Пятьдесят и три железных зверя.

- Нам нужно подумать. Мы поможем вам. Не надо духов. Не надо Гарзы. - Я вдруг поймал себя на том, что невольно заговорил дварскими рублеными фразами.

Когг посмотрел на солнце.

- Поздно, - спокойно сообщил он. - Гарза уже началась.

- Что? Кто? - Я вцепился ему в плечи.

- А, это... Ниягу выбрали Энмеркара. Мальчик-сангнхит. Прибыл с вами.

- Где? - Мои руки вздернули вверх юного двара, так что его глаза оказались на уровне моих.

- Отпусти, - сказал он, болтая ногами. - Я покажу.

Оказавшись на земле, двар неторопливо затопал по полю.

- Быстрее! - Я не удержался и пихнул его в плечо. Меня трясло от напряжения.

- Не толкайся, - однако он все же ускорил шаг. - Все равно тебя не пустят.

- Почему это?

- Мы знаем. Вы сорвали Гарзу на Агане. Здесь такого не повторится. Духи должны помочь.

- Послушай, ваши духи - это демоны, бесы, дьяволы. - Я запнулся, услышав, что призап переводит это одним и тем же словом «ниягу». - Ваши духи злые.

- Бывает, - процедил семенящий рядом Когг.

- Нет! Они всегда злые. Они никому не помогают. А если делают вид, что помогают, то такой помощью вредят еще больше!

Двар остановился, словно врезался во что-то. Прошагав по инерции пару шагов, я нетерпеливо обернулся.

- Я знаю, - впервые я увидел взволнованного двара. - Но что делать? Нам нужно жить. Я не хочу умирать.

- И поэтому посылаешь на смерть другого?

Когг топнул ногой.

- Ты не понимаешь! - ровным голосом перевел транслит его крик. - Что пристал? Я не могу изменить!

- А если бы смог - изменил бы?

Я помчался дальше по траве. Уже возле крайних домов Когг нагнал меня, что с короткими дварскими ногами сделать было непросто.

- Не понимаешь, - пробормотал он. - Так нужно.

- Объясни мне дорогу!

- Прямо до конца. Потом направо, к площади. Там стелы. Не ходи туда.

- Отстань! - Я перешел на бег и Когг отстал окончательно и бесповоротно.

Улица казалась бесконечной. Медленно уплывали назад длиннющие заборы с однообразными дварскими домами и рогатыми воротами. Я уже совсем выдохся, когда достиг перекрестка.

Но что делать, если успею? Что я могу один против полутысячи дваров? Лишь две дурацкие гранаты... Какой от них толк? Разве что взорвать себя и полсотни дваров в придачу. Глупость! Бесплезная дрянь! Прав был Тези Ябубу. Что же делать?

Мерзкие анаким! Стустки древней ненависти! На Агане мальчишку вырвали прямо из их клыков, оттого они и взбесились. Устроили реванш. Вот куда вела эта многоходовка, от принятого нами «варианта один» до сбоя навигационных координат и посадки на планету. И все только для того, чтобы доказать сангхитам и дварам, что мы – слабы, а от них – не скрыться!

Поневоле вспомнилась Васина лекция по жертвоприношениям. Что двары сделают с ним? Перережут горло, как сангхиты? Или наживую вырвут сердце, как древние ацтеки? Вот ведь звери, а ведь с виду такие добрячки!

Что же делать?

Я взмолился, так ярко и ясно, как никогда прежде, даже в детстве, будто перегорели в одном молитвенном порыве все мои сомнения и метания... Я не просил о чуде, не требовал, чтобы Господь Сам все сделал, я жаждал лишь вразумления: что и как сделать мне, чтобы спасти мальчишку. Всего лишь миг, пару секунд просьбы, на бегу, с начинающейся одышкой и покалыванием в левом боку...

И тут я действительно получил ответ. В голове прояснилось, словно невидимая указка направила мысли в одну сторону...

Не могу поручиться, что это было божественное откровение, потому как открылось мне одно простое наблюдение: за все дни общения с дварами я ни разу не видел, чтобы кто-то из них солгал – нам или друг другу. И это определило решение... выход...

На бегу я нащупал в кармане гранату, вытащил... Почти как на перестрелках в виртуальном отеле. Стало страшно, когда вспомнил. Чувство реальности пронзило душу ледяной иглой. Глядя на маленькое табло, я переключил гранату в режим дымовой шашки. Внешний корпус отделился и я выбросил его на дорогу, сжав болванку в ладони.

Вот и площадь. И впрямь забита местными, все мужички, стоят плечом к плечу, что называется яблоку негде упасть. Теснятся молча. С той стороны, через море голов, виднеются две стелы, куда более узкие и высокие, чем на Агане. И лысый коротышка в синем балахоне между ними. Держит за плечи паренька. Энмеркара!

Еще живой!

Успел!

Теперь – только бы получилось, Господи!

Крайние двары настороженно оглянулись на меня. Вдохнув поглубже, я крикнул:

– Нападение! Каитане штурмуют город!

Теперь осталось большим пальцем вдавить округлую кнопку, размахнуться, и... Транслят как раз монотонно переводил мой вопль, когда над головами язычников гроыхнула граната, брызнув во все стороны облаками дыма.

Результат превзошел все ожидания. Двары заголосили и ринулись с площади так стремительно, что едва не сбили меня с ног. Не знаю, чего было больше – желания защитить город или страха от взрыва. Лавируя среди несущихся коротышек, расталкивая, протискиваясь против общего движения, я продирался к стелам. Все это время не спускал глаз с жреца. Поначалу лысый тоже отвлекся, но лишь на мгновение. А затем, не выпуская мальчишку (а уж тот-то как не догадался воспользоваться шумихой? Или сам перетрусил?), достал из глубин халата изогнутый нож и, медленно поднимая, что-то забормотал. Когда я выбрался на свободную площадку, Форр уже замахнулся для удара.

Я запрыгнул на постамент и что есть силы вмазал старикашке кулаком между лопаток. Жрец свалился вперед, перемахнул животом через квадратный столик и замер в неуклюжей позе с торчащими вверх ногами. Осталось схватить пацаненка и увести скорее, но, повернувшись, я замер, будто получил под дых.

Рядом со мной неподвижно стоял маленький робот, одетый в одежды Энмеркара. Покачав

головой, я выругался и пнул его что есть силы.

- Заместительные жертвы, - разглагольствовал Софронов, облокотившись о стол кают-компаний. - В земной истории такое бывало. Я проверял. Например, во многих местах Древней Греции приносились человеческие жертвоприношения, но по мере развития общества обычаи смягчались. Так, на острове Левкад ежегодно в праздник Аполлона, чтобы очистить весь народ, сбрасывали со скалы в море преступника; однако под скалой ждали спасательные лодки - человека вылавливали из воды и обрекали на изгнание. А на острове Тенедос жрецы Диониса брали теленка, ему на копыта надевали башмачки и приводили, словно ребенка, к алтарю бога, где его закалывали. В этом обряде теленок заменял жертвенного ребенка, которого прежде Дионис требовал от жителей Тенедоса. То же самое и у дваров. По крайней мере здешних. Уже довольно давно в местной Гарзе людей заменяют на роботов. И лишь совсем немногие знают, что раньше было не так.

- Спасибо за справку, - процедил я. - Что же они сразу не могли сказать по-человечески?

- А ты у кого-то спрашивал?

- У Когга.

Вдох-выдох. После взрыва на площади прошел уже час, а я все не мог успокоиться. И улыбочки только что вернувшихся с переговоров Софронова и Тези Ябубу еще больше распаляли злость и досаду.

- Он ведь не жрец. Простым дварам строжайше запрещено об этом говорить. Они считают, что анаким, или как их здесь называют ниягу, могут подслушать и понять, что их надувают. А так они якобы подмены не обнаружат.

- Бред какой-то.

- Согласен. Но они в него верят. Нам Форр заранее обо всем рассказал. Хотя и бледнел, и дрожал, и шептал на ухо. Даже завел в специальное подземелье, где якобы «духи становятся слепы и глухи».

- А отговорить их от обращения к демонам вам в голову не приходило?

- Пытались, - охотно кивнул Тези Ябубу. - Но Форр и Сарг были крепко убеждены в необходимости Гарзы. Я не решился препятствовать. Мы здесь все-таки гости, - он развел руками, - и мне казалось, что, может быть, это будет не такой большой грех.

- А что, сообщить мне об этом никак нельзя было?

Капитан удивленно приподнял брови:

- С каких это пор я должен отчитываться перед тобой? - не услышав ответа, продолжил: - Это во-первых. Во-вторых, у тебя был конкретный приказ: ни при каких обстоятельствах не покидать «Аркас». Если бы ты выполнил его, не терзался бы сейчас. В-третьих, мы ведь, кажется, говорили о гранатах тогда, в оружейной? Но ты сделал по-своему. Итак, ты лжешь, воруешь и нарушаешь приказы, а потом еще возмущаешься, почему я тебе не доверяю?

Я молчал, понутив голову и глядя на свои безвольно лежащие руки на столе. Ногти, пожалуй, пора подровнять.

- И наконец, в-четвертых, - продолжил Тези Ябубу, выдержав паузу. - Я пытался связаться по рации с тобой и предупредить на всякий случай. Но не смог. Нас отвели в ту же сакральную катакомбу, и мы сидели там все вместе, и Энмеркар был с нами. Они забрали только его одежду.

- Это я уже знаю. Надели на манекен. Ладно, вы мудры, а я круглый дурак. Ясно.

- Нет, Зеберг. Несмотря на вышесказанное, я думаю, ты поступил правильно. Даже рад немного. Мы ведь понимаем, какие мотивы тобой двигали. Они заслуживают уважения. И то, как ты действовал, - тоже. Но выполняя приказ и имея хоть чуточку доверия, ты бы не наворочал таких дел.

- Прости, капитан, - вздохнул я. - Виноват. Просто хочу пояснить. С этими гранатами. Я вполне доверяю тебе, но я не доверял дварам. Поэтому и взял. Приношу извинения, - достав из потайного кармана второй брусок, я передал его через стол.

- Да кто ж им доверяет, - забирая гранату, усмехнулся Тези Ябубу. - Я тоже сплеховал, не сообразив вовремя, что рация из-под земли связь держать не будет. Ведь здесь некому поставить под землю ретрансляторы. Ладно. Что сделано, то сделано. Никто не пострадал, и то слава Богу.

- Но двары, должно быть, рвут и мечут. - Я помассировал виски. - На улице мне лучше не появляться.

- Конечно, они огорчены, - вступил со своего места Вася, - но...

- Что, «но»?

- Не так сильно, как можно было бы ожидать. У нас сейчас состоялся довольно жесткий разговор с Саргом, но когда мы втолковали ему, что ты пытался спасти настоящего мальчика, тот заметно смягчился. Но все равно правитель недоумевал, почему ты сказал, что враги напали, хотя они не нападали. Кажется, факт лжи поразил его больше, чем остальное. Новую Гарзу они затевать не будут. Форр сказал, что ниягу обиделись и теперь все равно не помогут. Так что город готовится к обороне под руководством Тарма. Это отец Когга.

«И Санэ», - вспомнил я.

- Но тебе, наверное, действительно лучше пока побыть на «Арксе». Немного. Да и Суня пора сменить.

Я молча кивнул. А еще вспомнилось вычитанное утром изречение аввы Арсения: «Пришелец в чужой стране ни во что не должен вмешиваться, и тогда он будет спокоен ». И почему на такие вещи обращаешь внимание, лишь когда уже поздно?

Через два дня заточения, в которые лишь «рубо» навещали его, чтобы молча поставить пищевую шкатулочку, Тесипу пришел снова и сказал все так же, вторым голосом из груди:

- Собирайся. Мы поведем тебя к дварам. Если тебе плохо здесь, может быть, там станет лучше. Их правитель разрешил.

Он сунул мальчику плотную рубашку с длинными рукавами.

- Надень. Там холодно.

Как только их с Энмеркаром вывели наружу, Магану был ошеломлен. И в этом ошеломлении пребывал весь день, с каждой минутой изумляясь все больше.

Здесь было все другое. Решительно все. Ну, может быть, трава такая же, как на Агане. А в остальном... Небо высокое и серое. Необычные запахи. Диковинные домики дваров - каменные кубы с дырками, огороженные рядами досок. И поставлены странно - линиями, по которым ходили горожане. Сами двары оказались такими, как их рисовали - невысокими, бородатыми и очень волосатыми. Даже над глазами у них росли маленькие бородки. Их было ужасно много на линиях между домов, они кричали друг на друга, а еще водили свои знаменитые машины. Те оказались совсем другие, чем земные «рубо». Они не были похожи на людей, даже ног у них было много, три или четыре, и передвигались странно...

А в небе - ни одного летателя! «Немудрено, что им приходится топтать пешком!» - подумал Магану. Хотел поделиться мыслью с идущим рядом Энмеркаром, но постеснялся тюремщиков. Они теперь все могли понимать человеческую речь, и было их сразу трое - Тесипу, Волосатое Пузо и Желтая Рожа. Разговаривали между собою о чем-то, но вокруг стоял такой шум от дваров, что и самого себя с трудом услышишь.

А еще двары сажали деревья прямо на земле! И деревья эти оказались необычные - с малюсенькими листочками, но очень высокие. А однажды они шли по земле, которая дрожала и ритмично гудела: бумм-бумм-бумм-бумм...

И совсем было не холодно.

Когда их привели к очередному жилищу и впустили в ворота, Магану увидел коричневых пушистых животных с острыми носами, которые бегали по двору. И огромное множество невиданных предметов, которое глаз не успевал рассмотреть и запомнить. Двери у дваров тоже вышли диковинные - не как у сангхитов, и не как у землян, а просто висящая сверху простыня, которую нужно отодвигать, чтобы войти в комнату, пахнущую дымом и хлебом и

освещенную разноцветным светом, падающим сквозь дырки в стенах.

– Семья Канга согласилась взять тебя в свой дом, – строго проговорил главный тюремщик прежде, чем уйти. – Веди себя достойно. Здешний Глава Контактеров обещал помочь нам поговорить с Аганом. Я буду просить, чтобы тебя вернули.

Если когда-то Магану был близок к тому, чтобы поблагодарить землянина, то именно в этот момент. Но не успел. Слишком много впечатлений нахлынуло. Он и с Энмеркаром-то как следует не попрощался. Тот тоже глядел на все с вытаращенными глазами и открытым ртом.

А потом тюремщики и друг удалились, для Магану настал черед знакомиться с хозяйкой – толстой и веселой дваркой по имени Уинэ, которая немедленно повела его за стол угощать самыми настоящими лепешками и самым настоящим молоком!

Форр ждал возле семиярусной пирамидки – уменьшенной копии колоссальных аганских башен. Дварская пирамида казалась не выше трехэтажного дома и без всякой растительности на ярусах. Сам жрец – старый лысый двар с грубо выбритыми щетинистыми щеками – казался даже не уменьшенной копией, а скорее пародией на сангхитского Главу Контактеров. Он внимательно оглядел нас и, естественно, задержался на мне. Я не отвел взгляда. На дне старческих водянистых глаз читались страх, усталость и еще одно выражение, которое можно заметить у людей, взявших в привычку всегда за все извиняться.

– Это Зеберг, – представил меня Вася, желая заполнить двусмысленную паузу.

– Прошу прощения за то, что ударил тебя, – подхватил я. – Мне очень жаль.

– Не делай так больше, – серьезно ответил жрец.

– Не буду.

Софронов улыбнулся, а лысый двар молча повернулся к нам спиной и повел нас в низкие ворота пирамиды.

– Следовало факелы зажечь, – сказал Форр, когда мы оказались в пропахшей плесенью тьме. – Не успел. Здесь давно не был.

Сам он, впрочем, ступал весьма уверенно. А нам оставалось не отставать, ориентируясь на звук шагов, придерживаясь руками за сырые холодные стены, вдыхая тяжелый каменный запах, то и дело натываясь друг на друга. Благо, идти пришлось недолго. Сначала прямо по узкому коридору, потом направо и вниз по винтовой лестнице, где я чуть не споткнулся.

Спустившись, мы свернули налево и оказались в пустой комнатке. На противоположной от входа стене тускло мерцало зеленоватое пятно размером с тарелку. Вот и все освещение. В зеленоватом мареве фигуры друзей казались тенями, и собственное тело – тоже. Почему-то дышать здесь было трудно.

Коротышка-жрец подошел к пятну и коснулся пальцами фосфоресцирующей поверхности. Та дрогнула, прокатилась рябь, а затем все разошлось, будто мороз на окне оттаял. Пятно превратилось в окошко. Сквозь него мы увидели кусок стены, увешанной пучками сушеных трав, из которых выглядывали уродливые статуэтки. Кто-то подошел, показалось плечо в синем балахоне, затем шея, перетянутая шнурком с кольцом, наконец, лицо.

Мы, как один, вздрогнули. А он даже бровью не повел.

Господи, ну и глаза у него теперь стали!

– Что надо?

– Бонго... – Первым в себя пришел Вася. – Как ты там?

– Замечательно. Давайте к делу.

– Мы сейчас оказались на Раннуиме.

– Я в курсе.

– Твоих рук дело? – спросил Тези Ябубу.

– Зачем мне это надо?

– А чем ты вообще занимаешься на Агане?

– Продолжаю исследования, капитан. – Бонго хмыкнул, прищурившись. – Разве не так вы написали в отчете на Землю? И это правда. Я углубляю контакт. С высшей расой.

- Это сангнхиты, что ли, высшая раса?

- Ха! Сангнхиты лишь стадо тупых, трусливых и ограниченных холопов, неспособных осознать и тысячной толики величия и могущества тех, кому прислуживают...

- Тех, кто убил Мусу? - не выдержал я.

- О, Клаус, и ты здесь? Ну прямо телемост! - Он засмеялся. - Наслышан о твоих подвигах. Кажется, срыв Гарзы становится вашей визитной карточкой. Или хобби? В любом случае у тебя, безусловно, получилось эффектнее, чем у Васи. Жаль мне вас, друзья. Если бы вы только видели, сколь мелочны и ничтожны все ваши «успехи», все ваше копошение перед лицом того мира, который составляют существа иного порядка, мудрейшие, изначальные, неподвластные тем убогим схемам, в которые тщится облачить их человеческий ум...

- Если анаким такие крутые, то какое им дело до нас? - процедил Софронов. - Какое дело до сангнхитов? К чему мелочиться-то? Чего же они успокоиться не могут? Чего так зависят от нас?

- Какое дело игроку до пешки? - возразил Бонго. - Если бы пешка могла думать, она бы тоже решила, что игрок зависит от нее. Вы все - одна пешка. Раннуим - еще пешка. Аган - тоже. Вам никогда не постигнуть целей тех, кто играет вами.

- Пешка, которая может изгнать игрока, - уже не пешка. - Вася вытер пот со лба. - Те, кому ты продан, - лишь ментальные паразиты. Высасывая жизнь из тех, кто по-настоящему жив, они тщатся забыть о собственном ничтожестве. Я вижу, теперь ты стал Главой Контактеров. - Бонго кивнул. - Что с Кудур-мабуком?

- А ты не догадываешься? Клаус ведь тебе показывал картинки со сканера на Доме Молчания.

- Пошли отсюда! - не выдержал я. - Нашего Бонго больше нет.

- Подожди, - одернул Тези Ябубу. - Один из мальчиков, Магану, хочет вернуться. Если мы договоримся с дварами, они смогут его переправить на Аган. Примут ли Магану обратно?

Бонго покачал головой.

- Если кто-то из мальчишек вернется, их придется убить. Они уже не нашей жизни. Так что лучше держите их при себе. Их никогда не примут здесь. Не от меня это зависит, и не от лысоголовых, а... сами понимаете. Теперь о том, что вы хотите, но не решаетесь спросить. Конечно, на Агане есть необходимая вам астрографическая информация. Но передать ее не смогу, уж простите. Это ведь не интернет. - Он провел пухлым пальцем по рамкам окошка. - Да и бинарный код здесь не в ходу. Знание передается непосредственно либо через то посредство, которое вы так легкомысленно отвергли. Хотя... мой выбор не закрыт для вас. Можете прибегнуть к нему в любую минуту. Вспомните об этом, когда припрет.

- Довольно! - приказал капитан. - Прощай, Бонго. Последнее только. При пересылке в точке связи мы получили письма на твое имя. Если хочешь, я могу передать что-нибудь от тебя для твоих жен или детей, когда вернемся домой.

- А с чего вы взяли, ребятки, что вас отпустят домой? - Он приподнял верхнюю губу, обнажая оскал. - Впрочем, вы любите изгаляться да выкручиваться. Ну... если вернетесь на Землю, передайте моим женам, чтобы искали себе новых мужей. Лично я уже нашел здесь новых жен.

Чем дольше Магану жил в семье Канга и Уинэ, тем больше удивлялся. Много ему нравилось: и сами двары-хозяева, и сын их Лурр оказались добрыми и отзывчивыми. Но вот дварский образ жизни...

Почти полдня все работали. Канг пас коров возле земной коробки-тюрьмы, а вернувшись с поля, спускался в подвал, где в специальной комнатке чинил или мастерил загадочные устройства. Уинэ прибирала дом, готовила пищу, шила, стирала, ухаживала за личными животными и делала еще целую прорву дел. Лурр полдня проводил в дварском Доме Табличек, где их учили работать с машинами, потом заходил домой, относил отцу в поле обед, а вернувшись, помогал матери, и особенно во дворе.

Магану большую часть дня был предоставлен сам себе. Выходить за ворота он долго не решался, только пару раз сходил вместе с Лурром на поле через город. Энмеркара не видел.

Тюремщики тоже не заходили.

На четвертый день гость начал скучать. Хотелось поиграть, но не с кем – почти всегда все были заняты. Наблюдая, как Лурр деловито подметает двор, Магану не выдержал и спросил:

– Почему вы делаете все сами? Где ваши рабы?

– У нас нет рабов, – ответил паренек, скребя метлой.

– Значит, вы все рабы?

– Значит, мы все свободные.

– Тогда почему делаете все своими руками?

– Чтобы был свет. Чтобы была пища. Чтобы был дом, и в нем удобно.

– У нас это делают рабы. А другое дают анаким. Если бы вы умели прислуживать анаким, как наши взрослые, вам не приходилось бы работать своими руками!

Лурр засмеялся:

– А если бы ваши взрослые умели работать своими руками, им не пришлось бы прислуживать анаким.

И с этими словами закончил мести, поставил метлу в угол и ушел в дом. Магану остался один посреди двора. Речи Лурра звучали обидно. Вспомнилось, что отец всегда говорил о дварах с насмешливым презрением. Теперь стало ясно почему. У дваров было низкое в голове. Никакого благородства. А ему, сыну Главы Торговцев, даже находиться среди простолюдинов не подобало.

Впрочем, они были много лучше злобных тюремщиков-землян. И в их доме гораздо приятнее.

К тому же скоро за ним прилетят с Агана и заберут домой!

Вечером, когда вернулся Канг с работы и они уселись поужинать за общим столом, хозяин сказал, обращаясь к Магану:

– Я видел сегодня Тесипу. Они разговаривали с Аганом. С вашим служителем ниягу.

Мальчик мгновенно наострился и отложил ложку. Сердце забилося быстро-быстро.

– Плохие новости, сынок, – продолжал Канг, вытирая усы. – Тебя не возьмут назад. Твои отказались.

Когда до Магану дошел смысл услышанных слов, его охватила паника.

– Я не хочу обратно в тюрьму! – нервно прошептал он.

– О чем ты говоришь? – Двар приподнял массивную бровь.

– Земляне. Тюремщики. Они злые, – затараторил мальчик. – Они меня держали в «норе»! И Энмеркара тоже! А потом забрали из сада! А еще они сломали Узкого! Специально! Они напали на наш город и пытались захватить его! И на ваш город тоже нападут! Они хотят всех украсть и увезти к себе, чтобы там отщипывать кожу...

С каждой фразой Канг мрачнел все больше, как небо перед грозой. Наконец тяжелая дварская рука поднялась и отвесила такой подзатыльник, что Магану поперхнулся и чуть не макнул носом в миску перед собой. Уинэ ахнула.

– Даже собака не лает на того, кто ее кормит и дает ночлег, – пророкотал двар, сдерживая ярость. – А ты выдавал себя за благородного, дурной мальчишка. Убирайся из-за стола, ты недостойн есть, как благородный.

Магану соскочил с табуретки и под жалостливым взглядом хозяйки опрометью выбежал во двор, чуть не запутавшись по пути в дурацкой входной тряпке. Лицо горело от негодования, мальчик топнул ногой, а побежал дальше, за ворота, вдаль по улице. В этот час было совсем немного прохожих. И очень тихо.

Но нет – откуда-то слева, издалека слышались крики. Женские.

Я услышал крики за спиной и обернулся. В глаза бросилась аккуратная, как в швейцарском сыре, дыра в стене, метра полтора диаметром. И мечущиеся по улице двары. Женщины, подхватывая детей, бежали прочь от пробоины, а мужички, наоборот, собирались ближе к стене. Миг – и в ней возникла еще одна дыра, совершенно беззвучно – если только звук не заглушили топот и крики бегущих. Санэ схватила меня за руку и затараторила:

- Пойдем! Скорей! Железные звери! Скоро лучевать...

Я отступил на шаг под ее напором, но тут в стене вспыхнула – иначе и не скажешь – третья пробоина, которая соединила первые две в один большой проем.

- Что здесь происходит? – спросил я, вглядываясь в напряженные фигурки бородачей, окруживших пролом. Не больше десятка. В руках каждый держал белую палку с раструбом.

- Тебе нельзя! – Санэ толкала меня назад, вцепившись в локоть. – Не умеешь. Звери сейчас. Скорее!

Почти поддавшись, я отступил еще на шаг, по-прежнему глядя в сторону дваров, так, чтобы призап записывал как можно дольше... В дыру пролезла металлическая коробка с отростками. Из раструбов бородачей ударили слабые голубоватые лучи, и робот исчез. Не отпрянул, не упал, не разлетелся – именно исчез. А проем расширился, будто обгрызенный полукружиями по периметру.

Я встал как вкопанный, на минуту перестав внимать уговорам Санэ, которые транслируют монотонно бормотал мне в правое ухо. Нужно было разобраться, что здесь происходит...

Снова замелькали голубые лучи, уже с той стороны, снаружи. На моих глазах один за другим исчезли трое дваров-защитников. Мгновенно, беззвучно, бесследно... Поредевшее кольцо рассыпалось, каждый бросился в свою сторону, а из пробоины выпрыгнул трехногий робот с двумя стволами на плечах. Он двигался невероятно быстро, постоянно вертеться, как марионетка. Из плечевых раструбов вырвались один за другим две голубые вспышки, первая оставила круглую выбоину в мостовой, а вторая аннигилировала одного из убегающих дваров – будто его стерли, как спецэффект на видео.

- Беги отсюда! – опомнившись, закричал я девушке, которая, прижавшись ко мне, молча смотрела на то, что творилось у стены.

- С тобой, – тихо ответила она. – Уходи. Опасно!

- Беги ты, Санэ! – Мне пришлось чуть подтолкнуть ее. – Я догоню тебя!

Она взглянула на меня растерянno и отошла. А я снова повернулся к стене и встал у ближайшего забора, чтобы случайно не попасть под луч. Один из убежавших дваров развернулся и, не целясь, полоснул лучом по роботу. У того будто «слизнуло» туловище-коробку. Железные ноги, покосившись, с грохотом рухнули на брусчатку. А из пролома уже вылезал следующий «зверь», за ним – еще и еще. Все пять дваров, которые только что убегали, остановились, вскинули палки-лучеметы, замелькали голубые вспышки... и загремели о мостовую отрезанные стальные «ноги» и куски коробок, дваров осталось двое. Слева раздался оглушающий треск и шум – это повалилась старая липа в соседнем дворе, один из лучей, пущенных роботами, подточил ее ствол.

В дыру пролез очередной «железный зверь». Двары побежали, каждый в свою сторону. Я догадался, что оружие их требует нескольких секунд на перезарядку, а своими метаниями они пытаются «потянуть время» и не угодить под аннигилирующий луч. Кто-то схватил меня за руку, обернувшись, я с изумлением и досадой увидел, что Санэ не ушла, а ждет меня.

- Беги! Беги! – Она стала передо мной, взяла меня за руки и принялась толкать.

Через ее плечо я увидел, как стальная коробка с раструбами поворачивается, а потом полыхнуло голубым... совсем рядом... Санэ исчезла.

Я еще чувствовал тепло на своих плечах от прикосновения ее рук, а самой Санэ больше не было. Опустошенно привалившись к забору, устался себе под ноги. Послышались топот, звон, далекие крики, кто-то пробежал мимо, направляясь к стене...

- Господи, что же это... что я наделал?

Дваров с лучеметами набежала целая толпа. Роботы в проеме больше не показывались. Я развернулся и побрел прочь, вверх по улице. Свернув несколько раз, вышел к знакомым воротам с обломанным рогом. От прикосновения створка скрипнула, несколько шагов – и я оказался во дворе. Все так же лениво бродили коричневые «куры», ковыряясь в земле, слева, под липой, пустовала скамейка, у стены стояла метла...

Зашуршал полог, из-за него вылез Когг. Наверное, в окно меня увидел, как я его тогда, из

звездолета.

– Позови отца, – сказал я.

Он кивнул и скрылся в доме. Через минуту вышел двар с кучерявой бородой и выжидательно посмотрел на меня.

– Санэ исчезла, – сказал я. – Когда «железные звери» пробили стену, мы были рядом и... не успели убежать.

Лицо Тарма потемнело.

– Сам видел? – коротко спросил он.

– Да, – признался я. – Она была совсем рядом. – Хоть режьте меня, но я не смог выговорить правду: что Санэ осталась там из-за моей глупости и погибла, загородив меня от луча. И двадцати минут не прошло как она отдала жизнь за меня, а я стоял, заискивающе глядя в глаза ее отцу, и изворачивался, лишь бы выгородить себя.

– Всем предстоит уйти в Город Мертвых, – проговорил Тарм. – Рано или поздно. Поминки Санэ будут завтра. Приходи.

– Да. Я приду. Простите меня, – выдавил я из себя. Это все, на что хватило моей совести.

– За что? – Может, у двара и была какая-то интонация, но транслят переводил все одинаково монотонно, представляя собеседника бесстрастнее, чем было на самом деле.

– Я... – Вдох. – Мог ее увести.

– Почему не увел?

– Не знал. Не подумал, что так все выйдет. Это ведь первый раз у меня...

– Да. Ты не знал, – констатировал Тарм. – Нечего извиняться тогда.

Я так и не понял, был ли это укор или прощение. Проклятый транслят!

Мне пришлось пережить все еще раз – сидя в кают-компании и показывая экипажу «Аркса» запись своего призапа. Каждую из тех минут, когда можно было спасти Санэ. Когда на экране она загородила обзор, схватив меня за руки, и крикнула, я не выдержал. Выключил картинку.

– Ребята, простите, но я больше не могу. Основное вы видели.

Они тактично помолчали.

– Что же это за оружие? – задумчиво проговорил Тези Ябубу. – Как оно работает? Как можно защититься от этих лучей?

– Я спрашивал Форра, – ответил Софронов. – Лучеметы сейчас редко производят, потому что хватает тех, что остались от дедов. Здесь уже довольно давно не было войн.

– Угроздило же нас попасть! – не сдержался я.

– Нет, – возразил Софронов, качая головой, – это не мы попали к началу войны. Это война началась из-за того, что мы здесь оказались.

– О чем ты болтаешь?

Русский вскинул удивленный взгляд, и мне стало стыдно: надо, конечно, получше следить за речью.

– Прости, ты же не был при наших переговорах, – смиренно ответил Вася. – Я болтаю о том, что каитане пошли войной против сиурян именно из-за того, что мы приземлились в Сиуре.

– Почему?

– Точно неизвестно, – ответил Тези Ябубу. – Сарг полагает, что им нужен «Аркс».

– Наши технологии?

– Вряд ли. Он более ценен для них как металлолом. Как ты заметил, цивилизация дваров зависит от использования металлов. Местные запасы руды истощены. Разрабатывать руду на других планетах слишком дорого. Обычно двары покупают сталь у сангхитов. Не тех, что с Агана, а других. Разумеется, цены довольно высоки. А тут, сам понимаешь, с неба падает целая гора драгсырья. Для них это все равно что золото для наших предков.

– Варвары. – Я покачал головой. – Дикари. У нас бы не стали развязывать войну только ради того, чтобы пограбить.

– Ты уверен?

- Нет. Но все равно гадко. А нельзя послать парламентариев к этим, как их... дуракам из соседнего города и попробовать с ними договориться?

- Я об этом первым делом спросил. - Вася всплеснул руками. - Сарг на меня вылупился как на полоумного. У них даже представлений о переговорах нет. И послов нет. Никакой дипломатической культуры. Между городами только торговые отношения.

- Ну а если мы попробуем все-таки потолковать? Мало ли, что не было, наладим традицию...

- А кто пойдет? Сами двары точно не пойдут. Кто-то из нас? Нет никаких гарантий, что каитане не аннигилируют парламентария, едва завидев его. Лично я уверен, что именно так они и поступят. Хочешь поставить эксперимент?

Я досадливо отмахнулся:

- Тогда стартуем отсюда и вернемся на орбиту. Не буду напоминать про то, как кое-кто предупреждал, что не стоит приземляться.

- Если мы стартуем сейчас, топлива не хватит, чтобы сесть и стартовать в третий раз, - подал голос Сунь. - Мы будем обречены остаться на орбите.

- Конечно, быть испепеленными в местных разборках намного лучше.

Тези Ябубу поморщился:

- Клаус, оставь сарказм. Вольно или невольно, но именно мы втянули сиурян в войну. Они нас приняли, были честны с нами, не захватили силой или обманом наш корабль. Более того - защищали и нас в том числе, когда отбивали разведатаку. - Я вздрогнул и сжался, вспомнив, как исчезла передо мной Санэ. - Бросить их теперь - подло. Напоминаю, что мы здесь представляем все земное человечество. В крайнем случае стартуем и сделаем так, как ты предлагаешь. Но прежде попытаемся помочь сиурянам победить в войне. Отбить главное нападение. Сегодня вечером.

- Вы видели, как работают их лучеметы? Я видел! А у нас что? Все «искатели» погибли во время штурма Агана.

- Есть арсенал.

- Гранатометы-пулеметы? И кто ими умеет пользоваться? Ты да Сунь. Можете вдвоем остановить трехтысячную армию? Лично я не умею и не хочу никого убивать.

- Это не твоя забота, Клаус. Я скажу, когда от тебя что-нибудь потребуется.

- Спасибо. Очень мило. Но все же, если вас не очень затруднит: разузнайте, как работают дварские лучеметы.

- Зеберг, успокойся, - устало сказал Вася. - Не ты один тут умный. Узнавали уже. Я ведь начал говорить, что их сейчас делают мало. В Сиуре нет мастеров. Лучеметы изготавливают в другом городе, далеко отсюда. Сарг утверждает, что кроме мастеров никто не знает, как работает это оружие. Впрочем, так у них со многими ремеслами и даже науками. Астрономы живут в третьем городе, еще дальше. Местные двары готовы вызвать их и попросить помочь нам с навигацией, но не раньше, чем закончится война с каитанами. Так что по-любому мы должны помочь сиурянам. Я просил у Сарга для исследований дать один экземпляр, но правитель наотрез отказался. Накануне войны здесь каждый ствол на счету.

Чувствовалась всеобщая взволнованность. Ожидание. Наверху стены, у щитка, стояли трое землян и несколько дюжин дваров. У всех в руках были странные палки, у дваров - белые, а у землян - черные. Внизу, под стеной в несколько цепей выстроилось много-много дваров, тоже с белыми палками в руках. Все хмурые и злые. Когда Магану попробовал спросить одного молодого двара, чего все ждут, тот приказал немедленно уходить, а двар постарше на такой же вопрос молча отвесил ему подзатыльник и ткнул пальцем на дорогу к площади.

Магану обиделся и убежал, но не туда, куда они хотели. Он решил обойти с краю и посмотреть, что же там такое, за стеной. Идти пришлось долго, и пока мальчик шел, сверху по кромке стены чернели силуэты дваров, словно зубцы на гребне. А под стеной стояли огромные «машины».

Постепенно расстояние между ними становилось все больше, двары появлялись все реже, а

внизу и вовсе исчезли. Высмотрев свободный участок, мальчик забежал по крутой лестнице и встал на парапете. Пришлось приподняться на цыпочках, ухватившись за каменный край, вдыхая тяжелую пыль.

За стеной он увидел поросшее дикой травой поле, а вдалеке – кромку леса. Как и на Агане, здесь не позволяли лесу подходить близко к городу. Приглядевшись, Магану заметил, что у деревьев чернеет неровная масса. И вдруг она задвигалась! Стала расти и распадаться на темные точки, а точки все больше вырисовывались в дварских «рубо». Они неслись к городу. Много. Дюжина дюжин, и даже больше. Магану моргнул.

Далеко слева, оттуда, где скопились двары на стене, послышались хлопки. А на поле вспыхнули огоньки, один за другим, три или четыре. Донесся гулкий стук. Опять слева захлопало, и Магану успел сосчитать: один, два, три раза!

На этот раз полыхнуло ближе, черное с красным, и Магану разглядел, как один из «рубо» разлетелся от такого испуга прямо на бегу! Тут же загромыхало громче. Стало видно, как на поле, там и сям, лежат смятые коробочки с торчащими ногами и дымят черными струйками. А дальше он заметил, что за «рубо» бегут еще какие-то маленькие... двары! Стал различим топот. В этот раз хлопки на стене слились почти в один. И еще три бегущих «рубо» с грохотом разлетелись на куски. Но другие совсем не обращали на это внимание! Все так же неслись к городу, и Магану сумел рассмотреть, какие они странные – вместо рук неподвижные белые палки, нацеленные вверх. А двары за ними тоже поспевали, хотя, конечно, не так стремительно и на большом расстоянии. Магану очень удивился, увидев такую толпу. Никогда за всю жизнь он не видел столько людей вместе, а тем более – бегущих. Смотрелось невероятно забавно. Какие все-таки двары странные! Дома никто не поверит, если рассказать. «Рубо» успели подбежать совсем близко к стене, и тут все замелькало голубыми вспышками. Магану даже рот раскрыл от изумления: ближайшие «рубо» просто исчезли, словно их слизал кто-то, только от некоторых остались ноги, которые сразу попадали. У одного уцелела нижняя часть. Пробежав немного, она ударилась с разбегу о стену и отлетела наземь.

Снова засверкали вспышки и захлопали выстрелы, смешавшись с грохотом. Магану почувствовал, как вздрогнули камни под ним, и испугался. Вторая цепь подбегавших машин поредела, кто-то исчез в воздухе, некоторых разнесло огненными испугами, но другие подбегали совсем близко и сами посветили лучами. Стена вдруг уменьшилась, оттуда донеслись крики, и опять замелькало синее, стирая подбегавших «рубо»... А толпа дваров тоже стала ближе, как рой, несущийся к городу.

Кто-то сзади схватил его за руку и грубо развернул. Магану охнул – Бледная Вонючка с перекошенным от злобы лицом и воспаленным взглядом. Он закричал что-то на своем наречии и сразу же, развернувшись, зашагал вниз, таща за собой мальчика. С груди тюремщика донеслось равнодушно:

– Что ты здесь делаешь? Глупый мальчишка! Надо уходить, пока тебя не испекли!

Магану пробовал вырваться, но куда там, – землянин так сжал руку, будто она застряла в расщелине дерева, а шагал своими длинными ножищами так широко, что приходилось бежать, дабы поспеть за ним. Они в один миг сбежали, да считай, скатились по лестнице, и помчались по улице, прочь от стены. Бледная Вонючка что-то раздраженно бормотал себе под нос, а с груди равнодушный голос пересказывал это на человеческом языке, но все мешалось, и на бегу было не до того, чтобы вслушиваться, только и мыслей, как бы не споткнуться, не то этот скороход просто вырвет на ходу руку. Магану действительно стало страшно, он думал, что тюремщик снова засунет его в коробку, и стало так грустно, что слезы навернулись на глаза. Два раза мальчик успел обернуться, глянув на стену, уменьшающуюся и трясущуюся в глазах от бега, и на второй раз с изумлением увидел, как в ней появились большие дырки, и в них полезли двары с белыми палочками... Бледная Вонючка резко повернул. Магану споткнулся, но тюремщик подхватил его, вздернув за руку, и закричал опять – видно, бранился.

А потом они снова бежали, уже по пустой улице, а за ними гнались трое или четверо дваров из-за стены. Однажды сзади посветили голубым, и в доме напротив исчез кусок угла. А потом

снова мелькнул голубой луч, совсем рядом, и вырезал большую дыру в заборе, мимо которого они бежали.

Тут Магану догадался. Догадался и испугался. Он все понял. Тюремщики снова пытались напасть на город, для этого и сели сюда, но здешние двары дали им отпор, а теперь отлавливают по одному! Бледная Вонючка бежит в свою железную коробку и прихватил его с собой! Как было глупо попасться ему на глаза! Если бы не это, можно было бы поглазеть, как двары прогонят землян, словно крыс, а то и сотрут своими лучами... А теперь приходится нестись со всех ног за ним, двары наверняка решили, будто он с землянами заодно и даже могут стереть его!

Забежали за угол. А потом еще раз, с другой стороны дома. Бледная Вонючка остановился, шумно дыша и мотая головой. Магану тоже запыхался, а еще стало колоть в боку слева. Было очень страшно, ведь двары вот-вот выбегут к ним! Тюремщик отпустил руку мальчика и, шагнув к дровнику, поднял палку. Потом, обернувшись, сказал что-то, через мгновение донеслась человечья речь:

– Отойди дальше скорей, опасно! Беги!

А сам прислонился к стене, ухватив палку обеими руками.

Магану попятился, но убежать не стал, смотря во все глаза.

Из-за угла выскочил молодой рыжий двар с куцей бородкой. Стрелялку свою держал наготове, уже вскинул, завидя их...

И тут землянин с размаху ударил его палкой по голове. Раздался глухой шлепок и двар, отлетев, с шумом рухнул на землю. А тюремщик, замахнувшись, ударил его еще раз, опять по голове.

Потом оглянулся зачем-то и, наткнувшись взглядом на Магану, страшно испугался.

– Беги! – крикнул он.

Но мальчик не шелохнулся, просто оцепенел, растерянно хлопая ресницами.

Из-за угла выскочило двое дваров, с густыми бородами, и следом за ними третий, черноволосый...

Землянин отпрыгнул и встал перед Магану, да еще схватил его левой рукой и спрятал за широкой спиной и замахнулся палкой. Мальчик от страха вцепился в Бледную Вонючку, обхватив его со спины. И вдруг почувствовал, что землянин дрожит. Всем телом.

Так они стояли несколько мгновений, Магану даже зажмурился... но ничего не происходило. Он осторожно выглянул из-за бока застывшего в боевой позе землянина. Увидел, что три двара стоят неподвижно напротив них. И стрелялки свои опустили. И как-то необычно смотрят на рыжего двара, который лежал в пыли. Из головы его сочилась темно-красная кровь, скапливаясь в лужицу.

Прибежали еще несколько дваров и тоже при виде их застыли, словно угодив в невидимые силки. Только стояли и моргали с ошеломленными лицами, а один даже выронил свою стрелялку. Около уха так стояли и почти не шевелились. У землянина затекла поднятая рука с палкой и он опустил ее, перехватив левой. А еще расставил ноги шире и водил головой, оглядывая застывших бородачей. Потом прибежало совсем много дваров и с ними случилась та же история, так что уже целая толпа стояла напротив них. И никто при этом не сказал ни слова. Было тихо. Только издали доносились крики. Все реже.

С левой стороны подбежали местные двары и тоже замерли в растерянности. Те и другие стояли рядом, глядя в одну точку. Кто-то качал головой. Наконец через толпу протиснулся седой крепыш с большими бровями и строгим сморщенным лицом. Очень похожий на старика из комнаты грез. Он спрятал свою стрелялку за пазуху и не спеша подошел. Землянин тут же замахнулся палкой, но старик, не оглянувшись, остановился у лежащего на земле парня. Присел на корточки рядом с ним, ощупал. В полной тишине.

Потом встал, повернулся к ним спиной, схватил себя за вихры и с силой вырвал клочок волос. И даже не закричал от боли, только хмыкнул еле слышно. Бросил волосы на землю и пошел в толпу. Чужие двары расступились, пропуская седого. И ушли за ним. Все так же безмолвно. А

тот, что уронил стрелялку, даже не поднял ее. Так и осталась лежать в пыли.

А еще остались местные. Из них вышел один невероятно бородатый двар в пестрой одежде. Он и сказал первые слова:

– Зе-ег, опусти палку.

Чуть помедлив, землянин подчинился. Палка с глухим стуком упала у его ног.

Бородатый двар печально посмотрел на рыжего парня и на клок седых волос, покачал склоненной головой. Спросил:

– Пойдешь со мной?

Не сразу, но землянин кивнул. И они ушли вдвоем, а местные двары расступались у них на пути.

Про Магану все забыли, будто и не видели его.

Дварская тюрьма оказалась внутри пирамиды-зиккурата. Той самой, единственной. Кажется, на втором-третьем ярусе. Сарг долго скрежетал проржавевшим замком, открывая потемневшую от времени дверь. Когда открыл – жестом приказал войти внутрь. Так я оказался в каменном мешке два на два метра с короткой лавкой из двух прогнивших досок и табуреточкой, столь ветхой, что страшно смотреть. Повсюду – слой пыли в мизинец толщиной. Все указывало на то, что последний раз этой камерой пользовались не одно поколение назад. К счастью, здесь имелось окошко. Хотя и крохотное, но оно пропускало свежий воздух и немного бледного дневного света. Если нагнуться и прильнуть прямо к краям, можно увидеть, как качаются на ветру ветви соседней липы, а сквозь них разглядеть серые крыши дварских домиков, а справа – выдающийся треугольником дворец Сарга.

Второе благо – здесь не водилось никакой живности: ни мышей, ни пауков, ни тараканов. Вопреки моим опасениям. Благоразумные дварские предки при переселении оставили их на Земле.

Я глазел в окно, пока спина не затекла, потом подошел к лавке, аккуратно стер пыль рукавом, осторожно сел. Доски противно заскрипели, но выдержали. Прислонившись спиной к холодной стене, я просидел около часа.

С каждой минутой становилось все гаже на душе, по мере того, как образы содеянного оседали в памяти, каменея, застывая клеймом... Я гнал воспоминания, старался отвлечься, думать о другом... Наша свадьба с Марлен. Первые встречи, последние... Как там, интересно, Кристи назвала моего второго племянника?.. Послезавтра Рождество...

Послышались шаги с той стороны, долго скрежетал замок, наконец дверь отворилась и ко мне заглянул Канг. Пастух. Принес новую табуретку, поставил в центре и, не ответив на мое приветствие, покинул камеру. А следом вошел Софронов.

– Клаус!

Кажется, первый раз он назвал меня по имени. С широченной улыбкой Вася бросился ко мне, а когда я поднялся, обнял и похлопал по спине. Я, признаться, тоже рад был его видеть, но от столь бурного проявления чувств малость опешил.

– Ну как там война? – поинтересовался я, когда мы уселись друг против друга.

– Слава Богу, кончилась. Каитане, как только узнали про погибшего паренька, все ушли. Сразу. Словно забыли про войну. Да и местные их не преследовали.

– Это я видел. Почему?

– Я разговаривал с Саргом. Насколько я понял, ты нарушил их табу. Не знаю, правда, в чем именно оно состоит. Говорю этому: «Вы же сами убиваете на войне», а он в ответ: «Это другое». А чем другое – объяснить не может. Просто твердит «так нельзя», «плохо», вот и все...

– Вася развел руками и отвел взгляд. – Какой-то варварский выворот мозгов. Лучами из трубок испепелять – за милую душу, а палкой, видите ли, нельзя! Отвыкли от трупов, эстеты хреновы!

– Не надо про трупы, ладно?

– И ведь ты же, главное, не хотел! Магану мне все рассказал, как было. Это же случайно вышло. – Вася разгорячился, словно продолжая неоконченный спор с правителем дваров. – Ну

кто знал, что он помрет?

– Да как сказать. Вроде бы и не хотел... – Я вздохнул, глядя, как мои пальцы мнут пылевой комочек. – А на самом деле все-таки хотел. Иначе бы второй раз не ударил. А может, не ударь я второй раз... по-другому все вышло бы...

– Тебя бы просто убили! И мальчика! И весь город! Они все здесь остались в живых благодаря тебе!

– Вася, мне правда жаль, что тот парень умер. Если б ты знал, как сейчас муторно. Если бы только можно было все переиграть... как-то иначе...

– Клаус, я троих убил. Когда стену продырявили и полезли каитане, взял лучемет и... Ну не мог я просто стоять и смотреть!

– Ладно, – отмахнулся я от этих разговоров. – Что теперь они со мной... хотят сделать?

– Ну... – Васин кадык дернулся. – По их закону положено... дремучее такое правило, Сарг сам сказал, что у них подобного даже старики не помнят... Мы ведем переговоры, так что...

– Казнь?

Вася как-то разом осунулся и кивнул:

– Казнь.

А на меня словно водой из ведра хлестанули. Стало тяжело дышать, я встал, едва не ударившись головой о низкий потолок, и прошел к правой стене, к окну. Замер, глядя на сплетения ветвей, покрытых зелеными листочками. Как же это... Я ведь и сам подозревал, что так выйдет, но вот вдруг... Так сразу...

– Клаус, главное, не переживай, мы тебя вытащим...

– Не говори мне этого! – крикнул я. – Хочешь спасти, можешь спасти, так спасай, а не болтай об этом! Прости, что накричал, но не надо так больше! Ты сейчас уйдешь, а я останусь и буду ждать, ждать, ждать, сходя с ума каждую минуту!

– Извини меня, пожалуйста. – Вася встал и склонился передо мной.

Я нервно рассмеялся.

– Да брось! Ну что ты. У Суня, что ли, научился?

Он распрямился и вымученно улыбнулся.

– Мы с ними говорим. Жестко говорим.

– Ладно, хватит об этом. С нашими-то все в порядке?

– Слава Богу все живы. Только Тези Ябубу...

– Что?

– Когда стену прорезали, сиурыне, кто выжил, убежали. А капитан остался. Потом все рухнуло и он... ребро сломал.

– Надо же, как ему достается, – удивился я. – На Агане руку сломал, здесь – ребро...

– Держится молодцом. Сунь его уже через медотсек прогнал, поправится. Повезло еще. Сиурыне многих не досчитались. Десятками гибли. Стен метров на двести – как не бывало. Обломки только. Дома с той стороны как решето, а иные наполовину срезаны. На дороге ямы, обломки роботов, поваленные деревья... видел бы ты, что там творилось, когда каитане ворвались. Из ближайших домов женщины выбежали, дети, а те... прямо по ним... – Голос Васи сорвался, руки тряслись. – Будь моя воля, я бы им всем бошки палкой проломил!

Мы помолчали.

– Как там мальчишка?

– Магану-то? Нормально. Задумчивый, правда, стал. И даже пришибленный какой-то. Впервые со мной говорил. Рассказал все. О тебе спрашивал. Но мне сейчас особо некогда с ним беседы разводить, сам понима...

Дверь распахнулась, заглянул Канг, буркнул что-то.

В правом ухе бесстрастно забормотал транслят:

– Васи-ан, тебя зовет Сарг.

Пока я слушал перевод, двар поставил на вторую, пыльную табуретку ломоть хлеба, кружку с молоком и миску с вареными клубнями.

Софронов поднялся, я тоже.

– Тебе что-нибудь принести?

– Ну... видишь, меня здесь кормят. Все натуральное. А в остальном... Почитать бы что-нибудь. «Древний Патерик» я так и не дочитал.

Двар отошел к двери, выразительно на нас глядя.

И тут я схватил Софронова за рукав:

– Слышь, Вася, я не готов. Я знаю, что заслужил, все правильно, но не готов... Вытащите меня отсюда, ребята. Пожалуйста, не бросайте...

– Вытащим, Клаус! – Вася заморгал часто. – Сегодня вечером. Самое позднее – завтра утром. Потерпи!

Казнь. Как только он ушел, я вспомнил, о чем забыл спросить. Когда назначена казнь? На какое время?

Полумрак кельи. Запах размоченных веток. Грубые стены из пальмовых стволов, стопки плетеных корзин, горшки в углу, рукописные книжки на подоконнике...

Передо мной сидит Сунь в помятом корабельном комбинезоне и сплетает прутья. Я сижу напротив и тоже пытаюсь плести.

– ...Да попробуют они тебя освободить, – говорит он мне. – И так и эдак будут ухищряться. Но не выйдет. Ты уж не серчай. Что тут поделаешь?

Мокрые прутья никак не хотят гнуться у меня в руках, то скользят, то выскакивают, то ломаются.

– ...не смогут. Извини их. Они и правда стараются. Переживают за тебя. Но ты, главное, сам не переживай. Все будет как надо, мне-то уж поверь. Не сердись только на ребят.

– Да я ведь не сержусь, – отвечаю. – Но сам посуди, рано мне еще. Ну не шутка ведь. Я же еще ничего не сделал. Только-только начал. Что я там скажу? Ничегошеньки у меня нет, вон, даже корзина не получается, – роняю поломанные прутья на земляной пол. – Ну как же так, а? Мне бы хоть немножечко отсрочки!

– Ты, главное, не волнуйся. – Сунь улыбается мне и кивает головой. – Все будет как надо. Получится у тебя корзина, и не одна.

Снаружи застучали в дверь кельи. Я оглянулся, с интересом наблюдая, как трясутся под ударами сбитые вместе доски.

– Ну вот, за тобой пришли, – кивнул Сунь и повторил: – Главное – не волнуйся.

Тут я проснулся. В дверь камеры действительно стучали. Пришлось встать с лавки и размять затекшее тело.

Ночью я едва уснул на жестких скрипучих досках. Ноги пришлось свесить на пол. Раздался металлический скрежет, дверь дернули, потом ударили еще раз, снова заскрежетали... До меня дошло: замок заклинило. «Если рассказать кому-нибудь, будет смешно», – мелькнула равнодушная мысль. И почти тут же замок щелкнул, дверь распахнулась. В камеру вошел Канг и еще двое незнакомых дваров. Все с лучеметами в руках.

– Выходи! – приказал старший, седой.

Я хотел попросить пять минут, чтобы привести себя в порядок, но вместо этого молча подчинился. Даже причесаться не успел.

Коридор, освещенный дрожащим светом факелов, был битком забит вооруженными дварами. Все направляли раструбы на меня.

– Иди право, – скомандовал седой двар.

Я повернулся, куда было велено, и медленно пошел, наступая на ряды хмурых бородачей. А те, в такт моим шагам, пятились, не сводя прицелов и сосредоточенных взглядов. А сзади, напротив, шли по пятам.

У меня на душе стало легче. Видно, удалось ребятам уговорить Сарга. Что ж, сильно я напугал сиурян, если меня из тюрьмы под таким конвоем выводят. И немудрено. Гарзу сорвал, распугав весь город. Жреца избил. А потом еще парня того... табу нарушил. В их глазах я такой

отморозок, каких здесь еще не видывали. И они правы. Ладно, я залезу в родимый «Аркс» и носа больше не выкажу из своей каюты. Книги душеполезные буду читать да грехи замаливать. Есть что замаливать...

– Иди лево.

Я послушно свернул в проход и оказался посреди камеры. Только другой. У противоположной стены бревна старые наставлены, а перед ними столбик торчит. Сзади ткнули в спину. У меня коленки подогнулись. Господи, да что же это... Где же ребята?

– Иди прямо.

Оборачиваюсь.

– Ребятки, не надо... пожалуйста, дайте еще денек... последнее желание. – Они толкают меня лучеметами, как палками, тесня все ближе к столбу. – Неужто у вас такого правила нет? Мне бы только денек... Рождество ведь завтра. Праздник большой. У нас. – Двары наступают, лица каменные... – Слушай, позови Сарга, я хочу сказать последнее слово. Это же мое право. Ну что, тебе сложно позвать? – Толчок в живот, в грудь, еще шаг. – Ладно-ладно. Я тогда вам скажу, хорошо? Мне жалко, что я прибил того парня. Правда. Я бы все отдал сейчас, только бы он остался жив. Я не хотел... Не знал, что так выйдет...

Спина уперлась в столб. Двары остановились. Вася, Сунь, Тези Ябубу, скорее! Где вы?

Сзади кто-то обходит, я слышу, как шаркают шаги по камням. Справа потрескивает факел. Двар, тот, что со спины, продевает под моими руками веревку, перехватывает...

Господи, ну помоги мне! Ты же видишь – я не готов. Ну с чем я к Тебе приду? У меня ведь нет ничего. Вся жизнь – помойка. Смилуйся! Дай мне шанс вычистить ее. Хоть немножко, хоть пару годков, а? Обещаю, я все исправлю, только спаси меня сейчас! Ну пожалуйста!

Вася молился там, на Агане, и Ты его услышал, и вмешался, и спас всех нас. Верю, Господи, что Ты и сейчас можешь сделать так, чтобы против всех правил избавить меня от лютой кончины. Верю, Господи, правда! Верю, как никогда в жизни не верил! Знаю, Ты меня слышишь. Прошу Тебя! Но почему же...

Ах да. У Софронова на руках крови не было. А меня ведь по справедливости... Рыжий паренек в луже крови... Исчезающая перед глазами Санэ...

Я вздрагиваю, когда двар затягивает веревку, привязывая меня к столбу. Откуда-то из подвала сознания выплывает черная бритая голова Бонго и слова «вспомните об этом, когда припрет». Не хочу вспоминать. Нет сил спорить, нет времени думать, я просто знаю, что не сделаю этого. Тот, кто привязал меня, отходит к двери. Двары отступают. Остаются те трое, что забирали меня... Вижу, как у Канга дрожат руки. А седой моргает. А третий даже рот открыл. И лица их больше не каменные...

– Ребятки, не надо... – Я вытягиваю трясущиеся руки, чтобы хоть не видеть этих стволов.

Господи, прости! Господи, прости! Госпо...

Стволы дрогнули.

А потом полыхнуло синим.

Прежде чем открыть глаза, я почувствовал солоноватый запах моря. И ветер. Я лежал на чем-то твердом и неровном.

Когда же открыл глаза, первым, кого увидел, была Санэ. Очень она мне обрадовалась.

Потом я приподнялся и увидел, что сижу посреди городской улицы. Дома на ней были довольно ветхие, многие без стекол, окруженные сгнившими, покосившимися заборами... Но кое-где белели свежие доски. А вокруг на мостовой были разбросаны, словно гигантской рукой, куски дварских роботов. В основном верхние части.

Ребята сообразили только на следующий день.

Я как раз выносил старые тряпки из дома, что нам с Санэ определили старшие, как в левом ухе зазвучал голос Васи:

– Зеберг! Ты меня слышишь? Ответь...

Я положил ворох тряпок на землю и включил призап на передачу.

- Привет, Вася. Слышу отлично. С Рождеством Христовым тебя!

- Господи... Слава Богу! Слушай, мы только сейчас проверили датчики по экипажу... Ох, до сих пор не верится... ну ты как сам? Цел?

- Да. Жив-здоров. Как и все те исчезнувшие каитане и сиуряне. Классные ребята, кстати.

- Телепортация... мы так и подумали, когда увидели, что ты числишься живым... то есть это была одна из идей... ну надо же... Как я рад тебя слышать, даже не представляешь.

- И я, Вась, очень рад. Правда.

- Тут Тези Ябубу и Сунь сидят, слушают... привет передают. Мы за тобой сегодня залетим. Жди к вечеру. Ох, я же не рассказал, что у нас произошло. В общем, порядок. Сарг сдержал слово, вызвал астрономов из Огора. Дали они нам астрографию. И даже помогли Суню распознать и в комп ввести. Тебя и впрямь не хватало. В общем, к вечеру жди, а ночью – выходим на орбиту и дальше – на Землю.

- Здорово. Только за мной не надо прилетать. Я остаюсь.

- Эй. В смысле... остаешься? Здесь?

- Да. Не отговаривай, не будем тратить время. Скажи лучше, как там пацан-то? Магану?

- Да с ним-то что... на Землю вот с нами захотел полететь. Сам пришел и сказал... Пстой, ты не можешь остаться...

- Еще как могу, – опять улыбаюсь, глядя в чистое небо.

В наушниках замешательство, потом голос Тези Ябубу:

- Клаус, это капитан. Не дури. Ты нам нужен.

- Нет. Очередность заданий на анализаторе проставлена до Земли. Компьютер справится сам.

- А внештатные ситуации?

- Ну, смогли же излечить твое ребро, хотя наш медик остался на Агане? Незаменимых нет, так ведь изначально и задумывалось. Я должен остаться здесь.

- Почему?

Я помедлил, прежде чем ответить. Наш дом стоял на самом краю улицы, так что со двора открывался спуск к морю, был виден маленький пляж в заливчике, стиснутом скалами, у подножия которых пенились набегающие волны. Трое мальчишек с самодельным удочками на плечах спускались по тропинке к морю. Из открытого окна нашей хибарки доносился запах ухи, которую варила Санэ. Я вздохнул и ответил:

- Потому как нужно принять то, что определил Господь. И я принимаю это с легкостью. Мне так хорошо, как никогда в жизни. Здесь все мне родное. И двары. Они снова удивили нас. Как и тогда, с Гарзой... Тяжело осознавать, что в войне каитян и сиурян было лишь одно настоящее убийство. Я хочу посвятить остаток своих дней этим людям. Послужить им. Поучиться. Думаю, у них еще много сюрпризов. И много чему поучиться.

- Клаус, это не курорт. Здесь больше никогда не будет корабля на Землю. Через пару месяцев ты изменишь мнение, но будет уже поздно. Я приказываю...

- Не стоит.

- Клаус, мы все равно прилетим сегодня.

- Не надо, ребята. – Из соседнего дома вышел Хнак со свежеструганной доской на плече, завидев меня, приветственно кивнул. – Господь дал мне все, о чем я просил. И даже больше. Здесь, в Городе Мертвых, единственное место, где не знают о том, что я совершил. Мне тоже хочется дать, хочется чем-то поделиться, подарить этим людям. А что у меня есть более ценного, кроме жизни? Не прилетайте сюда, прошу. Силком все равно не возьмете, спрячусь. Спасибо вам за беспокойство, и заботу, и... дружбу. Передайте моей семье, что я их очень люблю. Молитесь обо мне. В добрый путь!

Я вынул из призапа плату со встроенной антенной, бросил ее на камни и тщательно растоптал. Потом взял ворох тряпок и понес их вниз, на свалку. По пути на всякий случай подумал над местом, в которое спрячусь, если ребята все-таки прилетят сюда за мной.

Не прилетели. Вечером на северо-западе я увидел, как темная точка уверенно ползет в небо. А чуть погодя к нам в калитку постучали. Это был каитянин Векк с главной улицы. Он поздоровался со мной, затем протянул увесистый мешок и проговорил что-то.

– Вот это появилось только что на площади, – перевел транслят. – Мы глянули – там листы какие-то, написано не по-нашему. Посмотри, может быть, тебе сгодится?

В мешке оказалась кипа распечаток, и я улыбнулся, едва увидел верхний лист с надписью «Древний Патерик». А за ним была «Лествица», «Лавсаик», бумажные иконки, Библия, молитвослов, и еще много чего, даже словарики и черновые Васиные наброски сангхитской грамматики. Ну да, батареи транслята ведь не вечны... отличный рождественский подарок. Все-таки Вася – классный парень. Надеюсь, все у него наладится с этой... как ее там... Ну, в общем, сложится как надо. И у Тези Ябубу. И у лысых пацанят.

Об одном только жалею – забыл поблагодарить Суня. Жаль, что слишком поздно я сообразил, благодаря кому из нас все так разрешилось. Слишком поздно понял, что значит слово аввы Антония «куда бы ты ни ходил, всегда имей Бога пред очами своими».

Если бы я только мог так верить...

[1] Здравствуй, старший брат (лакот .).

[2] Здравствуй, младший брат (лакот .).

[3] Великая Тайна, или Великий и Таинственный (лакот.).

[4] Помоги мне, друг! (лакот .)

[5] Да будет так, да сбудется (шумер .).